

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

На правах рукописи

НАЗАРОВА Наталья Юрьевна

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА В СТРУКТУРЕ
СЛОВА И ТЕКСТА: ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНЫЙ
АСПЕКТ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук
профессор С.В. Пискунова

Тамбов 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА I. АКТУАЛИЗАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В СТРУКТУРЕ СЛОВА И ТЕКСТА.....	19
§1. Лингвистическая безопасность речевой деятельности языковой личности в условиях текстовой коммуникации.....	19
§2. Преобразование и развитие психологической семантики в слове.....	57
§3. Функциональное информационное поле психологической семантики в коммуникативном пространстве.....	97
Выводы к главе I.....	119
ГЛАВА II. ЯЗЫКОВАЯ ФОРМА И ФУНКЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В ОСНОВНЫХ ТИПАХ ТЕКСТОВОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	122
§1. Особенности психологической семантики диалектного слова в системе текстовой коммуникации.....	122
§2. Стилистическая роль психологической семантики в телевизионном тексте-дискуссии и интернет-тексте.....	136
§3. Функциональные особенности компонентов с психологической семантикой в публицистическом тексте.....	157
§4. Семантическое расширение слова в художественном тексте: лингвопсихологический аспект.....	184
Выводы к главе II.....	233
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	237
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	246

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	278
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	280
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	287
Приложение 1. Публикация газеты «Аргументы и факты». № 26 (1755) от 25 июня-1 июля 2014 г	287
Приложение 2. Таблица 1.1. Лексема <i>уровень</i> и особенности ассоциативных реакций	288
Приложение 3. Таблица 1.2. Развитие информационного поля лексемы <i>тишина</i>	289
Приложение 4. Схема 1.2. Пирамида потребностей А. Маслоу	290
Приложение 5. Таблица 1.3. Актуализация различных психологических признаков содержания лексемы <i>страшный</i>	291
Приложение 6. Лингвистический анализ текста деловой коммуникации.....	293
Приложение 7. Таблица 2.1. Ключевые лексические компоненты диалектного текста	295
Приложение 8. Схема 2.1. Модель взаимодействия текстовых единиц в диалектном фразеологизме <i>пошли ходенем</i>	296
Приложение 9. Таблица 2.2. Статистика лексем текста	297
Приложение 10. Таблица 2.3. Семантическое ядро текста.....	298
Приложение 11. Таблица 2.4. Особенности лексического оформления заголовков газеты	299
Приложение 12. Таблица 2.5. Редакционная статья «Иллюзия будущей пенсии» газеты «Аргументы и факты».....	301
Приложение 13. Таблица 2.6. Тематическое объединение ключевой лексики и психологической семантики.....	302

Приложение 14. Таблица 2.7. Грамматические формы ключевых слов и их функциональная нагрузка	303
Приложение 15. Таблица 2.8. Синтаксические позиции лексемы <i>пенсия</i> в предложении.....	304
Приложение 16 Таблица 2.9. Сравнительный анализ лексических компонентов по тематическим рубрикам	305
Приложение 17. Лексическое оформление статьи «Первые жертвы в жерновах ЕГЭ» газеты «Аргументы и факты».....	308
Приложение 18. Лексическое оформление статьи «В неоплатном долгу» газеты «Аргументы и факты».....	309
Приложение 19. Таблица 2.10. Распределение по стилистическому признаку лексики статьи «В неоплатном долгу» газеты «Аргументы и факты».....	310
Приложение 20. Таблица 2.11. Исходное значение слов и их коммуникативная роль в тексте	312
Приложение 21. Таблица 2.12. Семантическое преобразование слова в тексте	315
Приложение 22. Схема 2.2. Модель семантической оппозиции.....	317

ВВЕДЕНИЕ

Текстовое общение представляет сложный процесс речевой деятельности, во время которого происходит взаимодействие языковых и экстраязыковых систем: социум – человек – речь – совокупность языковых проявлений и отображаемых ситуаций; порождение и восприятие единиц общения как компонентов текста. Безусловна коммуникативная значимость данного явления, которое имеет динамический характер, зависящий, прежде всего, от адекватной реакции коммуникантов на предложенные обстоятельства. Одним из условий успешного овладения многоаспектной семантикой текста, к числу которой следует отнести и психологическое содержание лексических компонентов его структуры, является выработка моделей порождения и восприятия речи.

Процесс восприятия текста представляет собой иерархическую систему: от низшего сенсорного к высшему понятийному уровню. Происходит непосредственное восприятие знаковой формы текста, затем реципиент переходит к осознанию смысла составляющих его компонентов, после этого происходит формирование целостной структуры, которая может быть адекватна авторскому порождению замысла. При этом возможно дополнительное развитие содержания, которое зависит от состояния системы языка, основных и фоновых знаний коммуниканта и его способности к порождению новой информации на основе анализа текста. Так, например, В.П. Глухов пишет, что «текст представляет собой самый сложный языковой знак, предполагающий единовременный охват достаточно большого количества фактов окружающей действительности и поэтому, а также в силу своей неоднозначности, подлежащий обязательной

интерпретации («истолкованию») со стороны реципиента» [Глухов 2005: 111].

Речевое общение в современных условиях представляет собой многоаспектное по содержанию и форме явление, поэтому его изучение актуально для различных научных направлений в области философии, психологии, лингвистики, социологии, культурологии, политологии и др. Каждое из них рассматривает общение с позиций своих научных теорий, выделяет специфические аспекты для изучения и, соответственно, формирует понятийный аппарат, систему терминов, приемы и методы. Поэтому, как справедливо отмечал А.А. Леонтьев, в современной науке существует огромное количество несовпадающих определений данного понятия [Леонтьев 1997: 26]. Важным является то, что коммуникация – «акт общения, связь между двумя и более индивидами, основанная на взаимопонимании; сообщение информации одним лицом другому или ряду лиц» [НСИС 2009, URL: <http://www.dic.academic.ru/.html>]. В связи с этим речевая деятельность человека является самой сложной формой общения, которая зависит от социального положения, возрастных особенностей, гендерной принадлежности, пространственно-временных условий, психологического состояния и реакций коммуникантов и т.д.

Процесс языкового общения, как известно, очень часто сопровождается различными коммуникативными сбоями, которые могут быть вызваны психологическими причинами: речевая ситуация; цели и задачи обмена информацией коммуникантами; степень владения языком и наличие речевых навыков коммуникантов; их психическое функциональное состояние; соотношение знаний о системе языка; семантическая закрепленность отражения картины мира в языковой культуре на момент общения. Это не полный список возникающих проблем и барьеров современного языкового общения, которыми в настоящее время занимаются гуманитарные науки, но в их основе

находится психологическая мотивация речевой деятельности языковой личности. Поэтому изучение психологической семантики в слове и тексте имеет научную перспективу и практическую значимость, приобретает особую актуальность в изучении вопросов лингвистической безопасности коммуникантов.

Следует заметить, что заметное снижение общего уровня коммуникативной речевой культуры в конце XX века и начале XXI века происходит не только по социально-экономическим, образовательным, культурологическим причинам, но также обусловлено психологической мотивацией языковой личности. Как отмечает О.Б. Сиротина, изменилось представление о нормах и правилах культуры речи в представлениях о них носителей языка, что привело к свободному и подчеркнутому использованию разговорной и даже нелитературной формы языка [Сиротина 2001: 152]. Известно, что лексическая система русского языка обладает значительным запасом разностилевых единиц, среди которых психологические компоненты семантики и эффект, создаваемый их словоупотреблением в текстовой коммуникации, является функционально многообразным и значимым.

По-прежнему актуальны понятия, которые впервые были использованы Д.С. Лихачевым [Лихачев 1995], «экология культуры», «нравственная экология», а в дальнейшем получило развитие понятие «экология языка» [Журавлев 1991; Савельева 1997; Руделев 1979 и др.].

Одним из условий успешного текстового обращения и достаточно полного овладения информацией, получения эстетически верного впечатления является профессиональное использование методов лингвистического анализа. Существуют различные приёмы и способы его проведения, что зависит от целей и задач исследования, но обязательным остаётся требование соблюдения триединства: содержание, форма, функция.

Поэтому достижения функциональной стилистики во многом способствовали тому, что представители различных лингвистических направлений признали текстообразующую роль взаимосвязанных и взаимообусловленных единиц языка в структуре произведения. Особое значение, по справедливому замечанию Н.В. Данилевской, приобретает антропоцентрический подход к изучению языковых явлений [Данилевская 2003: 223-230]. Как отмечает И.А. Стернин, «коммуникативное сознание – это совокупность знаний и механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека», что связано с совокупностью ментальных категорий, набор принятых в обществе норм и правил ведения общения [Стернин 2003: 13].

Объект исследования – психологическая семантика в структуре слова и текста, грамматические способы ее выражения и функциональная значимость в традиционных и современных условиях общения.

Предмет исследования – процессы формирования и развития психологической семантики в вербальном информационном поле при осуществлении речевой деятельности коммуникантов в различных типах текстообразования.

Актуальность исследования обусловлена возрастающим вниманием ученых гуманитарных научных дисциплин, общественности к проблемам текстовой коммуникации при формировании и передаче информации в различных условиях развития общественно-политических, социально-экономических, общекультурных и культурно-религиозных отношений, что обусловлено психологией речевого общения. Оценка языковых средств отражения картины мира, порождение и восприятие психологической семантики языковой личности непосредственно связаны с антропоцентрическим направлением в лингвистике, а также с лингвопсихологией, которая «заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его

жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования» [Кубрякова 1995: 212], культурологией, коммуникативной лингвистикой, психологией, социологией, политологией и др. Это значимо для многих смежных гуманитарных научных дисциплин, которые основываются на коммуникативной функции текста.

Изучение специфики *психологической семантики* в структуре слова как компонента системы языка и текста необходимо для решения проблемы адекватного понимания в процессе коммуникации. Это зависит от объема и качества индивидуальных знаний и навыков коммуникантов, а также собственно психологических механизмов речевой деятельности языковой личности. Психологическая семантика представляет собой один из информационных аспектов в иерархии лексических и текстовых структурных смыслов. Как и каждая разновидность семантического объема функционально значимых единиц, психосемантика может быть актуализированной, объективной и субъективной, реальной и потенциальной, основной и фоновой и т.д. Поэтому коммуниканты должны знать о природе данного лингвистического явления.

Психологическая семантика как часть информационного поля слов и текста может быть исходной, основной по отношению к событийной, а также приращённой, полученной в процессе коммуникации [Пискунова 2002: 143]. Взаимодействие психологических субъектов в процессе говорения и понимания, по словам Е.С. Кубряковой, и отражает менталитет пользователей речи [Кубрякова 1994]. Оценка содержания в этом плане зависит от психологического опыта того, кто использует текст в качестве средства общения. Она способна стать ведущим признаком общего содержания или позиционно актуализироваться в зависимости от речевой ситуации, интеллектуального и эмоционального состояния коммуникантов, их жизненного опыта. Поэтому особое значение для исследования

функционально-семантических возможностей текста приобретает антропоцентрический подход к изучению его языковой формы.

В лингвистической литературе принято выделять три группы факторов при определении языковой ситуации: собственно языковой материал, многообразие текстов в их жанровом и стилистическом разнообразии; лингвистическое обеспечение нормативной языковой деятельности словарями, справочниками, грамматиками; социальная ответственность общества за родной язык [Ильенко 1995: 5]. В истории развития системы русского языка и его реализации в различных типах текста сформировалось достаточно большое количество единиц, обладающих исходной и потенциальной психологической семантикой, употребление которых зависит от соблюдения существующих норм, социально соответствующих времени, языковой ситуации. При этом свобода языкового творчества коммуникантов не должна навредить системе языка, правилам общения, она должна способствовать сохранению лингвистической безопасности.

О необходимости бережного отношения к русскому языку, сохранении его как *культурной исторической ценности*, обеспечению возможности интеллектуальной связи поколений, неоднократно справедливо замечали ученые [Милославский 2006]. Это позволит текстовому общению выйти на новый уровень своего развития и обеспечит *лингвистическую безопасность, психологический комфорт речевой деятельности языковой личности*. К данной проблеме все чаще стали обращаться исследователи в контексте теории культуры речи как иерархии культурно-речевых норм при оценке текстов массовой коммуникации [Лисицкая <http://psibook.com/sociology/kommunikativnye-normy-i-lingvisticheskaya-bezopasnost-sovremennyh-mediatekstov.html>], нарушении коммуникативных норм как поведении общающихся [Едличка 1987], языковом конфликте, который порождает эмоциональный эффект обиды

[Ермакова, Земская 1993]. Выделение Т.В. Маркеловой эмоциональной и рациональной оценки имеет психологический характер, т.к. связано с определением реакции человека на объект, социальными стереотипами, которые не всегда строго дифференцируются [Маркелова 1996], что позволяет исследователю рассматривать различные виды оценочности: субъективная, эмоциональная, рациональная, алетическая, персуазивная, временная, пространственная, экзистенциальная [Маркелова 1995]. Возникновение *коммуникативного напряжения* зачастую воспринимается негативно и может привести к оскорблению чести и достоинства личности.

Под лингвистической безопасностью Л.Г. Лисицкая понимает «отсутствие в развертывании текста таких стратегий, которые ведут к негативным перлокутивным эффектам в сферах знаний, чувств и устремлений основного и косвенного адресата» [Лисицкая <http://psibook.com/sociology/kommunikativnye-normy-i-lingvisticheskaya-bezopasnost-sovremennyh-mediatekstov.html>]. Этого недостаточно для понимания данного сложного понятия, охватывающего состояние языковой системы, процесс текстообразования и собственно коммуникации.

Актуальность исследования обусловлена тем, что современное вербальное общение часто связано с возникновением и развитием повышенной зоны конфликтогенности, что приводит к необходимости решения проблем лингвистической безопасности. Это непосредственно связано с определением основных типов и видов психологической семантики в структуре слова и текста, обусловленной речевой деятельностью языковой личности в различных коммуникативных ситуациях, и состоянием системы языка. Данные процессы связаны с необходимостью сохранения семантического объема слова, его адекватного назначения и возможности дальнейшего функционального расширения. Продуктивное использование единиц системы языка при формировании речевых навыков коммуникантов способствует психологическому

комфорту и интеллектуальному развитию, свободе в выборе средств общения при соблюдении общепринятых норм и проявлению индивидуальности.

Цель – охарактеризовать семантические особенности, языковую форму и функции психологического содержания в структуре слова при порождении и восприятии текста как основной единицы коммуникации в различных речевых ситуациях и условия для создания лингвистической безопасности.

Цель исследования определила постановку следующих **задач**:

- проанализировать теоретические работы по проблемам изучения речевой деятельности языковой личности в различных гуманитарных науках;
- выявить специфику психологической семантики в структуре информационного объема слова и текста, место в системе иерархических отношений в данных единицах вербальной коммуникации;
- провести лингвистический анализ различных типов текстов и лексикографический анализ их ключевых компонентов по определению структурно-семантических и функциональных особенностей психологического семантического признака;
- определить основные признаки языкового выражения компонентов вербальной коммуникации, которые обеспечивают или приводят к нарушению лингвистической безопасности.

Гипотеза исследования состоит в том, что психологическая семантика как компонент информационного поля слова и собственно текста в коммуникативном процессе оказывает значительное влияние на речевую деятельность языковой личности, развитие лексической системы русского языка, создает новые условия для речевых ситуаций в аспекте

лингвистической безопасности, способна к трансформации в положительном и отрицательном плане.

Теоретико-методологическая база диссертационного исследования формировалась на основе классических и современных теорий отечественного и зарубежного языкознания, посвященных описанию особенностей структурно-семантической и функциональной организации текста, изучению речевой деятельности языковой личности, функциональной значимости слова в тексте, лингвопсихологическим аспектам речевой коммуникации: работы Ю.Д. Апресяна, Ш. Балли, Н.Н. Болдырева, Н.С. Болотновой, В.В. Виноградова, Е.М. Вольф, И.Р. Гальперина, Е.С. Кубряковой, В.И. Карасика, А.А. Леонтьева, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, С.В. Пискуновой, В.Г. Руделева, А.Л. Шарандина, Д.Н. Шмелева, Л.В. Щербы и др.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- определены особенности, статус, функциональная значимость психологической семантики в структуре слова и текста;
- рассмотрены процессы развития данного вида семантики в различных типах текстов в плане формирования, актуализации проблемы лингвистической безопасности в речевой деятельности языковой личности;
- проанализированы ключевые текстовые лексемы, обладающие исходной и потенциальной психологической семантикой, с учетом их соответствия и несоответствия функционально-стилистической норме в современных условиях речевой коммуникации как элементов лингвистической безопасности;
- уточнены особенности использования тематических групп лексики в плане развития психологической семантики при порождении и восприятии текста с учетом их принадлежности к грамматическим классам слов на основе лексикографического и лингвистического анализа текста;

- описаны речевые действия коммуникантов в новых условиях обмена информацией при активизации психологической семантики в структуре различных типов текстов.

Теоретическая значимость диссертационного исследования связана с дальнейшей разработкой теории текста, текстовой коммуникации, коммуникативной стилистики, текстовой семантики и функции единиц системы языка, а также теории речевой деятельности коммуникантов в новых формах вербального общения и проблем лингвистической безопасности психологической коммуникации.

Функциональный перенос психологического значения в семантическом объеме слова обусловлен рядом причин: а) влияние языковой системы, которая формируется и развивается под влиянием текстовой коммуникации; б) актуализация психологической семантики носит целенаправленный характер и авторское решение при порождении или восприятии текста, т.е. может быть объективной (система языка соответствует авторскому замыслу) и субъективной (авторское и читательское отношение к системе языка, индивидуальные особенности и т.п.). В любом случае данный процесс формирует семантическую структуру текста на входе в коммуникативный акт, в процессе общения и, безусловно, на выходе из процесса коммуникации, но при входе в систему языка как новый этап его развития. Это происходит в сочетании с различными типами семантики, но приобретает особую роль и качество в создании именно психологического признака лексического и других видов текстовых единиц.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. *Психологическая семантика* является одним из компонентов информационного объема слова и текста, зависит от состояния языковой системы на различных этапах и формах ее развития в речевой деятельности языковой личности, связана с внутренним душевным состоянием человека,

его реакцией и действиями в различных ситуациях общения при порождении и восприятии текста.

2. Функциональная значимость психологической семантики в успешном вербальном общении обусловлена адекватным соблюдением *лингвистической безопасности* как основы развития языковой личности в свободе выбора языковых средств и соблюдении общепринятых норм культуры речи в системе русской языковой культуры.

3. Лингвистическая безопасность в процессе языковой коммуникации связана с отсутствием угрозы для ее участников, которая может быть вызвана присутствием в тексте лексем с исходной или приобретенной негативной психологической семантикой, порождающей увеличение *зоны коммуникативной конфликтности*.

4. Психологическая семантика (основная, целенаправленно-ситуативная, объективная, субъективная, историческая, современная, защитительная, реальная, фантазийная, ассоциативная) проявляется в речи на основе использования слов с исходным психологическим признаком, с развитием потенциальных возможностей данного смысла в лексических единицах текста при их взаимодействии с другими элементами, что вызвано их дополнительной функцией в момент порождения и восприятия речи. Объективность такого динамического преобразования подтверждается моментом коррекции как одним из составляющих речевого общения, что отражается на проверке допустимых и перспективных факторов развития языковой системы.

5. Формирование и развитие психосемантики обусловлено характером коммуникативной исторической и современной речевой ситуации:

1) в системе *русских народных говоров* – естественное использование нейтральной и актуализированной лексики с психологическим признаком;

ключевой лексики с мифологическим содержанием; переход лексики говоров в качестве диалектизмов в систему литературного языка;

2) в *публицистическом стиле* – закрепление функциональной значимости единиц текста с оценочной семантикой в качестве компонентов психологического плана и актуализация потенциальных возможностей лексики в аспекте психологического воздействия средствами различных типов текстов (СМИ, телевидение, Интернет);

3) в *художественном тексте* – употребление возможностей лексики системы языка и индивидуальных способов выражения психологического смысла как образного восприятия и отражения картины мира.

6. Лексика с психологической семантикой представляет собой отдельную антропоцентрическую подсистему русского языка, оказывает значительное влияние на формирование успешного взаимодействия коммуникантов. Закрепление данной информации обусловлено грамматической формой со значением действия, оценки, обозначения физических свойств предметов, лиц и других представителей реального мира, ассоциативных и сравнительных связей, которые закреплены в различных подсистемах русского языка.

Методы и приемы исследования, используемые в работе, связаны с описанием языковых явлений в процессе речевой коммуникации, определением структурно-семантических и функциональных особенностей текста, спецификой лексико-семантических единиц языковой системы и ключевых компонентов текста с оценкой в них психологической семантики. Применялись методы лингвистического и лексикографического анализа текста, описательный и стилистический методы, метод функциональной лексикологии, метод наблюдения, приемы функционального и описательного метода, а также метода иллюстративного моделирования.

Материалом исследования послужили произведения русских писателей XIX-XXI вв., тексты новостных, аналитических, информационных, развлекательных публикаций в средствах массовой информации (газеты, журналы, телевидение), а также интернет-тексты, наблюдения за живой разговорной речью. В ходе работы использовались материалы словарей и энциклопедий различного типа, анализировались фрагменты научных работ, учебной литературы при определении психологической семантики в данных типах текстов, предназначенных для определенной сферы общения.

Практическая значимость обусловлена возможностью использования в научной практике разработки по теории текста, в подготовке дополнений к словарным статьям, при проведении занятий по лингвистическому анализу текста в школе и вузе, лингвопедагогике, журналистике, политологии, культурологии, лингвистической психологии, а также при проведении спецкурсов и спецсеминаров по вербальной коммуникации.

Апробация: основные результаты исследования изложены в публикации 17 статей, в том числе 4 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, в докладах на следующих международных конференциях: Международная научно-практическая конференция «Экология языка и речи» (г. Тамбов, 2011 г., 2013 г.); Международная Интернет-конференция «Русистика XXI века: традиции и тенденции» (г. Мичуринск, 2012 г.); Третья международная научная конференция «Славянский мир: духовные традиции и словесность» (г. Тамбов, 2012 г.); Всероссийская научная конференция, посвященная 85-летию со дня рождения д.ф.н., профессора В.В. Щеулина «Жизнь языка. Жизнь в языке» (г. Липецк, 2013 г.); Международная заочная научно-практическая конференция «Наука и образование в XXI веке» (г. Москва, 2013 г.); Международная научно-практическая конференция XIX Шешуковские чтения «Текст в

художественной литературе, публицистике и журналистике» (г. Москва, 2014 г.); IV Международная научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов «Современная российская наука глазами молодых исследователей» (г. Красноярск, 2014 г.); XI Международная научно-практическая конференция «Язык и культура» (г. Новосибирск, 2014 г.); X Международная научно-практическая конференция по всем наукам «Интеграционные процессы развития мировой научной мысли в XXI веке» (г. Казань, 2014 г.); V Международная научно-практическая конференция «Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения в свете современных исследований» (г. Махачкала, 2014 г.); Конференция молодых исследователей, посвященная Дню славянской письменности и культуры ГАОУ ВПО «Московский государственный областной социально-гуманитарный институт» (г. Коломна, 2014 г.); II Международная научно-практическая конференция «Текст. Произведение. Читатель» (г. Прага, 2014 г.).

Структура: работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы (272 ед.), списка сокращений, списка источников фактического материала, приложений, в которых представлены результаты лингвистического анализа текстов.

ГЛАВА I.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В СТРУКТУРЕ СЛОВА И ТЕКСТА

§1. Лингвистическая безопасность речевой деятельности языковой личности в условиях текстовой коммуникации

Сущность коммуникативного процесса в лингвистике всегда непосредственно связывали с функцией языка, который «предназначен для того, чтобы служить орудием общения людей, и устроен таким образом, чтобы быть естественно усвояемым, эффективным и адекватным средством обмена информацией и накопления» [Русский язык...1979: 385]. Выделенные К. Бюлером функции языка (репрезентативная, экспрессивная, аппеллятивная) и признанные в филологической науке фатическая, металингвистическая и поэтическая функции, а также шесть компонентов коммуникативных актов (автор, адресат, код, контакт, контекст, сообщение) Р.О. Якобсона лежат в основе базовых понятий и сущности психологии речи, речевой деятельности коммуникантов. Одним из компонентов, составляющих семантический объем слова и текста, является психологическое содержание.

Текстовое общение представляет сложный процесс речевой деятельности, во время которого происходит взаимодействие языковых и экстраязыковых систем: *общность людей (социум) – человек; речь – текст* в конкретных ситуациях; *порождение и восприятие единиц общения как компонентов текста*. Безусловна коммуникативная значимость данного

явления, имеющего динамический характер, зависящий, прежде всего, от адекватной реакции коммуникантов на предложенные обстоятельства.

Смысловое развёртывание текста, как отмечает Н.С. Болотнова, осуществляется через «систему концептуального выдвижения отобранных автором и особым образом организованных речевых средств, призванных возбудить творческое воображение читателя в нужном для писателя русле» [Болотнова 2003: 393].

Порождение семантики в тексте зависит от особенностей восприятия её языковой личностью, т.е. каким образом способен получатель информации адекватно реагировать на то, что передаётся в ходе общения. Формирование содержания текста обусловлено наличием в слове исходного или приращенного смысла, полученного в результате анализа как одного из моментов речевой коммуникации [Пискунова 2002]. Приращение нового содержания зависит от знаний читателя, собеседника, исторических и временных условий речевой деятельности, авторской индивидуальности в использовании языковых средств.

Одним из условий успешного овладения многоаспектной семантикой текста, к числу которых следует отнести и психологическое содержание лексических компонентов его структуры, является выработка модели восприятия. В основу лингвopsихологического анализа входят следующие аспекты: 1) осмысление проблемной ситуации общения, предмета речи; 2) привыкание к особенностям изложения; 3) построение адаптированных читателем смысловых фраз; 4) дальнейшее развитие содержания; 5) оценка известных и неизвестных значений слов; 6) присвоение информации и получение на ее основе знаний; 7) интеллектуальная и эмоциональная реакция на новую семантику текста в ходе лингвистического анализа системы текстовых единиц и др.

О наличии социально-психологической информации, которая может быть исходной, приращенной или диагностической [Пискунова 2002: 94],

степени ее важности для жизни текста в процессе языковой коммуникации свидетельствуют исследования лингвистов, психологов, посвященные изучению специфики восприятия художественных произведений в различных читательских группах [Рубакин 1977; Сорокин 1985; Белянин 1988 и др.].

Кроме того, в практике коммуникативных исследований принято учитывать критерии, рассматривать процесс общения, давать оценку его участникам, поэтому актуальными являются следующие признаки: физиологическая, психологическая, социальная идентичность; статус; отправитель и получатель информации; характер самоидентификации; уровень коммуникативной, лингвистической и культурной компетенции; взаимоотношения коммуникантов (история взаимоотношений, степень знакомства, психологический настрой, ролевые отношения, соотношение комплектов ценностей, степень асимметрии [Леонтович 2011: 112]. Данный подход во многом способствовал развитию, например, психопэтики как одного из актуальных направлений, занимающегося исследованием особенностей порождения и восприятия художественных текстов. Основная задача психопэтики – «изучение системы психолингвистических закономерностей, образующих объективную основу для адекватного восприятия авторского содержания реципиентами» [Пищальникова, Сорокин 1993: 4].

Появление психологического семантического признака в различных типах текстов зависит от многих факторов, поэтому лингвисты изучают собственно аспекты теории текста, структуры текстовой деятельности [Гальперин 1981]; его семантики, формы и функции [Борисова 2001: 73], интерпретации текста [Арнольд 1978: 5; Богин 1976: 13], диалогичности как функционально-семантической категории текста [Дускаева 2003: 312], интегративности текста [Дридзе 1984: 37; Борисова 2001: 89] и др.

Идея психологического понимания процесса коммуникации представлена в работе Майкла Риффатера «Критерии стилистического анализа», которого интересовали механизмы порождения читательского восприятия текстовой информации [Риффатер 1980: 69-97]. При этом следует учитывать, что «текст не может на равных правах с человеком участвовать в социальном общении, поскольку он получает свое бытие в качестве текста от человека и только для человека» [Васильев 1980: 69]. С этим можно согласиться, но надо помнить, что авторское и читательское содержание зависит от индивидуальных особенностей человека, места текста и его способности изменяться в системе языка. Процесс восприятия текста представляет собой иерархическую систему: от низшего сенсорного к высшему понятийному уровню. Происходит непосредственное восприятие знаковой формы текста, затем реципиент переходит к осознанию смысла составляющих его компонентов, после этого происходит формирование целостной структуры, которая может быть адекватна авторскому замыслу. При этом возможно дополнительное развитие содержания, которое зависит от состояния системы языка, основных и фоновых знаний читателя как коммуниканта. Так, например, В.П. Глухов пишет, что «текст представляет собой самый сложный языковой знак, предполагающий единовременный охват достаточно большого количества фактов окружающей действительности и поэтому, а также в силу своей неоднозначности, подлежащий обязательной интерпретации («истолкованию») со стороны реципиента» [Глухов 2005: 111].

Многие исследователи считают, что данный процесс творческого восприятия информации, заключенной, например, в художественном произведении, происходит бессознательно. Об этом в свое время писал Л.С. Выготский, рассматривая проблемы психологии искусства [Выготский 1968: 95-113], М. Арнаудов изучал особенности психологии литературного

творчества [Арнаудов 1970: 326-385], продолжил дальнейшую разработку проблемы А. Лилов в оценке природы художественного творчества [Лилов 1981]. Значительное влияние на формирование социально-психологической семантики в творчестве писателя и читателя оказывают национальная принадлежность, наследственный уклад жизни, уровень экономического и политического развития общества, факторы исторического времени и событий, о чем писали в своих работах многие исследователи: Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачев, В.П. Григорьев и др. Д. Горбов еще в 1929 г. отметил: «Любое явление действительности, попадая в сферу искусства, перестает иметь значение только явления действительности, но в то же время становится знаком внутреннего мира художника» [Горбов 1929: 35].

В практике лингвистического анализа речевых ситуаций стало общепризнанным обращаться к данному понятию, которое получило свое развитие и применение по аналогии с принятым в исследованиях диалектологов, историков языка, культурологов явлением исторической памяти слова. Как известно, уровень текстового общения в процессе развития языковой системы во многом зависит от совпадения семантического объема ключевой и фоновой лексики, языкового опыта и мышления индивидов, к числу которых относятся отправитель и получатель информации, а они представляют собой сложное сочетание общего и индивидуального. В процессе общения это способствует или препятствует успешности коммуникации. На творчество автора, как отмечали В.М. Бехтерев, Н.А. Рубакин, Л.И. Тимофеев во многом влияют психологические особенности [Бехтерев 1924; Рубакин 1977; Тимофеев 1971].

«Результатом речевой деятельности является мысль и текст, а результатом речевого поведения выступают отношения между людьми...эмоции» [Казарцева 2001: 9]. Не случайно даже в специальной

научной литературе при определении термина *дискурс* в соотношении с *текстом* вводится психологический признак как фактор [ЛЭС 1990: 136].

В исследованиях о коммуникативной деятельности отмечается четыре взаимодействующих акта: логический (рациональный), этический, прагматический и психологический (эмоционально воздействующая ее сторона). Для этого рекомендуется выделить один из аспектов и выбрать коммуникативную единицу, которая способна нести законченную информацию и выглядит как отдельное предложение, фраза, диалогическая реплика [Филиппова 2012: 6-7]. Такое ограничение в выборе коммуникативной единицы может быть оправданным только в связи с конкретными задачами. Не следует забывать о том, что основной коммуникативной единицей является текст.

Сущность антропоцентрического направления в лингвистике, как известно, состоит в изучении внутреннего мира человека как языковой личности, что в т.ч. взаимосвязано с наличием, формированием, развитием психологической семантики в текстовой коммуникации. Различные аспекты исследований проблем речевой деятельности языковой личности представлены в трудах лингвистов и ученых смежных отраслей, в которых отражены актуальные вопросы теории и практики взаимодействия языка и личности, специфики речевого поведения человека в истории и современном состоянии речевого общения, специфике порождения и восприятия речи, отражающей окружающую действительность и создающую картину мира, особенности языковой картины мира и функциональной значимости текста в процессе общения [Алтабаева 2009, 2011; Болдырев 2001, 2009, 2012; Болотнова 1998, 2000; Виноградов 1953, 1964; Винокур 1959, 1990; Вольф 2006; Воробьев 1997, 1998; Гальперин 2008; Залевская 2001, 2003; Золотова 1982; Ильенко 1995, 1996; Караулов 1987; Кубрякова 1994, 1995, 1999, 2004; Лихачев 1997; Лотман 1972, 1985;

Пискунова 2002; Попова 2002; Сиротинина 1998; Стернин 2000, 2003 и др.].

Следует отметить, что в понятие *языковой личности* входит многоаспектное представление о человеке и его языке. Ю.Н. Караулов предложил уровневую модель языковой личности, в которой характеризуется человек по создаваемым им текстам как отражению картины мира, языковым способностям с учетом психологических основ в употреблении языковых средств и их свойств [Караулов 1997]. При описании языковой личности исследователи обращают внимание на общие и индивидуальные ее проявления в процессе общения [Сиротинина 1998; Карасик 2004 и др.], а также связь с культурой как национальным достоянием.

«Личность – сосредоточие взаимосвязи культуры и языка, диалектики их развития. Поэтому о личности можно говорить только как о языковой личности, как о воплощенной в языке» [Воробьев 1998: 26].

Присутствие психологической семантики можно выявить в ходе лингвистического анализа в любом типе текста, даже если ее наличие не предусмотрено заранее в связи с особым назначением. Например, учебном пособии для вузов Н.Ю. Штрекер «Русский язык и культура речи» в предисловии от автора написано: «Цель учебного пособия – дать необходимые знания о структуре, закономерностях функционирования, стилистических ресурсах русского языка, познакомить студентов с механизмами говорения и аудирования, изложить основы мастерства ораторской речи, помочь студентам освоить нормативные, коммуникативные и этические аспекты устной и письменной речи» [Штрекер 2003: 3].

Ключевые слова организуют общее профессиональное информационное поле учебного текста, отражают системный подход к изучению одного из разделов лингвистики, что обусловлено

перечислением программных позиций учебной дисциплины, а также практикой преподавания: *дать...знания; познакомить; изложить; освоить.*

Определение цели является обязательной позицией для данной части учебного текста, но именно качество изложения создает положительный психологический эффект. Он возникает в этом фрагменте при употреблении слов *необходимые знания, закономерностях, механизмах.* Усилена психологическая семантика в словосочетании *изложить основы мастерства ораторской речи,* а т.к. ораторское искусство уже предполагает наличие мастерства, то знакомство с его основами делает учебное пособие Н.Ю. Штрекер особо привлекательным. Это позволяет автору быть более убедительным при использовании словесного способа воздействия как психологического приема речевого действия, в рассуждении о значимости ораторского искусства: *«необходимо специалистам многих социальных сфер, государственным служащим, педагогам, юристам. Умение воздействовать словом, убеждать людей становится все более востребованными и в сфере экономики»* [Штрекер 2003: 3].

Вновь актуализирована лексика со значением психологического характера: *необходимо; многих; умение воздействовать; убеждать; становится все более востребованным.*

Правомерно дальнейшее использование в учебном тексте следующих понятий: *взаимодействие, общение, условия, убедительность, понимание* и др.

Подобное развитие психологической семантики является традиционным для собственно научных текстов, поэтому Г.А. Золотова в книге «Очерк функционального синтаксиса русского языка» [Золотова 2005] использует традиционные обороты: *необходимо подчеркнуть; вызывает интерес; в стремлении преодолеть; слабые места; укрепляют;*

позволяют; сомнения в целесообразности; надеюсь; искренне благодарна и т.п.

Решение проблем соотношения причин, условий и форм развития психологической семантики в различных типах текстовой коммуникации актуально для современной лингвистики. Оно является существенным дополнением различных научных направлений, позволяет изучить такие сложные явления речевой коммуникации, которые приобретают новое содержание и функции в обмене информацией и во многом влияет на речевую деятельность языковой личности и систему языка.

Обращение к теории языковой личности продиктовано проблематикой диссертационного исследования. Несмотря на активность использования в современной науке понятия *языковая личность* необходимо вновь рассмотреть данный вопрос, поскольку речь идет о психологической семантике, которая характеризует слово и текст как основное средство языковой коммуникации.

Как известно, под языковой личностью понимается любой носитель языка, но, по мнению Ю.Н. Караулова, охарактеризованный на основе произведенных им текстов как отражения видения им окружающей действительности и для достижения им определенных целей, что связано также с системой языка и функцией текстов [Караулов 1999: 156]. Именно с понятием языковой личности ученый рассматривал и связывал проблемы нормального владения естественным языком, который через систему концептов отражает систематизированную «картину мира», формирует интеллектуальную сферу личности и обуславливает закономерный переход от оценок речевой деятельности к осмыслению деятельности в мире [Караулов 1987: 5].

Речевая деятельность языковой личности носит естественный психологический характер, что не может ни отразиться на семантической структуре языковых единиц и их функциональной значимости в качестве

текстовых единиц [Пискунова 2002]. Поэтому Карасик В.И. выделяет следующие аспекты речевой организации человека: способность вести речевое общение; коммуникативная потребность; коммуникативная компетенция; языковое сознание; речевое поведение [Карасик 2003: 24]. На эти же моменты указывают психологи при определении основных параметров речевой деятельности человека.

В связи с рассмотрением актуального вопроса о языковой личности используется понятие *речевой паспорт* как совокупность коммуникативных особенностей личности [Карасик 2003: 27], феномен *речевой манеры* – «способ речевого поведения, определяемый типом социальной позиции и индивидуальными особенностями личности» [Дымарский 2005: 141]. Как видно из определения основных положений речевого паспорта, манеры, сущность этих понятий также обусловлена психологией речи, речевой деятельностью. Не случайно, когда говорят о языковом сознании языковой личности, то имеют в виду оценку коммуникантами «своей и чужой речи», рефлексии над фактами языка, критическое отношение к нарушениям нормы [Черняк, Козырев 2012: 14].

Рассматривая вопрос о причинах нарушения языковой нормы как основы культуры речи и лингвистической безопасности, а также появлении процесса развития антинормы, например, в текстах Интернета [Губарев, Пискунова 2012], следует обратить внимание на понятие *языковая мода*, которое непосредственно связано с понятием *языковой вкус* – чувство языка, «являющееся результатом языкового и социального опыта, усвоения знания языка и знаний о языке, бессознательной по большей части оценки его тенденций, путей прогресса» [Костомаров 1994: 21-22]. Поэтому под языковой модой следует понимать меняющееся представление о правильном и эффективном использовании языка, порой, по мнению В.Г. Костомарова, доводимом до абсурда [Костомаров 1994: 25]. Формирование моды, имеющее отношение к любым проявлениям культурных объектов,

как известно, происходит под влиянием социальных процессов, но имеет в своей основе и психологические причины, к числу которых следует отнести подражание, зависимость, желание быть как многие или отличаться от других, обратить на себя внимание, но оставаться узнаваемым, признанным в отдельных слоях общества, т.е. получить социальное одобрение. Все это служит мотивацией для использования в процессе речевой деятельности приемов языковой моды.

Наиболее популярной формой современного использования языковой моды, свидетельствующей для ряда коммуникантов об адекватности передачи и получения информации на страницах Интернета, СМИ, стало ненормативное или просторечное использование лексики, нарушение орфографических и пунктуационных правил, принципов построения предложений и т.п.

В последние годы внимание молодых исследователей привлекли проблемы информационного воздействия в форме библейских текстов на сознание языковой личности [Давлетова 2012], просветительского радиодискурса [Арсеньева 2013] и феномена языковой игры в его структуре [Фашанова 2012], а также психолингвистические аспекты манипулирования посредством метафоры в современном медиадискурсе [Найдина 2013] и особенности интернет-коммуникации на примере различных литературных жанров [Плотникова 2012], в том числе специфика кризисной межперсонажной коммуникации в плане лингвоэвокационного исследования художественных текстов [Малыгина 2013]. К этому ряду научного поиска, позволяющего рассмотреть мотивацию порождения и восприятия психологической семантики, можно отнести изучение лексики русского языка с оценочным компонентом в значении [Рвачева 2010; Смирнова 2013].

Одной из актуальных проблем современной языковой коммуникации является *лингвистическая безопасность*, о которой в настоящее время все

чаще стали говорить во время политических дискуссий. Это связано не только с низким уровнем культуры речи, а вместе с ней и общей языковой культурой, но также с развитием языковой агрессии. Исследователи области эколоингвистики Н.Л. Шамне и А.В. Карякин отмечают в своих работах, что политический дискурс является «формой социально ориентированного и задающего общения в рамках социальных статусно-ролевых отношений институционального дискурса... Он выступает носителем и ретранслятором смыслов, ценностей, идей, образов, мнений, интерпретаций и прочих ментальных и виртуальных образований, мощным властным ресурсом, средством самопрезентации, легитимации и позиционирования в социокультурном и политическом пространстве» и может детерминировать коммуникативное воздействие, возникновение речевой агрессии» [Шамне, Карякин 2011:205].

Представители психолингвистического направления исследований речевой агрессии (Л.С. Выготский [Выготский 1999], Я. Рейковский [Рейковский 1979], А.А. Леонтьев [Леонтьев 1997], А.Р. Лурия [Лурия 1979], А.Н. Леонтьев [Леонтьев 1983]) объясняют данное явление в качестве сложной нервно-психической деятельности, опирающейся на интеллектуальные процессы как речевое выражение внутренних реакций, связанных с речемыслительной деятельностью и возникающих в процессе преобразования внешних реакций в ответ на негативные раздражители. В результате меняется структура высказывания, появляется эмоциональная окрашенность речи, репрезентируются эмоции. Этическая и правовая оценка языкового воплощения речевой агрессии является предметом изучения юрислингвистики. Социolingвистический аспект исследований речевой агрессии, инвективной лексики освещается в работах Н.Д. Голева [Голев 1999: 11-58], В.Н. Капленко [Капленко 2002: 112-123], К.Ф. Седова [Седов 2007], Б.Я. Шарифуллина [Шарифуллин 1997] и др.

В лингвистике принято рассматривать речевую агрессию, обусловленную использованием также «языковых средств для выражения неприязни, враждебности, как манеру речи, оскорбляющую чье-либо самолюбие, достоинство» [Трошева 2003: 340]. К данному проблемному полю также можно отнести феномен коммуникативной неудачи, которая, по мнению С.П. Ермаковой и Е.А. Земской, представляет собой «возникающий в процессе общения не предусмотренный говорящим нежелательный эмоциональный эффект: обиду, раздражение, изумление» [Ермакова, Земская 1993: 98].

На протяжении нескольких десятилетий не ослабевает интерес исследователей к такому проявлению коммуникативного воздействия, как вербальная агрессия, которая при отсутствии явных сдерживающих механизмов в современном обществе приобретает наибольшее развитие в диалогических текстах Интернета [Губарев, Пискунова 2011: 268-275].

По данным «Словаря современного русского литературного языка» [ССРЛЯ 1950: 47-48] слово *агрессия* связано с представлением человека о нападении, захватом чужих территорий, *агрессор* – нападающий с целью захвата, порабощения, *агрессивный* – действующий методом агрессии, захватнический. На всем протяжении употребления данного слова и его грамматических образований семантика оставалась в исходном состоянии. Речевое поведение коммуникантов при использовании определения *агрессивный* в современной ситуации общения изменилось. К сожалению, такая форма действия стала доступной и даже популярной при проведении дискуссий, диалогов в прессе, на телевидении, в Интернете, а не только в быту, что характерно и для людей достаточно образованных, владеющих основами культуры речи.

Данное семантическое преобразование общения, синонимический допуск «агрессивных» слов в тексте можно объяснить не только неопытностью оппонентов, низкой культурой речи и нарушением правил

порождения и восприятия текста-диалога, но, что также возможно, стремлением к защите. Это состояние во многом мотивировано реальными событиями: тема речи; условия и цели общения; личный опыт и индивидуальные особенности характера, возраста, образования, знания традиций, культуры и т.д. Скорость речевой реакции, недостаточность коррекции также сказываются на появлении языковой агрессии, интенсификации коммуникативной напряженности.

Следует учитывать, что собственно языковая система, в ходе своего исторического, социально обусловленного развития естественным образом вносит изменения в семантический объём слова, что создает предпосылки и ограничения для реализации речевой агрессии.

Известно, что судьба слова зависит от сочетаемости в тексте с другими его компонентами, которые актуализируются, занимают ключевую и фоновую позицию, могут расширить или сократить свою информационную значимость во времени [Пискунова 2002: 256]. Рассмотрение данного вопроса по-прежнему актуально для современного языкознания, что позволяет исследовать не только проблемы коммуникативной функции текста, но и текстообразующую роль его единиц. Необходимо изучать особенности развития семантики, её типы и разновидности в слове и тексте, соотношение единиц языковой системы, единиц текста и текстовых единиц различных типов как системы. К числу последних следует отнести текстовые единицы с психологической семантикой, а это, в свою очередь, отражается на состоянии коммуникативного пространства и лингвистической безопасности его участников.

В условиях современной коммуникации происходит наращивание психологической семантики часто у тех слов, для которых она была нерелевантна. И одновременно психологически адекватные формы изложения перестают быть нормативными, а нарушение правил общения

не вызывает протеста, считается комфортным, привычным, что приводят к ускорению получения информации. Об этом свидетельствуют, как уже было сказано выше, телевидение и СМИ, Интернет, а также история формирования публицистического стиля ещё со времён «Послания» Ивана Грозного к князю Андрею Курбскому.

Так, стремление журналистов к самоутверждению, редакций газет и журналов, авторов теле- и радиопередач к завоёвыванию читательского и зрительского внимания во многом привело к развитию речевой агрессии. Одновременно это отражается на состоянии языковой системы, а вместе с ней и речевой культуры как части культуры народа. Поэтому не утратила своей новизны теория внутриязыковых типов речевой культуры, о которой говорили Н.И. Толстой [Толстой 1995: 27-40], В.Е. Гольдин и О.Б. Сиротинина [Гольдин, Сиротинина, Ягубова 2001] и др.

Выделенные В.Е. Гольдиным и О.Б. Сиротининой 5 типов стилей в сфере социального действия литературного языка позволяют затем разобраться не только в проблемах речевой культуры, но и изучить вопросы типологии текстов [Гольдин, Сиротинина, Ягубова 2001]. Среди данных пяти типов представлены: *полнофункциональный* (нормативное владение всеми стилями языка); *неполнофункциональный* (преобладание профессиональной разновидности стилей и разговорного стиля); *литературно-жаргонизирующий* (намеренное снижение речи); *обиходный* (наиболее распространённая форма современного речевого общения, что не предполагает сознательного отношения); *просторечный, арготический, и народно-речевой* (низкий уровень образования, отдельные социальные группы, диалектоносители). Отмечается также преобладание устной речи над письменной, но и здесь произошли изменения. Если психологическая семантика в художественных текстах является одним из элементов образности и допускается как поэтизация речи [Пискунова 2002], то в официально-деловом, научном и публицистическом стилях семантическое

дополнительное, а не исходное содержание, считается нарушением. Распределение письменных текстов по указанным пяти типам речевой деятельности вновь продуктивно при изучении особенностей формирования психологической семантики по отношению именно к нейтральным лексемам, а также другим средствам выражения. Необходима коррекция в соответствии с общепринятыми нормами с учётом современных нормированных изменений, т.е. речь идёт о динамических изменениях в системе языковой коммуникации.

Как известно, психологическая семантика, порождающая речевую агрессию, входит в содержание многих лексем: существительные – *вражда, нападение, давление, удар; злость, жадность, зависть*; глаголы – *враждовать, нападать, подавить, ударить; завидовать, злиться*; прилагательные – *враждебный, нападающий* (причастная форма), *подавляющий* (причастная форма), *ударный* (положительное дополнительное социальное значение); наречия – *враждебно, ударно*. Кроме того, психологическое содержание получает дополнительное значение в ряде лексем: *тишина, мрак и мрачный, страшный, орать и орущий, резко, чёрный, огромный, затмение, гром, обвал* и т.п.

Распределение психологического содержания в тексте осуществляется за счёт противопоставления исходного, потенциального, индивидуального значений в слове под влиянием функционирования языковой системы и речевой деятельности коммуникантов. Например, в рассказе А. Грина «Вперед и назад» есть такое описание: *запах сырой травы, дыма, сырости, низин, тишина, ещё более тихая от сонных звуков пустыни, дающей вздохи, шелест ветвей, треск костра, короткий вскрик птицы или обманчиво близкий лепет далёкого водопада – всё было полно тайной грусти, величавой как сама природа – мать ощущений печальных* (А. Грин. «Вперед и назад»).

Грамматические компоненты в предикативных позициях текста нейтральны по отношению к дифференциальному психологическому признаку, который присутствует почти в каждом слове текста. В лексемах *запах травы, звуков, ветвей, птицы, водопад, природа* преобладает исходное номинативное значение, хотя ассоциативно может получить развитие дополнительное оценочное содержание, близкое к психологическому смыслу. «Характер эстетического преобразования понятийного содержания и экспрессивных качеств слова, интенсивность связанных с ним ассоциаций, разная сила художественного обобщения в слове», по мнению Д.М. Поцепни, «определяет типологию этой разновидности словесного значения и место того или иного слова в языковой картине мира» [Поцепня 1997: 251]. Следовательно, порождение ассоциативного содержания в слове непосредственно связано с психологией речи и отражает одну из важных сторон языковой картины мира, которая по-прежнему находится в центре изучения многих лингвистических исследований. Объем семантических преобразований лексических единиц в данном тексте различен и зависит от конкретных речевых ситуаций. Способность к порождению ассоциативных связей является, по мнению ученых, необходимым условием для определения особенностей языковой культуры, что также позволяет судить о функционировании языкового сознания человека [Выготский 1999; Пискунова 1999; Уфимцева 2001]. При этом, как отмечала Е.М. Вольф, в языковой структуре сложным образом отражена социально обусловленная оценка объективного мира, который членится говорящим с точки зрения его ценностного характера – добра и зла, пользы и вреда и т.п. [Вольф 2006: 5]. Не случайно одно и то же слово в процессе коммуникации приобретает несколько значений. Например, С.В. Пискуновой в ходе лингвистического анализа были определены следующие значения слова *близнецы* в стихотворении Б. Пастернака "Близнецы" из книги "Близнец в

тучах" (лето 1913 г.): звёзды Кастор и Поллукс; боги и их супруги; символ древнего храма, а также мрака и света, земного и божественного человека; мифологические братья подземного и небесного царства; символ жизни и смерти, начала и конца мира и всего существующего в нем [Пискунова 1999: 160-179; Пискунова 2002].

Соотношение *положительной* и *отрицательной* психологической семантики в лексических компонентах анализируемого фрагмента текста А. Грина отражено в следующей модели её развития:

I этап **образования семантики текста** – исходное значение ключевых слов;

II этап – **дополнительное развитие психологической семантики** на основе базы данных системы языка (*запах, сырой, низин, тишина, тихая, сонных, пустыни, вздохи, обманчиво, грусти, тайный, печальных*);

III этап – **текстовое образование психологической семантики** на основе ключевых слов и словосочетаний как авторских текстовых единиц (*сырой травой, сырость низин, сонных звуков пустыни, треск костра, тайной грусти, величавой ощущений печальных*);

IV этап – **наличие потенциальной речевой агрессии** при выполнении текстом коммуникативной функции (*звуков пустыни, дающей вздохи, шелест ветвей, вскрик птицы, лепет далёкого водопада*).

Однородность перечисления в виде словосочетаний, в составе которых находятся слова с оценочной семантикой и преобладают грамматические формы с глагольным значением, приводит к порождению предикатов и дополнительных предложений, а обобщение в конце всей синтаксической конструкции завершает образование психологической семантики (настроение грусти): *всё было полно тайной грусти, как сама природа – мать ощущений печальных*. Естественное состояние природы, её обитателей противопоставлены человеку, что воспринимается им как

нечто таинственное, непостижимое, недоступное для понимания, вызывает тревогу и, как реакцию на неё, грусть.

Речевая агрессия может носить скрытый характер. Её присутствие в тексте обнаруживается в процессе анализа сочетаемости текстовых единиц. Например, отрывок из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»:

Молчание длилось *тяжёлое и неловкое*. Обоим было *нехорошо*. Каждый из них сознавал, что другой его *понимает*. *Друзьям* это сознание *приятно*, и весьма *неприятно недругам*, особенно когда *нельзя объяснить, ни разойтись*.

– Не туго ли я завязал вам ногу? – спросил, наконец, Базаров.

– Нет, ничего, *прекрасно*, – отвечал Павел Петрович и, погодя немного, *прибавил*:

– Брата *не обманешь*, надо будет сказать ему, что мы повздорили из-за политики.

– Очень хорошо, – *промолвил* Базаров. – *Вы можете* сказать, что я *бранил всех англоманов*.

– И *прекрасно...* (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

Состоялся конфликт, который завершён дуэлью, но внешняя форма диалога не соответствует ситуации. Только авторский текст, функциональная нагрузка ключевых слов *молчание, тяжёлое, неловкое, нехорошо, неприятные, недругам, нельзя объяснить* передаёт всю сложность события.

Возможность языка осуществлять воздействие, по мнению В.В. Виноградова [Виноградов 1954], является одной из важнейших общественных функций. Р.М. Блакар отмечает, что «социальная действительность в существенной степени структурируется и определяется языком: имя или языковое обозначение могут в большей степени определять и обуславливать наше понимание того, что имеется в виду, и наше отношение к нему» [Блакар 1987: 97].

Следовательно, речевая агрессия по сути также является способом коммуникативного воздействия, реализуемого через свободу выбора средств выражения, обусловленную наличием в системе языка альтернативных по прагматической нагрузке, но эквивалентных по функциональной значимости кодов. Данное коммуникативное явление исследуется в нескольких аспектах: психологическом (эмоции, чувства, намерения и оценки), вербальном (формы и средства словесного выражения) и социальном (особенности ситуации общения). Именно последний аспект представляет особенно сложное социальное явление, хотя агрессию не следует принимать за негодование, естественную реакцию человека на неблагоприятное действие и собственно насилие.

Отличительной чертой современной коммуникации, как уже было сказано, является развитие интернет-общения, для которого характерны следующие психологические признаки, также часто порождающие речевую агрессию: доступность, открытость, анонимность, т.е. отсутствие некоторых коммуникативных барьеров, которые делают подобный способ получения и передачи информации особенно привлекательным для некоторых пользователей сети. Поэтому специалисты говорят об особом психологическом комфорте сетевой коммуникации [Шабшин 2005] даже при наличии конфликтных диалогов, что также является психологическим способом вербализации [Усачева <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/UsachevaO/UsachevaO.htm>].

Одним из поводов для возникновения конфликта в общении также является использование различных для коммуникантов синонимических рядов, нестандартной лексики, различие в словоупотреблении авторских единиц, ненормативных компонентов. К числу слов родного языка, «значение и правила употребления которых частично или полностью не известны индивиду-носителю языка, либо большому кругу носителей» [Апресян 1999: 153], т.е. не имеющих отношения к активному и

пассивному словарю языковых личностей общества, в лингвистике причисляют *агнонимы* (историческая, специальная, региональная лексика и т.п.). Следовательно, психологический комфорт общения зависит от степени владения лексическим составом языка, адекватностью его применения языковой личностью.

Осознание лингвистической безопасности особенно остро было воспринято общественностью в последние годы, что привело к созданию специальной рубрики «Слово и антислово» в рамках проекта «Русский язык» на страницах сетевой версии газеты «Московские новости» (Газета «Московские новости» <http://www.mn.ru/society/20140110/367162551.html>). В проекте участвуют известные люди, которые высказывают свое отношение к современному русскому языку и общему состоянию культуры речи на примере отдельных слов. Для иллюстрации приводится публикация Марии Салтыковой «Некая тревога, которая висит в воздухе, – это ключевое определение сегодняшнего дня» с пояснением «Режиссер Владимир Хотиненко об оскудении русского языка и еде руками».

В центре внимания собеседников оказались собственно лингвистические проблемы определения семантики слов, нарушения норм употребления лексики, т.е. использование ненормативных выражений, но обсуждение этих вопросов происходило на фоне психологизации речи и попытки рассмотрения социальных, гуманитарных тем, связанных с положением людей в современном мире. Не случайно ключевыми словами и выражениями стали следующие: «*У нас сейчас начинает **по-новому звучать** слово “предатель”, а слово “либерал” окончательно превратилось в ругательство*» (журналист Ирина Петровская); «*Неприятное слово “ответственность” мне всегда казалось **важным***» (певица Ирина Богушевская); «*Слово “патриотизм” возглавило список антислов 2013 года*»; «*”Свобода”, “скрепы” и ценность мата: итоги года в рубрике “Слово и антислово”*»; «*”Во избежание невыполнения”*: как не

вызвать смех, пытаясь говорить солидно» (Ксения Туркова, Марина Лаба и др.); *«Любую глупость и гадость можно объявить особым путем»* (писатель Дина Сабитова о речевых привычках и стиле жизни).

Режиссер Владимир Хотиненко считает, что *«русский язык очень сильно оскудел», «есть слова, которые меня раздражают своей убогостью»; «а ведь язык – это не просто средство общения, это душа нации и человека».* Отвечая на вопрос журналистки Марии Салтыковой о том, что *«говорят, детям выражение Пушкина “очей очарованье” уже непонятно...»*, режиссер ответил: *«Это тоже некрасивость образования нашего. Дети ведь не фразу не понимают, а само чувство. Глубину чувств, их красоту и аромат. Это непонимание не просто слова, а смысла».* Данное определение было связано с рассуждением собеседников о фильме *«Бесы»* по роману Федора Достоевского, в котором, по словам журналистки, могли быть важные для современной России слова. Говоря об актуальности романа, В. Хотиненко ответил, что ключевая фраза в *«Бесах»* та, которую *«отец Тихон говорит Николаю Ставрогину, когда тот приходит к нему исповедаться: “Некрасивость убьет”. Это он говорит о его преступлениях – “стыдных, позорных и слишком уж неизящных”.* Сегодня это ключевая проблема – *перепутывание добра и зла»* (Салтыкова «Московские новости» <http://www.mn.ru/society/20140110/367162551.html>).

В этих высказываниях, определяющих современное состояние русского языка, и заключается во многом смысл понятия *речевая и, следовательно, общая лингвистическая безопасность.* Не случайно появился в общении людей, которых тревожит данная проблема, новый термин – *лингвистическое потепление.* Даже заголовок статьи Марии Салтыковой выбран не случайно: *«Некая тревога, которая висит в воздухе, – это ключевое определение сегодняшнего дня».*

При обсуждении списка самых популярных слов на сайте «Московских новостей» были названы следующие ключевые лексемы: *свобода, достоинство, спасибо, пожалуйста, будьте добры, личность, ответственность, самостоятельность, совесть, чувство долга, сострадание, гордость, смелость, вдохновение, свет, любовь, красота, справедливость, милосердие* (Туркова http://www.mn.ru/society_edu/20131227/366230044.html).

Именно этих слов, по мнению пользователей Интернет, не хватает для полноценного общения. Анатолий Лысенко, генеральный директор Общественного телевидения, считает, что ключевым словом является не существительное, а глагол – *думать* в составе ключевого словосочетания как призыва: «Думай сам!».

При подведении итогов конкурсов «Слово года» и «Словарь года» лингвисты и пользователи социальных сетей при взаимодействии с экспертным советом при Центре развития русского языка (под руководством Михаила Эпштейна) и обитателями фейсбука (под руководством куратора-лингвиста Алексея Михеева, главного редактора портала «Словари XXI века») определили, что по сравнению с 2012 годом в 2013 году произошли изменения в выборе ключевых слов. Если в 2012 году была названа протестная лексика, то в 2013 г. на фоне происходящих событий в номинанты конкурса «попал глагол с личным окончанием – “помиловал”», а не инфинитив *помиловать* и существительное *помилование*. Как считает А.Михеев, в этом есть смысл: «... тем самым это трактуется не как некий абстрактный акт помилования, а как персональное действие одного человека по отношению к другому человеку. То есть это абсолютно персонифицированный акт» (Пахомов <http://www.mn.ru/opinions/20131231/366522253.html>).

Ксения Туркова определила данное явление как появление народной, а не научной тенденции (Туркова <http://www.mn.ru/opinions>

/20131231/366522253.html). В связи с этим, как отмечает автор, появляются слова, обозначающие новые события: *титушки* (профессиональные провокаторы, спортивные ребята, которые затевают драки на митингах). К их числу можно отнести слова, которые появились в 2014 г. в связи с событиями последних месяцев. По сути, они приобрели актуализированный психологический смысл для современных коммуникантов, что одновременно свидетельствует о лингвистическом факте в информационной войне.

Изучение современного информационного пространства отношений *речевых пользователей* при интернет-общении посредством интернет-текста как новой языковой формы актуально в связи с их функциональной значимостью в социуме, наличием особых психологических ситуаций. Интернету присущи виртуальность, интерактивность, гипертекстуальность, глобальность, креативность, анонимность, мозаичность, новые формы и сферы применения русского языка, когда отправитель и получатель информации ситуативно совпадают. Это создает иной психологический фон общения [Гусейнов 2000; Михайлов <http://russcomm.ru/vcabiblio/m/mihailov-mihailov/shme.html>; Болотнова 2008; Розина 2002; Скворцов 1997; Пискунова, Губарев 2011 и др.]. Происходит формирование своеобразных правил речевого поведения, это отличает их от этикета внесетевого реальности [СЭСРЯ 2003: 651].

Демократизация общества отразилась на обновлении литературного языка и, по словам В.Г. Костомарова, «открывает путь к новому балансу разных речевых слоев» [Костомаров 1994]. Одновременно этот процесс порождает проблемы, которые связаны с культурой речи и отражаются на состоянии языковой культуры, имеет положительное и отрицательное значение для языковой коммуникации, что создает психологический комфорт или дискомфорт общения. Адекватность речевого поведения служит основой и для успешного овладения и передачи информации

любого содержания и назначения. Чувство коммуникативного дискомфорта возникает у языковой личности в связи с неуместным употреблением языковых единиц на лексическом уровне, что образует зоны риска в лексиконе [Черняк, Козырев 2012: 45]. Поэтому подтверждением возникшей угрозы лингвистической безопасности коммуникантов служит ситуация, связанная с появлением агрессивных и конфликтных наименований произведений массовой литературы последних десятилетий. Языковым предпочтением, как пишут В.Д. Черняк и В.А. Козырев, современной языковой личности, воплощенном в заглавиях, является синонимическая оппозиция «убийца – киллер» с семантическим компонентом «вид профессиональной деятельности», чему служит следующий ряд примеров [Черняк, Козырев 2012: 39, 40]: *«Вкус убийства», «Почти невероятное убийство», «Обреченный убивать», «Убийство футболиста», «Трех убийств мало», «Налог на убийство», «Мне давно хотелось убить», «Придется вас убить», «Убить, чтобы воскреснуть», «Убийство в доме свиданий», «Убийца поневоле», «Назначаешься убийцей», «Десерт для серийного убийцы», «Я – убийца», «Я убью тебя, милый», «Убийство и Дама Пик»; «В объятиях убийцы», «Карлик-убийца», «Мой желанный убийца», «Киллер из шкафа», «Киллеры в погонах», «Антикиллер», «Высший пилотаж киллера», «Юрист: дело рыжего киллера», «Мой любимый киллер», «Розы для киллера», «Закон киллера», «Александр Солоник – киллер мафии», «Александр Солоник – киллер на экспорт», «Сам себе киллер», «Время киллера», «Киллер. Работа по душе», «Призрак киллера», «Ликвидатор».*

И далее авторы отмечают, что впервые в истории отечественной литературы субстандартная лексика, тюремноворовской жаргон стали компонентами заглавий, ранее это было возможно лишь внутри текста: *«Привет, уркаганы», «Бомба для братвы», «Прощай, пахан», «Маслины для пахана», «Лох и бандиты», «Путана: кукла для утех», «Королева*

отморозков», «Отморозки бьют первыми», «Мочилово», «Люберецкие качалки, ракет, крыши», «Фраер вору не товарищ», «Дикий фраер», «Менты», «Мент обреченный», «Мент», «Мент в законе», «На дело со своим ментом», «Подруга мента», «Сыскарь», «Катала», «Последний трюк каталы», «Кидала», «Кодла», «Дембель против воров», «Заказуха», «Баксы не пахнут», «Большие бабки», «Леди стерва», «Хабалка», «Разборка», «Заказуха», «Разборки авторитетов», «Заговор фраеров», «Воровской общак», «За базар ответим» и др. [Черняк, Козырев 2012: 39, 40].

Значительным явлением в мире гуманитарных наук можно считать появление коллективной монографии под общей редакцией А.А. Залевской, в которой на базе психолингвистической теории слова и концепции особенностей индивидуального знания, связанных с пониманием текста, формирования смыслового поля слова и текста [Залевская, Каминская, Медведева, Рафикова 1998] определены основные проблемы восприятия речи, процессы опознания слов и параметры их моделирования при понимании текста, а также смысловые поля слова в тексте с учетом опыта экспериментальных исследований цельности смысловой структуры системы текста. Это позволило лингвистам впоследствии обратить внимание на наличие психологической семантики в структуре текста при проведении лингвистического анализа художественных произведений. Началом такого исследования стали описания языка художественных текстов Л.В. Щербы [Щерба 1957; 1974: 24-39], В.В. Виноградова [Виноградов 1954; 1963], семиотический подход в изучении структуры текста Ю.М. Лотмана [Лотман 1972; 1985], А.И. Новикова [Новиков 1983] и Н.М. Шанского [Шанский 1988] в ходе анализа конкретных литературных произведений. Наиболее четко определены параметры психологической семантики в структуре слова и текста, их поэтических и прозаических форм в работах С.В. Пискуновой [Пискунова 1991; 1997;

2001; 2002; 2004]. Объединение данных психологии и лингвистики, развитие психолингвистики и лингвопсихологии в рамках антропоцентрического направления гуманитарных наук позволяет получить объективные результаты в области изучения природы речи и языка, процесса языковой коммуникации, их естественнонаучной и социальной ориентации.

Определение функциональной значимости психологической семантики в процессе общения обусловлено динамическим характером самого текста. Являясь посредником в речевом общении, он взаимосвязан с участниками общения, что влияет на использование языковых средств, их понимание и адаптацию применительно к ситуации. Наибольшей степенью зависимости от человека, его способностью к творчеству и сотворчеству обладает художественное произведение, которое способно к динамическим изменениям. «Характер эстетического преобразования понятийного содержания и экспрессивных качеств слова, интенсивность связанных с ним ассоциаций, разная сила художественного обобщения в слове, – по словам Д.М. Поцепни, – определяет типологию этой разновидности значения и место того или иного слова в языковой картине мира» [Поцепня 1997: 251]. Данное высказывание напрямую имеет отношение к определению роли и места психологической семантики в слове, тексте, коммуникации.

Динамизм в формировании данного типа семантики, сопровождающий индивидуальное развитие значения, как отмечал в свое время А.Н. Леонтьев, «оживление чувственных впечатлений и переживаний связаны непосредственно с использованием языка [Леонтьев 2005]. Происходит и обратный процесс, т.е. влияние, а порой и подчинение в один и тот же момент действия языковой системы человеку, который участвует в формировании этой системы через текст. Поэтому многие современные исследователи особое внимание уделяют изучению

семантико-стилистической системы писателей, их языковому творчеству: черты идиолекта Н. Лескова [Леденева 1999]; особенности Замятинского текста как явления культуры [Алтабаева 2011]; языковая модель мира и авторский символ в организации художественного текста М. Цветаевой [Афанасьева 2001]; художественная картина мира А.П. Чехова [Бушканец 2004]; языковые особенности художественных образов М.Ю. Лермонтова [Пискунова, Хворова 1991]; структурно-поэтический аспект М.М. Пришвина [Попова 1998] и др. Обращение к произведениям русских авторов позволяет не только оценить их индивидуальность, вклад в развитие языковой системы, но с учетом опыта изучения особенностей языка художественного текста [Щерба 1957: 97-109; Виноградов 1963; 1957; Винокур 1990; Лотман 1972 и др.] решить актуальные проблемы современной филологии в ее различных направлениях. Результаты подобных исследований служат хорошей базой для определения специфики психологической семантики, присутствующей изначально в слове как отражение исторического опыта в общении людей, получившей развитие в текстообразовании автора и читателя на протяжении их коммуникативных отношений. Психология такого взаимодействия имеет динамический, часто ситуативный характер.

Положительным примером служит коллективная работа «Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация» [Очерки истории языка... 1995]. Авторы исследовали языковые процессы, отражающие эволюцию развития средств русской поэзии в соотношении с прозой XX в., формирование языковых сочетаний в ряде идиостилей. В связи с этим в монографии рассматривается вопрос о языковой личности как генератора глубинного семантического представления о картине мире.

Активным способом привлечения читательского внимания служит использование психологической семантики как основной темы. Наиболее

популярными являются различные астрологические прогнозы, фен-шуй-прогнозы, тесты, собственно аналитические статьи в СМИ. Если в рекламных типах текстов присутствует психологическая семантика в отдельных элементах, то в тематических текстах она становится ведущим признаком и отражает ключевые понятия отдельных, наиболее характерных для классификаторов профессий, физического и душевного состояния, отношений между людьми в обычных и экстремальных ситуациях и т.п.

Концентрация психологической информации произошла в одном из номеров «Комсомольской правды» (№ 37 (26281), 11-17 сентября 2014 г.). Например: содержание статей – «*Сколько продлится перемирие на Украине?*» с рубрикацией текста: «*Надолго ли стихли **выстрелы?***», «*Кто захочет мира?*», «*Что угрожает равновесию?*», «*Почему санкциями пугают, несмотря на равновесие?*» (с. 2); «*Жена заказала убийство мужа... ему самому (И даже попросила у него денег на преступление)*» и на той же странице под рубрикой «*Особый случай*» публикация в разделе «*Загадка века*» сенсация «*Личность Джека-потрошителя установлена? (Ученые смогли определить, кем же был легендарный убийца, обнаружив его ДНК)*» (с. 5); «*Шпионов ЦРУ мы раздевали до трусов (Человек-легенда, без единого выстрела обезвредивший десятки террористов, отмечает 80-летие)*»; «*Приказ стрелять в путчистов выполнять не стали*» (с. 6-7); форма рубрик – «*Скандал в королевском семействе*»; «*Принц Чарльз: развод или разводка*»; «*Чему удивляется Россия*» (с. 10-11); ключевая лексика заголовков – «*7 простых упражнений для счастья*» (с. 12); «*Женя считал, что все его женщины относились к нему неискренне! (10 сентября популярному певцу исполнилось бы 50 лет)*»; «*За спокойную жизнь платили рэкетирам*» (с. 14-15); «*Иногда они все-таки женятся (Как довести гражданского мужа до загса)*» (с. 18); «*Овечкина заКАДРила Катя Лель (Капитан хоккейной сборной России снялся в клипе*

певицы» (с.20); содержание и функция – рубрика «”Проверь себя” тест КП»; «Какой зверь живет внутри тебя»; фен-шуй-прогноз «Благоприятные и неблагоприятные дни по древнекитайскому календарю» (с. 22).

Определение благоприятных дней формируется за счет слов удачный, профессионально занимается недвижимостью, новые проекты, нужные знакомства, действия с автомобилем, покупайте, женщины... удивят своей решимостью, неожиданные поступки, смелые высказывания, мужчинам же тоже не стоит теряться; быка за рога; назначайте романтические свидания и т.п., а неблагоприятные дни – сомнения; не стоит составлять длинный список дел; нереально воплотить; рутинные заботы; постарайтесь все держать под контролем; риск; ошибки; большие убытки; не стоит... обращаться в суд; под знаком разрушения; не планируйте; проблематично.

Здесь используется лексика с прямым психологическим значением, что создает иллюзию реальной, правдивой информации для человека, нуждающегося в руководстве, поддержке. Одновременно такое психологическое воздействие на вербальном уровне может негативно повлиять на психику доверчивого, внушаемого человека, т.е. вновь возникает угроза в процессе речевого действия. Кроме того, существование рубрики, связанной с китайским календарем, не знакомит с особенностями истории и культуры китайского народа, а механически переносит, вводит восточное искусство в русскую культуру на вербальном уровне, т.е. вновь создается угроза смысловой составляющей лингвистической безопасности. Рассмотрение основных негативных психологических признаков в характере, поведении человека в популярных для многих газетах, журналах, на телевидении, влияющих на читателей и зрителей, осуществляется при тестировании. Как было сказано, в этом же номере газеты Анастасия Новикова с определенной долей юмора в 7 вопросах по

четырем позициям «помогает» разобраться в себе и выяснить у всех желающих основные черты человека, которые порождают психологический дискомфорт в общении: одиночество, порождающее депрессию; неловкость ситуации и реакция на нее; агрессия со стороны окружающих; неудача; отношение к животным при общении с ними и возможности перевоплощения в них. Такое психологическое общение, с одной стороны, носит развлекательный характер, с другой – шуточная форма может создать иллюзию вседозволенности, амбициозности при вмешательстве в жизнь человека и даже агрессивности при получении отрицательного результата.

Актуальность психологического признака, полученного при раскрытии основного содержания, в общей текстовой семантике оправдана. Удачно использование данного способа формирования темы в статье под рубрикой «Здоровье» (Медицина) Ирины Невинной «Болезни холостяков (Почему неженатые мужчины живут на 7 лет меньше женатых)» («Российская газета», № 207 (6479) 11-17 сентября 2014 г., с. 31), в которой один из разделов под п. 4 имеет прямое к тому отношение: «Отсутствие психологической поддержки». Автор пишет о том, что в счастливой семье мужчина находится в состоянии психологического комфорта, женщины спокойно сбрасывают негатив в общении с подругами, мужчины обязаны быть сдержанными, холостяки копят стресс, зарабатывая психологические недуги: «Для женатого мужчины понимающая женщина – это психологическая отдушина, этакий доморощенный психотерапевт».

В данном фрагменте употреблена лексика терминологического характера, т.е. с прямой, интенциональной психологической семантикой, что свидетельствует о профессионализме, соблюдении норм не только стилистики, но и функциональной лексикологии, правил текстообразования при соотношении семантики, формы, функции. Такое взаимодействие в употреблении единиц системы языка свидетельствует о

соблюдении правил лингвистической безопасности для речевой деятельности, языковой личности и собственно русского языка как части национальной культуры.

Российская политическая речь в своем историческом и современном развитии приобрела новые текстовые формы, разнообразие тем, привлекла внимание общественности, расширив число авторов, сохранив при этом традиционное использование богатства русского языка. При этом появилась негативная тенденция к упрощению словесной формы до бытового уровня, тогда психологическое влияние на аудиторию, собеседника или оппонента становится одним из неудачных способов саморекламы. Анализ жанрового своеобразия политической речи в работе О.Н. Паршиной подтвердил данный вывод, когда автор осуществляет оценку текстов выступлений известных политиков. Касаясь отдельных глагольных компонентов текстов как определенных речевых моделей выражения авторской убедительной позиции [Паршина 2012: 39], с чем нельзя не согласиться, исследователь, к сожалению, не отмечает, что в таких случаях очень сильно проявляется психологическая мотивация речи, т.е. желание настоять на правомерности, абсолютности собственной позиции.

Теория и практика политических текстов определяются теми же принципами, что и психология речи, общения, речевого действия языковой личности. Поэтому О.Н. Паршиной выделены основные моменты данного коммуникативного и особо актуального явления современности. Только перечисление параметров политического дискурса, его классификационных признаков делает описание убедительным. Среди данных характеристик справедливо выделены следующие: самопрезентация (отождествление, солидаризация, оппозиционирование); стратегия борьбы за власть (дискредитация, нападение, обвинение, оскорбление, манипуляция, самозащита, оправдание, критика, оспаривание); стратегия удержания

власти (признание проблемы, акцентирование положительной информации, комментирование, разъяснение, рассмотрение, решение проблем); формирование эмоционального настроения (единение, развитие эмоций, ценностность ориентиров); стратегия убеждения (анализ, указание на перспективу, обоснование оценок, иллюстрирование, обещание, призыв) [Паршина 2012]. Оказание политического воздействия, основанного на приемах психологического влияния, результативно при правильном использовании языковых средств, или, как пишет автор, риторической грамотности политика. Примером политических диалогов может служить анализ теледебатов, представленный в настоящей диссертации (Глава II, § 2 «Стилистическая окрашенность психологической семантики в телевизионном тексте-дискуссии»). Поэтому возрастает роль изучения лексики в плане актуальной терминологии для современной коммуникации, когда отдельные слова, их сочетаемость приобрели или развили потенциальную психологическую семантику. Это произошло с лексической наполненностью многих речевых ситуаций, но наиболее остро стало ощущаться в политике, образовании, педагогике, медицине, сфере семейных и профессиональных отношений. Приобрели устойчивый характер многие сочетания, ранее употреблявшиеся в текстах специального назначения, художественных произведениях. Например: *информационная война; добровольческие силы; партия войны; бесконечная война; падающее государство; экономическая катастрофа; падающая политическая фигура; сильная политическая фигура; проблемы переходного периода в отношениях стран; интересы собственных граждан.*

Присутствие психологической семантики стало неизбежным для многих публичных выступлений, что связано с приемами классического ораторского искусства. Одновременно оно свидетельствует о речевом поведении коммуникантов и часто происходит за счет нарушения известных стилистических норм, авторских приемов, лабильности

эмоционального фона, конкретных ситуаций. На перечисленные факторы в разные периоды развития лингвистических теорий на основе различных текстов обращали внимание исследователи в области теории дискурса. Не случайно О.Н. Паршина пишет, что политический дискурс является сложным объектом исследования и, ссылаясь на мнение В.З. Демьянкова [Демьянков 2001: 118], отмечает взаимосвязь различных дисциплин – политологии, социальной психологии, лингвистики, обусловленных анализом формы, задач и содержания [Паршина 2012: 5].

Своеобразие политических текстов состоит еще в том, что они, по словам В.М. Базылева, адресуются ко многим пользователям, поэтому подчинены начальному контактному импульсу, а информационная задача высказывания становится вторичной [Базылев 1997]. Со временем во многом изменилась только аудитория, т.е. увеличилось количество заинтересованных получателей информации с привлечением электронных средств.

Одним из функционально значимых приемов политических текстов является такое использование языковых средств, когда происходит достижение цели – внушение оценок, действий, формирование определенного мировоззрения. Во многом это обусловлено изменением современных форм общения, увеличением устных выступлений, дискуссий не только в политических официальных сферах, но и в рамках общественных, доступных для восприятия многих зрителей телепрограмм.

Следует заметить, что в специальной учебной и научной литературе по основам психологии человеческих взаимоотношений при определении техник, приемов и стратегий общения отмечают, но не описываются предпочитаемые вербальные и невербальные средства, а точнее, чаще всего пишут о невербальных способах [Немов 2001: 519-522; Гиппенрейтер 2001]. Общение, по словам А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского, представляет «многоплановый процесс развития контактов между людьми,

порождаемый мотивами совместной деятельности», «включает в себя обмен информацией между участниками совместной деятельности (коммуникативная сторона общения)», «взаимодействие общающихся – обмен не только словами, но и действиями», что «предполагает восприятие общающимися друг друга» [Петровский, Ярошевский 1998: 291-292]. Как известно, в основе общения находится речевое поведение языковой личности, успех зависит от психологической составляющей данного процесса, имеющего, прежде всего, вербальный способ выражения информации.

Примечателен тот факт, что в классическом труде С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» [Рубинштейн 2002], первое издание которого вышло в 1935 г., второе – в 1940-1945 гг., есть раздел, посвященный проблеме речи, ее отношению к проблеме общения, рассмотрению взаимодействия речи и мышления, видам и способам развития речи. Ученый отмечал, что «речь – это *обобщающее отражение бытия*», «деятельность *общения* – выражения, воздействия, сообщения – *посредством языка*» и что язык функционирует «в контексте индивидуального сознания», но, вместе с тем, происходит взаимодействие заключенного в языке общественного опыта и сознания с индивидуальным сознанием, психологией человека. Значение слова играет большую роль для общения, т.е. смысловое содержание – семантическое, отражающее предмет, который «*определяется через функцию этого предмета в системе человеческой деятельности*» [Рубинштейн 2002: 382-383].

Понятие *лингвистическая безопасность* включает несколько уровней, что определяет следующие направления научного изучения, общественного, политического, социологического, экономического, собственно лингвистического, культурологического, лингвопедагогического подхода. Внешним оценочным признаком содержания данного явления следует считать разрушение национального

языка также в плане заимствования лексики, что приводит к вытеснению из коммуникативного пространства исконных для системы языка слов.

Распространение электронных СМИ и Интернет сформировали новую языковую среду для современной языковой личности, создали иные условия общения, расширили круг профессиональных, любительских, досуговых интересов. Разноуровневое образование коммуникантов, простота или упрощение получения скоростной информации, доступность позволяют пользователям найти новых собеседников в короткие сроки, что естественным образом отражается на психологическом комфорте речи, ее адекватности для общения. Основная нагрузка в такой ситуации возлагается на выбор лексики, приемлемой для такой аудитории. Снимаются стилистические ограничения, увеличивается число заимствованных иностранных и специализированных слов. Вновь возникает проблема лингвистической безопасности коммуникации и языковой культуры. Унификация, приспособление речи пользователя к информации международного уровня имеет свои положительные моменты, если это не угрожает общему интеллектуальному развитию человека, его культуре речи, а также не уничтожает богатство русского языка ради языковой моды. Можно согласиться с утверждением, что «один из источников привлекательности иностранных слов – экзотичность формы» и «в соединении с субъективным ощущением новизны придают слову эстетическую модальность необычности слова» [Вепрева 2006: 116-117]. Оправдано такое употребление в случае профессиональной необходимости.

Проблематичность использования заимствованной лексики подтверждает и тот факт, что лингвисты при обсуждении этого вопроса часто прибегают к психологической терминологии [Вепрева 2006; Черняк, Козырев 2012 и др.]: проявление языковой рефлексии, рефлексивная деятельность.

Глубинный оценочный признак лингвистической безопасности связан с разрушением семантической структуры слова и текста, что отражается на знаниях, понятиях, мышлении, форме общения, оценке социальной значимости устоявшихся номинаций из различных сфер окружающего мира. Наиболее сложными, требующими профессиональной оценки, являются изменения внутри коммуникативного процесса в отношениях коммуникантов, их способности к адекватному порождению и восприятию текстовой информации, защите от вербальной агрессии, созданию психологического комфорта в различных социальных ролях языковой личности в речевых ситуациях.

Речевое поведение, по словам Т.Г. Винокур, – это «визитная карточка в обществе, совокупность речевых поступков, с внутриязыковой стороны – социально-психологическими условиями осуществления языковой деятельности [Винокур 1993: 12], т.е. «проявление речевых возможностей и потребностей языковой личности, которые позволяют говорящему (пишущему) решать задачи воспроизведения, восприятия целевого назначения речи» [Лушина 2002: 730].

Лексикографический анализ позволяет определить не только языковые процессы по сохранению, развитию семантического объема слова, но и уровень лингвистической компетентности, т.е. умения правильно, эффективно использовать возможности языка в ходе общения языковой личности. Изучение информации, содержащейся в слове и тексте, порождаемой автором (отправителем информации) и читателем (получателем информации) является свидетельством культурной грамотности коммуникантов, адекватности психологического состояния в том случае, если речевая ситуация не противоречит условиям лингвистической безопасности.

Соотношение исходного содержания, за которое следует принять сведения из словарных статей, и текстовое развитие от потенциального

значения до приращенного нового смысла передает характер современного языкового общения, которое в последнее время вызывает беспокойство. Не случайно ученые говорят о том, что существуют социальные риски и угрозы в современной России, что приводит к выводу о «необходимости строительства российской гуманитарной инновационной сети» [Никандров 2006: 21], а гуманитарные науки «призваны вывести общество из состояния культурно-психологического кризиса» [Стернин 2003: 150]. Являясь средством коммуникации, язык, как известно, не только передает информацию, но и формирует психологическую среду языковой личности.

Говоря о лингвистической безопасности, которая безусловно связана с культурой речи как одного из способов формирования языковой личности, а также психологической адекватности речевой ситуации, ученые, политики, творческая интеллигенция обоснованно связывают это явление с понятием национальной безопасности.

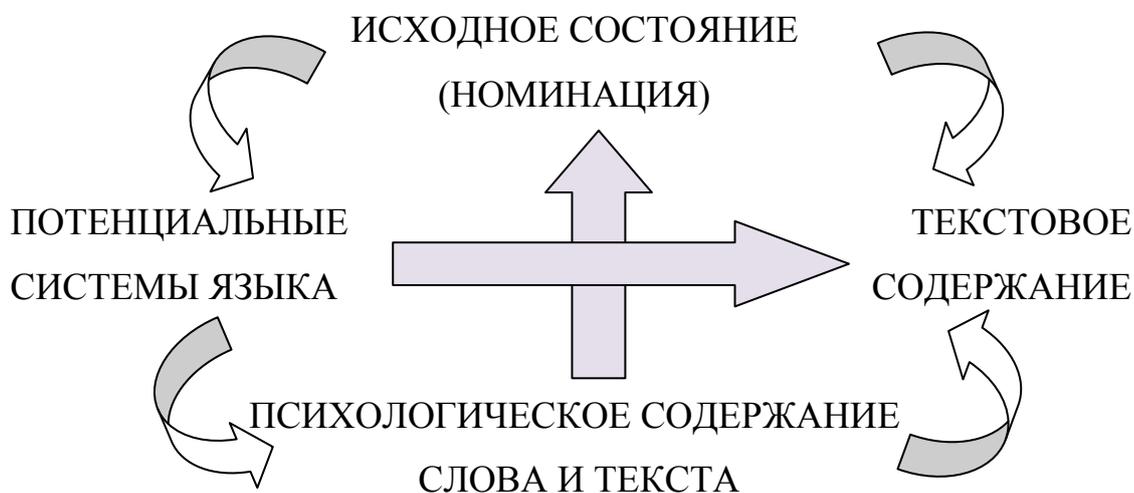
Таким образом, обеспечение адекватного успешного общения, его лингвистическая безопасность обусловлены наличием следующих составляющих:

- единство словарного запаса субъектов коммуникации;
- общность знаний о семантическом объеме слова и его функциональной значимости;
- адекватность ассоциативных реакций в однотипных речевых ситуациях;
- соблюдение коммуникативно обусловленных норм общения в различных речевых ситуациях;
- наличие лингвистического опыта в порождении и восприятии индивидуально-авторских компонентов текста;
- способность к формированию новых знаний о состоянии языковой культуры в современных условиях обмена информацией.

§2. Преобразование и развитие психологической семантики в слове

Вербализация речевой деятельности человека, по мнению психологов, связана с основными когнитивными процессами – перцепцией, мышлением, памятью, эмоциями, поведением и личностными особенностями, а семантика вербального продукта отражает субъективную сторону текущих психических процессов и состояний человека [Ушакова 2004; 2011: 22-23 и др.]. Поэтому для гуманитарных наук актуально изучение личностных и социальных вербальных действий человека, но для этого следует определить свойства психологической семантики в слове и тексте. Для психологических научных направлений именно природа слова в лингвистическом аспекте стала основным предметом исследования. «Дело в том, что психология, занимаясь природой вербальной способности, нуждается в систематическом и квалифицированном описании фактов ее проявления. Эти знания находятся в руках лингвистов» [Ушакова 2011: 33]. В связи с этим в конце XX в. «возникла и активно развивалась», как об этом писала Т.Н. Ушакова, «так называемая дискурсивная психология, направленная на исследование крупных речевых массивов текстов» [Ушакова 2011: 36]. Слабостью такого направления, по мнению ученого, оказалась методика анализа дискурса. Известно, что именно лингвистический анализ текста создает основу для получения объективных научных данных для гуманитарных наук, о чем свидетельствуют многие исследования, накопленный опыт которых используется в определении психологической семантики в том числе. Для психологов такое содержание речи получило название *вербальная семантика*. Далее на схеме 1.1. приведена модель формирования и функций психологической семантики в процессе коммуникации.

Схема 1.1. Модель формирования и функций психологической семантики в процессе коммуникации

Из исходного состояния содержание слова может преобразоваться в новое качество с психологическим признаком, если его ранее не было в слове. Данное потенциальное значение способно развиваться в реальное, функционально значимое. Такое изменение в семантическом объеме приводит к расширению системы языка.

Примером прямой актуализации психологической семантики можно считать словоупотребление в составе текстового фрагмента, который представляет собой одно сложное синтаксическое целое: *Человек создан жить среди природы, как птица летать. Естественное состояние человека – находиться среди природы. Но если во времена Пушкина и А.К. Толстого, Тургенева и Аксакова, Тютчева и Некрасова можно было просто восхищаться природой и воспевать ее, то в наше время, увы, за каждым обращением к природе невольно подразумевается, что ее надо охранять, защищать и даже спасать* (В. Солоухин «Владимирские проселки»).

Семантический повтор в информационном поле данного фрагмента связан с передачей лексики тематической группы «Природа»: *природы,*

птица, летать, природы (2), природой (3), к природе (4). Ассоциативно представление о природе проявляется в упоминании имен Пушкина, А.К. Толстого, Тургенева, Аксакова, Тютчева и Некрасова, при этом дается оценка их творческого отношения к ней: *восхищаться и воспевать*. Утверждение о том, что *естественное состояние человека* заключается в его нахождении среди природы, следует признать бесспорным, т.к. он *создан жить среди природы*. В качестве аргумента используется сравнение: *как птица летать*. В качестве психологического обоснования автор использует лексемы *создан, жить, естественное, состояние, находиться, восхищаться, воспевать, невольно, охранять, защищать, спасать*. Противопоставление времен (*во времена Пушкина ... – в наше время*), оценочных действий (*восхищаться, воспевать – охранять, защищать, спасать*) позволяет сравнить и различные состояния человека: *создан жить, естественное состояние, находиться среди природы и обращение к природе*. Это вызывает только одно восприятие: *просто, увы, невольно, надо, даже*. Семантика этих слов также имеет указание на психологическую оценку.

Свидетельством аналогичного авторского способа прямого выражения психосемантики следует считать особенности сконцентрированной организации данного смысла в произведении Ф. Тютчева 1836 г. Из цикла стихотворений, присланных из Германии: *Вечер мглистый и ненастный... // Чу, не жаворонка ль глас? // Ты ли утра гость прекрасный, // В этот поздний мертвый час?.. // Гибкий, резвый, звучно-ясный // В этот мертвый поздний час?.. // Как безумья смех ужасный, // Он всю душу мне потряс!* (Ф.И. Тютчев «Вечер мглистый и ненастный»).

Лексический состав данного текста по отношению к системе русского языка и ее функции в коммуникации с учетом психосемантики и силе информационного воздействия на читателя можно разделить на следующие группы:

1. слова с потенциальной текстовой психологической семантикой – *вечер, жаворонка, глас, утра, гость, час, смех, душу, мне*;
2. слова с положительной психологической семантикой в тексте – *прекрасный, гибкий, резвый, звучно-ясный*;
3. слова с негативной исходной психологической семантикой – *мертвый, безумья, ужасный, потряс*;
4. слова с потенциальной негативной психосемантикой для данного текста – *мглистый, ненастный, поздний*;
5. слова и словосочетания с концентрацией негативной психосемантики в тексте на фоне чередования строк – *поздний мертвый час; мертвый поздний час* (усиление через повтор), *бездумья смех ужасный; всю душу мне потряс*.

В тексте соотношение реального и мистического миров формируется за счет грамматической формы текста: большое количество эпитетов как результат оценки, т.е. размышлений и восприятий, сопереживаний; древнерусская форма глагола *чу* (чувать, слушать); отглагольное существительное в форме с неполногласием и краткостью выражения звука в слове *глас* (голос); описание голоса жаворонка как утренней птицы; структура и семантика вопросительных предложений с комбинацией знаков пунктуации; функция заключительного восклицательного предложения, передающего эмоции и одновременно утверждения семантики, заключенной в словах. Коммуникативная роль такого текста своеобразна, во многом обусловлена целью автора, связана с жизненными ситуациями, мышлением многих людей, т.к. в нем описана одна из легенд. Лингвистический способ оформления информации такого типа приобрел поэтическую форму, что также усиливает ее воздействие.

О расширении словаря русского языка в свое время писал А.И. Солженицын, обратившись к созданию своего словника. Анализируя данное языковое явление, В.М. Швецова определила особый способ

языковой структуры за счет лексического изменения и индивидуально-авторского творчества, что приводит к новым возможностям информационного поля слова не только в тексте, но и в системе языка, т.е. увеличение происходит за счет текстового содержания [Швецова 2000: 4-5].

В лингвистике много и долго рассуждали о многозначности слова, включая в это понятие различное содержание при обсуждении проблем теории или в ходе практического анализа. Обычно речь шла о ситуативном развитии семантики при употреблении в тексте или о появлении слов с единой формой выражения. Следует помнить о том, что слово по своей природе уже многозначно, т.е. способно передавать различные типы значений, которые реализуются в тексте: 1) лексическое исходное, нейтральное, общепринятое; 2) текстовое дополнительное; 3) текстовое приращенное авторское и читательское; 4) текстовое авторское; 5) современное и историческое; 6) грамматическое; 7) стилистическое; 8) коммуникативно актуализированное; 9) философское; 10) психологическое; 11) эмоционально-экспрессивное (часть п. 10); 12) эстетическое; 13) объективное и субъективное (норма системы языка) и др. [Пискунова 2002: 35]. Перечисленные типы информации формируются в тексте, зависят от речевой ситуации, функций языковых средств, процессов порождения и восприятия содержания при текстовой коммуникации.

Особый интерес представляет развитие всех видов семантики в конкретном тексте на основе его лингвистического анализа, затем филологического обобщения. Особую сложность представляет определение психологической семантики и ее функциональной значимости в современных речевых ситуациях, которая во многом зависит от судьбы слова в тексте.

Под *актуальным смыслом* слова в лингвистике принято понимать то содержание, которое имеется или проявляется в условиях конкретной

ситуации общения, связано с функцией языковых средств различных уровней [Болотнова 2008: 7-9]. Данное явление рассматривают также как многозначность слова, т.е. возможность использования в разных значениях, что обусловлено контекстом. Следовательно, содержание слова представляет собой многоаспектное явление, оно зависит от целей и задач исследования: оценка семантики, формы или функций; стилистические особенности; историческое или современное состояние; характер взаимодействия коммуникантов и т.д.

Отличительной особенностью этого процесса является то, что информационные типы могут быть актуальными, ведущими и фоновыми, что также детерминировано целями общения, их необходимостью в реальном существовании текста. Среди информационных типов могут быть выделены наиболее значимые, максимально передающие объем знаний, представлений о мире предметов, состояний, отношений между коммуникантами, оценки ситуаций и т.д. Поэтому под информацией принято понимать знания о мире, что также связано с познавательным и образовательным процессами.

Анализ текстовой информации непосредственно мотивирован оценкой содержания слова и текста, тем смыслом, который зависит от возможностей языковой системы и ее пользователей. В ходе лингвистических исследований выработана классификация, отражающая различные подходы в рассмотрении информационной дифференциации семантики текстов, к числу которой чаще всего относят наличие логической и эстетической информации. И.Р. Гальперин выделял прежде всего содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую разновидности [Гальперин 1981: 38]. Н.С. Валгина с учетом функций текста дифференцирует виды информации: фактологическая по эмпирическому уровню познания; концептуальная и гипотетическая по теоретическому уровню познания; методическая по

способу и приемам усвоения информации; эстетическая и оценочная категориальная, нравственно-эстетическая; инструктивная с ориентацией на определенные действия [Валгина 1968: 75].

Безусловно, функциональная значимость текста в коммуникативном пространстве способствует тому, что он в процессе общения развивает отдельные виды содержания (в широком смысле слова), актуализирует или переводит в фоновую один из них [Папина 2010: 15; Пискунова 2002: 35]. Поэтому при коммуникативном подходе к изучению смысловой структуры текста следует обращать внимание на наличие в нем различных типов информации, их распределение по функциональной значимости, особенностям порождения и восприятия в процессе речевой деятельности, а также объективности или допустимой субъективности при оценке фактов и т.п. При этом не следует забывать о соотношении содержания и формы как необходимого условия существования текста в системе языковой культуры.

Специфика текстообразующей функции единиц языка различных уровней состоит в их взаимодействии и распределении по актуальным, ключевым и фоновым компонентам, имеющим дополнительный или грамматический характер. Глагольные лексемы могут выполнять несколько обязанностей в структуре предложения и текста. Как правило, в предложениях, если они употребляются в своей основной исходной форме, чаще всего являются предикатами. Приобретая грамматическую форму существительного и прилагательного, синтаксические позиции которых увеличивают семантический объем глагольных лексем, они дополнительно в тексте развивают его информационное поле [Руделев 1979]. Одним из компонентов нового содержания становятся психологические сведения о поведении, характере, внутреннем и внешнем проявлениях физического и психологического состояния человека. Данные сведения могут иметь объективный и субъективный признак, зависящий от знаний автора

(порождение информации), читателя (восприятие информации), а также состояния языковой системы, от свойств речевой ситуации. Эти особенности не только отражаются на семантике текста, но являются одним из способов развития сюжета, информационных типов самого текста, а затем и системы языка, его лексической подсистемы.

Так, объективным способом передачи психологической семантики можно считать употребление глаголов «говорения». Их текстовое разнообразие обусловлено использованием синонимов, разностилевых вариантов как авторской индивидуальности. Когда общепринятое в системе языка значение соответствует норме употребления, информация обеспечивает исходное содержание, если в тексте происходит расширение содержания слова во взаимодействии с другими лексемами, то осуществляется развитие языковой системы.

Продуктивно в связи с этим изучение роли единиц системы языка как текстовых единиц различного содержания и формы. Об этом писали многие исследователи, используя следующие понятия: *информемы*, в рамках коммуникативной стилистики как единицы информативно-смыслового уровня текста [Болотнова 2008: 45]; *поэтемы* [Руделев 1979: 40]; *текстемы* [Дридзе 1980: 56]; *экспрессемы* [Григорьев 1979: 15]; *текстовые единицы* (портретные, пейзажные, психологические, философские, времени года и др.) [Пискунова 2002: 103] и т.п.

Основной формой выражения таких текстовых единиц является слово в его исходном или коммуникативно обусловленном ином содержании, что зависит от исторического развития языка, культуры и знаний пользователей. Порождение и восприятие информации различного типа, актуализация отдельных видов зависят от конкретных коммуникативных ситуаций, речевой деятельности языковой личности, целей и задач общения. Это также связано с психологией речи, и, следовательно, позволяет принять наличие текстовых психологических единиц.

Так, примером творческого использования глаголов с семантикой «говорения» служат диалоги, авторское употребление сходных и противоположных по значению лексем в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети». С первых строк писатель сочетает нейтральные слова и те, которые содержат дополнительное социальное, психологическое, гендерное значения. Это происходит естественным образом, т.к. речевая деятельность взаимосвязана с психологическими состояниями человека, обретающими словесную форму. В русском языке существует несколько глагольных лексем с нейтральным и эмоциональным содержанием, которые описывают процесс говорения. Поэтому И.С. Тургенев не только передает разговор, который состоялся между героями, но одновременно мотивирует их речевое поведение, характер, психологические состояния. Например:

1) **Кирсанов** Николай Петрович – **спрашивал, повторил** (*барин лет сорока с небольшим... в запыленном пальто и клетчатых панталонах*) (И.С. Тургенев «Отцы и дети») – глагол *спрашивал* в форме несовершенного вида и многократного действия, что выражает состояние беспокойства и ожидания, которое завершается, но *повторил*, что вновь через повтор сохраняет ту же информацию.

Петр – **ответствовал** (*слуга..., молодого и щекастого малого... с тусклыми глазенками; сережка в ухе, намаженные разноцветные волосы; учтивые телодвижения; все избличало человека новейшего, усовершенствованного поколения; посмотрел снисходительно; вторично ответил; доложил*) (И.С. Тургенев «Отцы и дети») – поведение слуги одновременно отражает его социальное положение и принадлежность к новому времени, т.е. он *посмотрел снисходительно*, поэтому с мнимым достоинством *ответствовал*, а не *отвечал*.

2) **Кирсанов** Николай Петрович – **закричал, твердил, прибавил, приговаривая** (*казался гораздо встревоженнее своего сына; он словно*

потерялся немного, словно робел) (И.С. Тургенев «Отцы и дети») – автор объясняет психологическое состояние своего героя.

Аркадий – говорил, отвечая, остановил, сказал, перебил, спросил, спросил (повтор) – в данном случае использованы нейтральные глаголы, передающие норму поведения в диалоге.

3) *Кирсанов* Николай Петрович – *начал, продолжал, заговорил, подхватил, хлопотливо говорил, вскрикнул, говорил* – вновь глаголы передают беспокойство, повышенную эмоциональность, и, как отмечает писатель, *хлопотливо говорил*, т.е. вновь используются формы длительного незавершенного действия в сочетании с глаголами, семантика которых передает продолжительность разговора: *продолжал, заговорил, подхватил*.

Базаров – отвечал, не отвечал, обратился к ямщику – глаголы нейтрального характера обозначают участника диалога без комментария, что создает семантику сдержанности или осторожности, отстраненности; при этом стандартное обозначение действия в разговоре *отвечал* или *не отвечал* противопоставлено более сложной семантике в глагольном слове *обратился* при нормативном в этикете характере.

4) *Кирсанов* Николай Петрович – *продолжал* – диалог продолжается, но появился глагол *процедил сквозь зубы*, когда речь зашла о наемных работниках, что уже дополнительно создает в тексте семантику социально-психологического характера.

Петр – промолвил, прибавил презрительно – речевое поведение вызвано диалогом с ямщиком, т.е. вновь социально-психологическая мотивация поведения.

5) *Кирсанов* Николай Петрович – *промолвил, заметил, начал* – в разговоре с сыном о положении дел в доме, воспоминаниях о детстве меняется психологический тон, поэтому далее он *прибавил, запнулся, продолжал, проговорил, отвечал, заметил*.

Аркадий – заметил, развязно спросил, подхватил, повторил, заметил, промолвил – появились стилистически окрашенные архаичные формы глаголов, подтверждающие приспособленность по психологическому признаку речи сына к настроению отца, заинтересованность в обсуждении темы разговора.

б) *Курсанов* Николай Петрович – *умолк* – действие переходит к описанию нового для него человека, друга сына.

Базаров – раздался голос, закричал – диалог переходит на новый уровень, но нет обращения к собеседникам, поэтому диалог завершен. И картина описания характеров героев завершается, происходит смена действия.

Автор также усиливает семантику глаголов за счет их сочетания с другими лексемами.

Стилистическое разнообразие глаголов «говорения», разрушение синонимии в данном случае создает эффект развития психологической семантики и динамизма в тексте. Общение между героями происходит на бытовом уровне и отражает особенности хозяйственного, семейного уклада, форму приветствия в виде диалогов, принятых в дворянской среде. Но именно в этой речевой ситуации происходит актуализация психологического семантического признака в структуре слова и текста.

Опыт лингвистического анализа текста, который является основополагающим для других видов изучения содержания различных научных и практических дисциплин, показал, что авторское творчество взаимосвязано с реальностью, допуская при этом определенную часть вымысла. Это соотношение служит обогащению коммуникации. Не случайно многие исследователи занимались психологией сознания, речи, искусства [Выготский 1968: 95-113; Арнаудов 1979: 326-385; Лилов 1971: 70]. «Любое явление действительности, попадая в сферу искусства, перестает иметь значение только явления действительности, но в то же

время становится знаком внутреннего мира художника» [Горбов 1929: 35], а это в свою очередь представляет еще один тип психологической семантики в тексте, приводит к ее актуализации. Объективность оценки, актуализированной в текстовой и словесной структуре информации психологического типа, зависит от учета всех достижений гуманитарных наук, знаний о свойствах языка, литературном творчестве, факторах истории, особенностях человека, его поведении и взаимодействии с другими членами сообщества. Лингвистический аспект современной коммуникации приобретает поэтому особенно значимую роль социально-психологического характера.

Коммуникативная функция текста, как уже было сказано, определяется и зависит от реально существующих речевых условий, психологии речи и особенностей психики языковой личности, а также от избранной ею формы получения, обмена информацией. Например, для современной речевой практики характерно употребление публицистических текстов, которые непосредственно связаны с наличием исходной психологической семантики. Прямым обозначением такого смысла являются лексические оппозиции, содержание которых многообразно отражает исторические условия существования социума. Многие из них порождаются личными и общественными отношениями людей, носят характер традиционного и индивидуального признака. Среди них наиболее естественными принято считать отношения в малых социальных группах, с учетом гендерной принадлежности и возрастных особенностей участников, их статуса, роли в коллективе, семье и т.д.

В газетных публикациях современности часто используют актуальную психологическую семантику для привлечения читательского внимания. Например, в еженедельнике «Комсомольская правда» в рубрике «Мужчина и женщина» опубликована статья «Осторожно, психопат!» (Завгородняя <http://www.kp.ru/daily/26191.3/3078750.html>) с подзаголовком

«Я влюбилась невпопад». Лексический состав предисловия прямо указывает на основное содержание статьи: *«Часто под маской настоящего мужчины или загадочной женщины скрывается опасный тип. Практически у каждого человека в биографии есть роковая страница: работа, любовь или даже – чур меня! – создание семьи с человеком, который с виду ну суший идеал. У него обаятельный голос, наружность и манера держаться. Он с ходу очаровывает и вас, и всех ваших друзей, коллег и родственников до третьего колена. Заботливый. Подчеркнуто омужественный. Ну идеал просто!»*

Тематическое единство формируется за счет сочетания терминов и ключевых слов, которые приобретают в тексте необходимую семантику:

термины – биография, страница, тип, семья, идеал, наружность, манера держаться, коллега, родственник, подчеркнуто (лексика из различных тематических групп в системе языка приобретает терминологический характер при описании психотипа человека);

ключевые слова с потенциальной психологической семантикой – часто, маска, настоящий, загадочный, скрывается, опасный тип, каждый, роковой, любовь, чур, с виду, обаятельный, очаровывать, заботливый, подчеркнуто, мужественный (преобладают оценочные слова).

Далее в тексте происходит развитие данного способа выражения основного семантического, психологического признака: *сблизившись с этим персонажем; ахнете: «Батюшки, какая скотина!»; далеко ходить не надо; до сих пор гадают; гадать не нужно; артистично рассуждал о перспективах; не обнаружила у себя в шкафу значки и 60 тысяч рублей.* Как вывод приводятся слова известного американского психолога Роберта Хаэра из книги «Пугающий мир психопатов», который сформулировал ряд признаков и сформировал следующее представление о психопате: разговорчивость, поверхностность, эгоцентризм, отсутствие чувства вины и сожаления, отсутствие сопереживания, коварство и игра в слова («не

правильно меня поняли»), антисоциальное поведение. Следует отметить, что перечисленные признаки характерны для многих психотипов и дают полное представление о семантике этого слова, но могут быть отнесены к словам *аферист*, *циник*, а также *хитрец* и т.п.

По мнению авторов «Словаря современного русского литературного языка», слово *психопат* семантически связано со словом *рассказать*, поэтому оно дано в словарной статье с пометой «стар.» [ССРЛЯ Т. 12, 1961: 595]. Производное от данного слова *психопатологический* в сочетании с *явление* определено как «родственное галлюцинации, но отличающееся от нее отсутствием связи с реальным пространством» [ССРЛЯ Т. 11, 1961: 1616].

Можно ли считать в этом случае корректным заголовочное и последующее употребление словосочетания *психопат обыкновенный* для современного коммуниканта на страницах достаточно популярного издания, покажет лингвистический, лексикографический анализ текста, т.е. оценка его ключевой лексики.

Провокационным можно считать и противопоставление заголовка терминологического содержания с ироничностью подзаголовка статьи: *Осторожно, психопат! – Я влюбилась невпопад*. Настораживает в этом случае и звуковое совпадение ключевых слов *психопат* и *невпопад* в статье, где речь идет о судебном процессе, об убийстве человека, о чем свидетельствует профессиональная оценка: «*Психологической науке давно известен этот феномен: обыкновенный психопат*».

Сочетание слов *обыкновенный* и *психопат* требует отдельного рассмотрения, поэтому необходимо обратиться к материалам словарей:

1. «Словарь современного русского литературного языка» [ССРЛЯ Т. 11, 1961: 1622]: *псих* (просторечное) определено как психически неуравновешенный человек, *психопат*. В качестве примера приводится фрагмент из романа М. Шолохова «Поднятая целина» (– *И не ори,*

пожалуйста! Сам – псих и других такими делаешь). Использование глагола *ори* подтверждает неадекватность речевого общения.

2. С.И. Ожегов «Словарь русского языка» (издание 16-е), под редакцией Н.Ю. Шведовой: *психопат* – человек с больной психикой [Ожегов 1984: 547].

3. В.И. Даль «Толковый словарь живого великорусского языка»: дается только определение слов *психология*, *психологъ*, *психіатрія*, *психическій*, *психологическій* в единстве их семантической мотивации от понятий «душа», «душевно больной человек» [Даль 1955: 534].

4.«Словарь русских народных говоров» свидетельствует о разнообразии различных наименований: *психа*, *психопатка* – «истеричка, психиатрическая больница»; *психнуть* – «не сдержав своего возмущения, негодования и т.п., выразить их в резкой форме, психануть»; *психоватый* – «психически неуравновешенный, ненормальный человек»; *психоводный* – «психически больной»; *психоза* – «психопатка, истеричка»; *психозный* – «не соответствующий действительности, ненормальный»; *психопадлый* – «то же, что психоватый»; *психуша* – «неуравновешенный, несдержанный человек, психически больной человек» [СРНГ 2003: 99].

Устойчивость однотипной семантики в данных словах подтверждает зафиксированное в сознании русского человека представление о болезни, т.е. о неадекватном поведении именно больного, душевно больного человека.

Слово *обыкновенность* предполагает однозначное его употребление как свойства и качества обыкновенного, т.е. ничем не выделяющегося, заурядного, привычного, часто встречающегося, обычного [ССРЛЯ Т. 8 1959: 578]. В.И. Даль рассматривает данное слово как производное от *обыкъ* (обыкновенье, обычай), т.е. «почти всегдашний бывающій большею частью, сплошь и рядомъ» [Даль 1955: 638]. К середине XX в. семантика

слова сохранилась: *обыкновенный* – «обычный, ничем не выдающийся» [Ожегов 1984: 377].

Следовательно, речевая практика зафиксировала то, что эти два понятия нельзя считать допустимыми как словосочетание, психологически нормированными, если они не используются в профессиональной среде, где психически больной человек диагностируется по ряду признаков. Происходит разрушение семантики в лексической подсистеме языка, и данный процесс, к сожалению, прогрессирует.

Более тематически оправданной, стилистически однотипной и стандартной для подобного типа газетных публикаций стала статья «45 – примеряй фату опять?» в газете «Комсомольская правда» от 13 февраля 2014 года (Завгородняя <http://www.kp.ru/daily/26194.3/3081310.html>). Автор статьи Дарья Завгородняя рассматривает сложившиеся стереотипы о зрелой любви через отношение мужчин и женщин к браку: *В зрелом возрасте влюбиться невозможно; Я старая!; Я не Абрамович!* В качестве комментария к теме дается рассуждение Марии Ремизовой под заголовком «А от мрачных мыслей – брачный контракт». Чтобы привлечь внимание читателей, ключевая информация заключается в следующей фразе: *Стоит ли крутить романы и идти замуж после 40...* Но и здесь настораживают слова *крутить романы*, свойственные просторечному стилю.

Следует также определить целесообразность такого использования ключевой лексики при подаче информации, как и правомерность ее расположения на страницах газеты под рубрикой «Мужчина и женщина». Известно иное отношение к этому сочетанию, противопоставлению, оно особо значимо для русской и мировой культуры и, следовательно, коммуникации. Данное явление, прежде всего, носит положительный психологический смысл, который в зависимости от социальных и национальных условий, традиций приобретает часто иной, конкретный характер. Это отражается на коммуникативной функции, соотношении

лексем в системе языка, а вместе с этим на дальнейшем развитии языковой культуры.

В связи с рассмотрением вопроса об особом характере функционирования в речевой коммуникации слов *мужчина* и *женщина*, становится актуальной проблема оценки информации, полученной в результате такого общения, к которому можно отнести не только осуществление диалога, но и формирование текста одним из представителей полов. Речь идет об особом социолингвистическом феномене, отражающем мужскую и женскую речь, – *гендерлекте* [Шаров http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=566.html].

Поэтому восприятие семантики слова и текста, их информационного качества может быть различным, реальность подтверждается только в процессе коммуникации, а также временем развития языковой культуры. Соотношение исходной семантики и нового значения в слове проверяется речевой практикой, отсутствием коммуникативных барьеров, достижением целей общения, взаимопониманием, психологическим комфортом и безопасностью.

Примером текстообразующей роли психологической семантики за счет функционального развития слов является языковая форма следующей статьи в еженедельнике «Комсомольская правда» 8-т от 20-27 февраля 2014 года (Тыркин <http://www.kp.ru/daily/26196.2/3083400/>):

Название статьи – *«Режиссер Дэвид О. Рассел: Пессимизм – это роскошь, которая может убить»*. Аннотация – *Знаменитый кинематографист дал нам интервью перед выходом в российский прокат комедии «Афера по-американски», номинированной на 10 «Оскар»*. Ключевые слова – *упоительный, припудренный, заслуга актуального режиссера, невероятный профессионализм, невиданные высоты, забавно, мечтает, удивить, выдумка, утопический, уметь верить*.

Данные компоненты взаимосвязаны, но частично, так как собственно заголовок статьи объясняется содержанием только в аннотации.

Структура диалога –

Вопрос: Тренировку мозга вы предпочитаете тренировке тела?

Ответ: Приходится этим заниматься, чтобы остаться людьми!

«Афера по-американски» – более оперный фильм, чем другие мои картины. Мне нравятся большие эмоциональные сцены, музыка, персонажи, которые больше, чем жизнь, движения камеры... В этом есть мускулатура, мне и как зрителю по душе такое кино!

Фрагменты диалога содержат тематически обусловленную лексику.

Ключевые лексемные оппозиции – (обычно худеющий до полного истощения героический – толстым и лысым мошенником – по-настоящему запоминается в образе его суперсексуальной рыжей любовницы – в образе крикливой хабалки); (мечтает... стать таким же гламурным, ... вышибает искру); (выдумка – списан с реального человека); (реальный самозванец был белолицым – грубо загримированным под Араса).

Противопоставления по структуре своеобразны. Здесь нет однокомпонентного способа выражения двоичных и троичных оппозиций, оппозицы представляют собой нестандартные авторские словосочетания. Их можно отнести к особому типу, ведущим дифференциальным признаком которых является семантический в его психологической разновидности. Формально таким оппозициям можно участвовать только в отдельных типах текстов при порождении новой информации и актуализации семантики, функций, т.е. нейтрализация и появление дополнительного содержания ситуативно обусловлены [Пискунова 2002: 256]. Также развитие текста при восприятии слов и всего произведения иногда может создать условия, при которых возможно появление коммуникативного барьера между автором и читателем.

Понятие пессимизма раскрывается через противопоставление оценочной характеристике работы режиссера, актеров, сценариста как комедийно-приключенческой, построенной на выдумке, притворстве, игре. В творчестве режиссера, его фильмах есть определенная заинтересованность в таком жанре с определенной психологической нагрузкой: «Раскрепощенные», «Боец», «Мой парень – псих». Поэтому главным для него является девиз: «Нужно уметь верить в то, что делаешь, – это может тебя спасти».

Авторская привязанность к определенной семантике безусловна, но, как известно, информация, хранимая в слове, пластична и устойчива, одновременно она поддается трансформации и сохраняет равновесие и динамическое развитие [Бабенко, Васильев, Казарин 2000: 279].

Семантические изменения в структуре слова для русского языка различны, и, как известно, это связано с социально-историческими процессами. Меняются условия существования предметов, явлений, действий, событий, но слово остается, приспосабливается, преобразовывая свое содержание. Об этом справедливо писал Н.М. Шанский в ходе дискуссии о целесообразности и способах лингвистического анализа текста, введя позднее на страницах журнала «Русский язык в школе» рубрику «Художественный текст под лингвистическим микроскопом», а затем в книге с тем же названием подтвердил оценкой текстовой значимости ключевых слов, получивших дальнейшее свое развитие в языке. Например: М.Ю. Лермонтов «Сашка» – *Бывало, только восемь бьет часов, // По мостовой валит народ ученый... // Текут... Пришли, шумят... Профессор длинный // **Напрасно** входит, кланяется чинно...* (М.Ю. Лермонтов «Сашка»). Современное слово **напрасно** известно как *бесполезно, зря, без толку, попусту*, но в XIX в. оно было известно в значении *неожиданно*, вдруг [Шанский, 1988: 143]. Лингвистический анализ стихотворения А.С. Пушкина «Стихи, сочиненные ночью во время

бессонницы» показывает правомерное решение о наличии дополнительной строки в редакции 1841 г. «*Темный твой язык учу...*» как приписке, сделанной В. Жуковским, т.е. «*темный – здесь коварный*», «*злой*», «*плохой*», «*недобрый*», «*предсказывающий все плохое*»; *учу* – «*познаю по обязанности*», «*познаю, т.к. «не знаю*», «*узнаю все, что приходится знать*» [Пискунова 2002: 143].

Следует отметить, что несоответствие исторического и современного знаний о содержании слова влияет на психологическую безопасность общения, но и может положительно отразиться на творчестве языковой личности, привести к увеличению семантического объема текста.

Изменение семантики многих слов в системе языка продолжается и может оказывать влияние на их лексико-семантические связи. Языковая небрежность, недостаточная «рефлексия» [Богин 2001: 8], утрата исходного значения и знаний об истории употребления отдельных наименований привели к появлению новых отношений в лексической подсистеме.

Так, изменилось использование слова *девушка*, вместо общепринятого по отношению к молодой *женщине*, т.к. по социальному статусу раньше была зафиксирована градация, функциональная ограниченность. В истории общественных отношений уже были подобные преобразования, когда слово *девка* обозначало *крепостную*, а затем женщину с определенным поведением и родом занятий. Кроме того, социальные различия, незнание национальных традиций характеризует и литературных героев, например, в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» противопоставлены в «Белле» *молодые ребята* и *девки* как участники свадебного обряда.

Семантические сдвиги приобрели психологический характер при совпадении и часто ошибочным использованием слов *именины* и *день рождения*, *именинник* по отношению к человеку, которого хотят поздравить с днем рождения. Как известно, эти номинации могут совпадать

только в редких случаях, т.к. при крещении ребенка строго соблюдались правила имянаречения по церковному календарю. В связи с этим следует обратиться к следующей публикации в газете «Аргументы и факты» (№ 26 (1755) от 25 июня – 1 июля 2014 г.), где протоирей Геннадий Андриянов, настоятель храма Троицы Живоначальной в Серебряниках, отвечает на вопрос читателя (Приложение 1).

Процесс семантических изменений в слове, а затем и в тексте, носит живой, естественный характер, если это связано с развитием системы языка, отражающей языковую картину тех исторических процессов, которые происходят в коммуникативном пространстве. При этом не следует забывать и о лингвистической безопасности для самого языка, его пользователей, а также о психологическом комфорте общения, что положительно скажется на качестве передаваемой информации.

Примером авторского прямого определения психологически напряженного состояния человека можно считать использование в единстве противоположные по значению следующие слова: *Еще у нее улыбка какая-то **рассеяно-дерзкая, задумчиво вызывающая**. Но ведь это и тянет...* (А.И. Солженицын «Раковый корпус»).

Семантический блок – *рассеяно-дерзкая, задумчиво вызывающая*.

Рассеянный и *задумчивый*, *дерзкий* и *вызывающий* образуют синонимические пары, хотя сходность семантики может быть лишь ситуативной. В слове *рассеянный* ведущим является определение по способу мышления, реакции на окружающую действительность.

Рассеянный – «невнимательный, плохо реагирующий [Лопатин 2001: 613]. В слове *задумчивый* есть еще и дополнительный психологический смысл: «молчаливый, угрюмый» [Даль Т. 1. 2003: 575; Лопатин 2001: 173].

Дерзкий – наиболее сложное по психологической семантике слово: «смелый, отважный, решительный и наглый, грубый» [Даль Т. 1. 2003: 432]; «непочтительный, оскорбительный, грубый» [Лопатин 2001: 131]. В

слове *вызывающий* присутствует значение самого слова *дерзкий* («обращающий на себя внимание дерзостью, наглостью») [Лопатин 2001: 84; Ожегов 1984: 93]. Но сочетание этих слов и их парность в двух сложных компонентах несколько снижают психологический негативный эффект, что приводит к порождению нового смысла, привлекающего внимание читателя. Сочетание семантик создает новое оценочное значение, которое определено словом *какое-то*, т.е. допустимо нечто иное: привлекающий внимание, не спокойный и т.п.

Обычно такие по структуре словосочетания, один из компонентов которых имеет функцию определительного слова, носят семантически родственные, уточняющие значения. В традициях русской прозы этот способ наращивания содержания достаточно популярен: *Высшая комиссия той организации, билет которой с честью носил в кармане провинциально-старомодный человек, оценивала его и назначила ему должность спокойную и почетную* (М.А. Булгаков. «Собачье сердце»).

Семантическое единство и психологическое содержание спокойствия, несмотря на остроту ситуации (*комиссия* была *высшая* и *оценивала*), обусловлено словами *провинциально* и *старомодный*, а также *назначила ему должность спокойную и почетную*.

А.И. Солженицын также использовал подобные способы расширения семантики слов, что способствовало уточнению психологически актуальной семантики: *С этой их похоронной группы на лунно-ледяном озере начались все события ночи: беззвучное нападение большой массы на наш левый – блок-пост – Ермолаеву, Янченке усекли черепа лопатами* (А.И. Солженицын «Угодило зернышко меж двух жерновов: Очерки изгнания»).

Достаточно нейтральное сочетание слов *лунно-, ледяном, озере, ночи* создает психологическое напряжение за счет слов *похоронной группой, все события ночи, черепа, усекли... лопатой*. Усиление происходит с несовместимостью, отсюда и опасностью, непредсказуемостью и

непоправимостью, заложенной в семантической оппозиции слов *беззвучное нападение* и *большой массы*. Нарастание произошло, но оно обусловлено окружающими лексемами, т.к. в другой сочетаемости слова *лунно-*, *ледяном*, *ночи* могли стать элементами пейзажного описания в зимний, осенний и весенний период состояния природы, а дополнительное развитие психологического признака носит ситуативный характер порождения и восприятия смысла.

Концентрированным способом передачи нарастающей психологической негативной семантики можно считать одно из продуктивных выражений, когда актуализированная лексема в тексте не только изначально связана с номинацией данного содержания, но является одновременно самостоятельным предложением. Структура таких синтаксических единиц в лингвистике определена по-разному: односоставное, подлежащего типа, номинативное или неполное двусоставное предложение с нулевым сказуемым. Например: *В метро. Гул. Шлепанье подошв. Брехня. Смех. Лай. Смехолай* (В. Аксенов «Ожег»).

Развитие семантики в этом случае связано также с тем, что субстантивные формы глаголов *гул*, *шлепанье*, *брехня*, *смех*, *лай*, *смехолай* совмещают две функции, т.е. существительного как подлежащего; глагольная семантика восстанавливает в предложении сказуемое.

Стилистическая окрашенность данных слов также усиливает эффект негативной семантики, передает раздражение, недовольство, иронию, недоброжелательность и т.п. Наличие в одном функциональном ряду слова *брехня* («ложь, враки», «лаять, гавкать как собака, шуметь, орать, драть горло в брани» [Даль Т. 1. 2003: 127]) подтверждает это значение в остальных словах. В.И. Даль увидел такое совпадение в слове *лай* (*лаять* – «отрывисто вскрикивать, рывкать по-собачьи, брехать, журить») [Даль Т. 2. 2003: 241]. Объединяет все эти слова также то, что они связаны с понятием «производить шум, который создает неудобство».

В процессе общения одним из важных составляющих для коммуникантов является выбор слова, определение и знание его семантики в соответствии с ассоциативно-вербальной сетью языковой личности. Возможности адекватного использования языковых средств находятся под влиянием коммуникативной ситуации и, как было сказано ранее, психологического состояния общающихся, их возрастных и гендерных особенностей, умением объективно, сохраняя индивидуальность, воспринимать и передавать информацию об окружающей действительности, а также владеть определенными знаниями и навыками речевого поведения. Не случайно, лингвисты отмечают, что неверное употребление слов приводит к коммуникативному дискомфорту, речевому конфликту [Нещименко 2001: 106; Пискунова 2002 и др.], а это, к сожалению, при неточности словоупотребления становится почти правилом [Лаптева 2002: 351], порождающим коммуникативные неудачи [Винокур 1993]. В связи с этим, целесообразно использовать при выборе языковых средств *кодовое переключение*, которое по словам Л.П. Крысина, можно считать «одной из форм социально и ситуативно обусловленного многообразия языковой системы, без которого процесс нормального речевого общения затруднен или даже невозможен» [Крысин 2005: 29]. К этому следует добавить, что без психологических адекватных знаний и навыков успешное общение не состоится. Как считает С.Г. Ильенко, в самой природе общения заложена конфликтность, что связано с совмещением тождества и различия речемыслительного сознания субъектов, обеспечивающих взаимопонимание и коммуникативный интерес (импульс), что приводит к выработке общего кода [Ильенко 1996].

Говоря о статусе психологической семантики в слове необходимо учитывать ее наличие в информационном поле лексемы, сочетаемости лексем в тексте. Уровень владения ядерной и периферийной частью в содержании слова у носителей языка различен. Могут совпадать знания,

содержащиеся в основной части слова, и отличаться ассоциативная реакция и представление о возможном семантическом развитии слова. Данная процедура вновь приобретает характер лингвопсихологического плана. Определение психологической семантики в ходе общения влияет на взаимодействие языковых личностей, результативность текстовой коммуникации. Примером этому служит диалогическая форма интернет-текста, когда взаимопонимание пользователей зависит от лексической структуры реплик, их синтаксической формы с ситуационными компьютерными компонентами. Речь идет об использовании ключевых слов, орфографической и пунктуационной оформленности речи, введение в текст смайликов, никнеймов и т.п. [Губарев, Пискунова 2012; Губарев 2013]. Следует отметить, что при таком общении, несмотря на нарушение общепринятой нормы, этот способ приводит к увеличению скорости, доступности, психологической адекватности передачи информации для пользователей при их взаимодействии. Хотя существует определенная опасность в существовании языковой культуры, справедливо поэтому замечание М.В. Арапова: «Развитие событий в языковой сфере быстрыми темпами ведет к утрате нашей солидарности и чувства общности» [Арапов 2006: 175], т.е. речь идет об актуальной проблеме лингвистической и психологической безопасности коммуникантов.

Примером порождения дополнительного психологического смысла может служить коммуникативно сложное по содержанию и достаточно простое по форме произведение А.И. Солженицына, к анализу которого уже обращались исследователи при решении различных лингвистических задач по программе «Экология языка и речи» Тамбовской лингвистической школы: грамматические средства развития семантики в тексте [Пискунова 2002]; определение особенностей текстовых пейзажных единиц [Левина 2012].

Основа развития психологической семантики в текстовой миниатюре «Вязовое бревно» А.И. Солженицына из цикла «Крохотки» формируется при актуализации оппозиций (*живой-неживой, свободный-несвободный*), которые были для писателя наиболее значимыми в его творчестве. Автор передает данные социально обусловленные признаки семантической структуры текста через противопоставление-конфликт природы и человека, когда происходит нарушение их сосуществования.

Именно этот конфликт придаёт особую психологическую значимость тексту:

Вязовое бревно

«Мы пилили дрова, взяли вязовое бревно – и вскрикнули: с тех пор как ствол в прошлом году срезали, и тащили трактором, и распиливали его на части, и кидали в баржи и кузова, и накатывали в штабели, и сваливали на землю – вязовое бревно не сдалось! Оно пустило из себя свежий зелёный росток – целый будущий вяз или ветку густо шумящую.

Уже бревно положили мы на козлы, как на плаху, но не решались врезаться в шею пилой: как же пилить его? Ведь Оно тоже жить хочет! Ведь вот как оно хочет жить – больше нас!» (А.И. Солженицын «Вязовое бревно»).

Психологический признак в семантической структуре данного текста получает свое развитие за счет следующих лексических оппозиций и концентрации глаголов, передающих последовательные действия:

оппозиции – мы – бревно; вяз – бревно; ствол (дерево) – трактор, баржи, кузова, штабели; бревно / вязовое бревно – свежий зелёный росток / ветку густо шумящую; бревно – козлы / плаху.

глагольные действия – пилили (дрова) – взяли (бревно) – срезали – распиливали – кидали – накатывали – свалили.

Реальное бытовое действие в начале текста прерывается психологически сложной семантикой глагола *вскрикнули*. Данный глагол

включен в словарную статью *вскрикивать* со значением «внезапно испускать крик». В русских прозаических текстах данный глагол и его формы часто встречаются именно с этим значением [ССРЛЯ Т.2 1951: 842].

Форма совершенного вида глагола *вскрикнули* усиливает прошедшее время, в котором происходило событие. Способ глагольного действия, его краткость порождает новую семантику с оценочным психологически сложным признаком, что восстанавливает значение слов *миг*, *мгновение*, *шок*, *испуг* и т.д. Эмоциональный признак в данных словах, реальных и предполагаемых в семантической и грамматической форме текста [Пискунова 2002], противопоставлен другому по смыслу, который в произведении порождается словом *бревно*.

Функция глагола *вскрикнули* обуславливает дальнейшее психологическое информационное развитие сюжета, мотивирует конец текста. Так бывает только с человеком, когда он удивлён, испуган, испытал неожиданную боль. Автор мотивирует переход от «производственной» темы введением прилагательного *вязовое* при существительном *бревно*. Возникает ещё одно смысловое сложное определение, но уже по отношению к тематической группе лексики, связанной с миром природы. Читателю невольно приходится задуматься о символике дерева вяз, художественный образ которого редко используется в русской культуре.

Действия людей, их практический смысл противопоставлены, так как в тексте появилась новая психологическая мотивация философского, морально-этического содержания: *вязовое бревно не сдалось! – пустило... свежий зелёный росток – целый будущий вяз или ветку густую шумящую – жить хочет!* Наиболее сложным смыслом психологического свойства стало противопоставление: *бревно положили мы на козлы, как на плаху*. Именно это стало основанием для вывода о том, что *вязовое бревно хочет жить*, больше жить чем человек. Сила мира природы по отношению к действиям человека, его отношению к пониманию смысла этой жизни

приобрела особую мотивирующую роль психологического осознания вечности жажды жизни на земле.

Примечательно то, что в словарном тексте для объяснения семантики слова *живой* используется оппози́т *мёртвый* [ССРЛЯ Т.4 1955: 108-116], а затем отмечаются другие смысловые употребления в русской речи: *полный жизненных сил, настоящий, подлинный, переживаемый, сильно ощущаемый* и др.

Особую функциональную значимость при создании психологической семантики в данном тексте приобретают именно глаголы, для которых данный компонент содержания является исходным и объективным, т.к. закреплён в системе языка опытом речевого общения. Прилагательные могут формировать субъективную информацию, обусловленную индивидуальным порождением оценочной семантики, и только взаимодействие лексики в тексте, мотивированное авторским замыслом, способствует адекватному восприятию читателем.

Используя терминологию И.А. Стернина [Стернин 2000], можно сказать, что слова *вскрикнули, вязовое*, стали коммуникативным ядром лексикона произведения А.И. Солженицына, которое под влиянием экстралингвистических факторов приобрело психолого-философское содержание, определило мотивацию лексических связей текста в данном аспекте. Изучение лексических компонентов текста с психологической семантикой может послужить пониманию особенностей коммуникативного процесса в современных условиях существования для носителей языка, что позволит коммуникантам более полно выразить позитивные и негативные эмоции, сформировать свою идентичность социуму.

Психологическая структура содержания слова включает несколько типов значений, которые формируются непосредственно в историческом развитии языка, зависят от речевой деятельности языковой личности, объема знаний, соотношения моментов синтеза (порождения) и анализа

(восприятия) речи в соотношении с моментом коррекции объективных и субъективных нарушений. Динамика речевого процесса с учетом функции единиц языковой системы при наличии исходного момента в коммуникативном пространстве хорошо изучены и описаны исследователями Тамбовской лингвистической школы [Руделев 1979; Пискунова 1999; 2001; Шарандин 2001; Козлова 1994; Левина 2012 и др.]. Это позволяет получить объективные данные о функциональной значимости различных единиц текста и в плане изучения психологической семантики.

С.В. Пискунова выделяет различные типы систем текстовых единиц по заключенной и приобретенной информации, способам выражения и функции [Пискунова 1999; 2001; 2002 и др.]. Опыт исследования ученого и ее учеников показал, что в структуре данных компонентов, которые по форме можно соотнести с единицами текста и единицами системы языка (фонема; морфема; слово; словосочетание; предложение; единицы, большие, чем предложения; фрагменты текста; собственно текст в системе авторских текстов; заголовки), практически всегда, но с различной актуальной и потенциальной значимостью, присутствует психологическая семантика [Левина 2013; Мирзаева 2008; Беспалова 2009; Акулинина 2009; Товт 2010; Рвачева 2010; Швецова 2014 и др.]. Исследование семантики слова и текста в антропоцентрическом аспекте современных гуманитарных научных направлений подтверждает правомерность данного вывода.

Семантическая разноплановость слова способна породить психологию конфликта между собеседниками, что приобретает в речевом процессе объективный, но условный, ситуативный характер. Вербализация речи позволяет ликвидировать это противоречие в общении. Так, наличие в слове нескольких значений мотивирует несколько направлений в формировании информационных полей, совпадение семантик создает положительный психологический эффект коммуникации, несовпадение –

отрицательный эффект. Например, при использовании ряда слов в различных типах речи возможны следующие психологические семантические реакции, обусловленные различиями в объеме знаний, жизненного опыта, индивидуальных представлений, личностных привычек, возрастных и гендерных особенностей и т.п. Так, в словаре С.И. Ожегова в краткой форме представлено толкование слова *уровень* [Ожегов 1984: 727], которое позволяет предположить *психологическую вербальную напряженность* общения между коммуникантами, особенности ассоциативных реакций [РАС 2002], что систематизировано в таблице 1.1 «Лексема *уровень* и особенности ассоциативных реакций» (Приложение 2).

Следует отметить, что в качестве специального обозначения предметов, используемых в различных профессиях, отраслях науки значение этого слова значительно шире, что отражается на психологии общения, поэтому за короткий промежуток времени это слово потребует объяснения, уточнения семантики при передаче или формировании информационного поля в тексте коммуникантов, может отразиться на качестве речевой деятельности. И хотя в основе всех значений находится глагольная мотивация (*уровнять* – сделать ровным), но психологическое напряжение вербального общения становится реальным. Скорость передачи информации может быть снижена, собеседники переходят на анализ собственных знаний, опыта и т.п. Дополнительным фактором психологического дискомфорта становятся внутритекстовые законы сочетаемости лексем, образование новых компонентов в формально выраженных и нулевых единицах структуры текста [Пискунова 2002]. Именно процесс лингвоаналитического порождения и восприятия семантики слова в коммуникации имеет основное и дополнительное значения для психологии речи. Система языка в своей структуре накопила достаточно большой объем разноплановых знаний, имеющих динамический характер, использование которых часто сопровождается

актуализацией психологической семантики. Историческая память слова, его региональная принадлежность, социальная значимость непосредственно зависят от психологических особенностей самого человека как коммуниканта, часто носит индивидуальный характер, опережая развитие языка.

Лингвистическая практика последних лет часто связана с изучением материалов «Русского ассоциативного словаря» [РАС 2002]. Исследователи используют данные реакций на отдельные слова в студенческой аудитории, что позволяет определить уровень владения речью в молодежной среде, предположить, что это оказывает влияние на состояние и развитие современного русского языка, адекватность владения семантикой, что должно отразиться на результативности общения. Данная процедура используется в ходе проведения лингвистического, лингвопсихологического, психолингвистического, лингвопедагогического экспериментов [Пискунова 2002; Левина 2012].

По своей сути выявление коммуникативной значимости ассоциативных лексических связей имеет психологическую мотивированность словоупотребления на основе порождения и восприятия текста. Как известно, развитие психологической семантики в структуре текста во многом обусловлено лексическим составом. Это зависит от наличия исходного положительного или отрицательного данного содержания в слове, его потенциальных возможностей в сочетании с другими единицами текста, их синтаксической, текстовой позиции. Нарушение стилистических норм словоупотребления может повлиять на характер психологического признака семантики. Этим приемом часто пользуются для привлечения внимания собеседника в целях самозащиты лингвистического плана.

Правила нормативного словоупотребления могут быть нарушены, что связано с типом текста, авторской целевой установкой, особенностями

темы произведения. Началом такого процесса обычно служит название текста. Например, статья «Признаки войны» («Карен Шахназаров – о памяти, санкциях и пропаганде»), опубликованной в газете «Аргументы и факты» (№ 33 (1762) от 13-19 августа 2014 г., с. 8), содержит своеобразное употребление лексики. Отвечая на вопросы журналиста, известный режиссер, директор «Мосфильма», использует своеобразный психологический прием авторской оценки политических событий в историческом и современном мире, международных отношениях, что наиболее ярко проявляется в дискуссиях на телевидении с его участием в передачах «Время покажет» (П. Толстой, 1 канал), «Вечер с Владимиром Соловьевым» (Россия 2), «право голоса» (ТВ Центр), «Список Норкина» (НТВ) и др.

Несмотря на терминологичность слов в названии статьи, предполагается многозначный характер лексики в зависимости от типа текста. Формат данного интервью позволяет использование в речи различных по стилистической принадлежности слов, т.к. названа тема войны, но в новом понимании: информационная, политическая, экономическая и т.п. Поэтому в названии даны *признаки, признаки войны, о памяти, санкциях, пропаганде*. Естественно, речь зашла о событиях на Украине, а мотивацией послужил фильм режиссера «Белый тигр».

Журналист Сергей Грачев в беседе с режиссером провел аналогию на основании сходства смыслов: признаки войны всегда находятся с человеком и могут появиться в любой момент. К. Шахназаров возразил, хотя природа войны присутствует в человеке: *«XXI век – а мир опять взбесился: кругом воюют! Украина, Израиль, Ирак...Просто безумие какое-то!»*. Можно считать оправданным двойное употребление семантики «безумие» в различных грамматических формах с сохранением глагольного действия и одновременно значения негативной оценки, что обусловлено психологической реакцией на события.

Логичным был вопрос, обращенный к режиссеру, на основе такой семантики слова «безумие» о том, *«почему у людей такая короткая память»*. Выстроилась цепочка отношений: *ум – память – безумие*. А это уже сложнейшая модель психических процессов человека. Поэтому прозвучал адекватный ответ: *«Трудно ответить на этот вопрос»*. Но трудно согласиться со следующим решением: *«Память – это все красивые сантименты»*. Фраза естественна для человека творческой профессии, но далее вновь побеждает трезвость оценки: *«Там, где начинаются стратегические и геополитические интересы наций и стран, память заканчивается, стирается»*. Поэтому К. Шахназаров восстанавливает стилистическую точность, использует термины и приводит в качестве доказательства исторические аналогии: *«То, что происходит на Украине сегодня, очень схоже с тем, что творилось в Европе в 30-х гг. XX века. Вот, например, киевские власти хотят запретить Коммунистическую партию. Почему забывают о том, что нацизм в свое время возник в противовес коммунизму?»* Данная фраза выделена редакторами как ключевая в тексте подчеркиванием и может объяснить употребление слова *взбесился*.

Дальнейшие рассуждения собеседников связаны с обсуждением вопроса об информационной войне, объявленной России, что вызывает особую тревогу, поэтому журналист употребил словосочетание *«легко верят в самую откровенную бездоказательную чушь»*. Это не могло не отразиться на качестве ответа: *«...очень мало людей, способных критически осмыслить мир вокруг себя. Остальных нельзя винить или считать дураками – они занимаются своим делом, в политике не искушены и вовсе не обязаны уметь видеть все подводные камни в этом бурном потоке информации, который на них выливается каждый день»*. Образность речи художника кино (*подводные камни в этом бурном потоке*) подтверждает естественность употребления тематического слова *дураками* (отсутствие

ума). Поэтому для него логичны и следующие предложения: *«Так мир устроен, и ничего с этим не поделаешь. Информация стала мощнейшим оружием, такого в истории человечества еще не было»*. Объяснить возникшую ситуацию с позиции психологической науки можно, но оправдать нельзя, т.к. необходимо воспитывать, развивать, формировать адекватность мышления, знаний и оценки происходящего в мире. Вновь требуется решение актуального вопроса о характере современной лингвистической безопасности и психологической реакции на информационную войну.

В качестве ключевого компонента текста выделены следующие предложения, из которых в какой-то степени можно получить ответ на данную проблему: *«Мы же сегодня смотрим на жизнь сквозь экран телевизора и компьютера. И, если посредством этих экранов человека постоянно долбить какой-то информацией, его, в конце концов, можно заставить поверить во что угодно! Даже в самую несусветную чушь!»*

Эмоциональность тексту придают следующие слова, которые достаточно легко употребляют собеседники:

К. Шахназаров – в его голове оседают; рухнет Новороссия; вооружил до зубов; не надо далеко ходить за примерами; на фиг он тебе нужен.

Ср.: *С. Грачев – в мировом политическом пространстве происходят цивилизационные, тектонические сдвиги, а говоря грубо, меняется мироустройство.*

Использование лексики с признаком сниженного стиля и речевых штампов оправдано, что противоречит общему характеру сложной семантики текста, хотя ключевые слова из лексического состава текста сохранили свой смысл, они утратили ограничение по употреблению в данной ситуации. Поддержкой их новой функции стало приобретенное новое психологическое значение, т.к. эмоционально-оценочная лексика

сформировала определенную информационную зону защитной реакции коммуникантов, т.е. автора и читателя. Например: *«Тусовка – высшая форма жизни. Концерт в ночном клубе поднял Вазелину настроение, прочистил мозги. Деньги, конечно, небольшие, зато успех гарантирован. Публика вся его. Люди, которые балуются травкой, общаются в Интернете, презирают слюнявые обывательские ценности, обожают все, что круто и прикольно. Поколение Next»* (П. Дашкова «Вечная ночь»).

«Я лежу, делаю вид, что сплю, и слушаю, как шлифуют мои мозги. Конечно, никакой я для отцов не пример» ... «Но ведь я не монстр, чтобы мною пугать. Я им не друг, не приятель, не старший товарищ и не клевый чувак» (А.Иванов «Географ глобус пропил»).

Интересна и следующая ситуация. Популярная в современных кинофильмах, телесериалах фраза «Я люблю тебя больше жизни», несмотря на внешнюю поэтичность, содержит трагический психологический признак, т.е. предполагает выбор между жизнью и любовью, единства не дает, а это происходит в том случае, когда жизнь и любовь не совместимы. Получается, что в современных условиях отношения между мужчиной и женщиной, родителями и детьми не позволяют жить в любви. Трудно сказать, чем руководствуется пользователь русского языка, употребляя это выражение: предчувствие беды; неуверенность в себе и своем собеседнике; самоутверждение; стремление к общепризнанным фразам, имеющим определенный статус в социуме; подражание и самолюбование и т.п. Вся перечисленная семантика и функция слов этого предложения приобрели для коммуникантов определенную ситуативную и психологическую значимость. Одновременно из-за частотности употребления они теряют информативность, что также является еще и психологическим признаком современной речевой деятельности.

Реакция на присутствующую психологическую семантику в слове совпадает у коммуникантов по своему характеру в том случае, когда это содержание является интенциональным. Если предполагается развитие потенциального, ситуативно дополнительного, субъективно-индивидуального значений, то информационное поле слова ограничено функционально. Поэтому в процессе текстового общения не достигается взаимопонимание между участниками речевого действия, что часто приводит к психологическому дискомфорту, лингвистической опасности в виде вербальной агрессии и т.п. Результаты анализа данного процесса на материале отдельных словарных статей [Ожегов 1984] приведены в таблице 1.2 «Развитие информационного поля лексемы *тишина*» (Приложение 3).

Данная лексема только в форме существительного *тишина* имеет исходное непсихологическое значение, а в других грамматических вариантах активизирует свой текстовый потенциал. Происходит наращение положительной и отрицательной семантики, что позволяет увеличить семантический объем текста, расширить границы изображения картины окружающего мира и передать душевное состояние человека. Развитие данного информационного поля при помощи грамматических форм с однотипным значением свидетельствует об актуализации этого психологического содержания в коммуникации.

Следует вспомнить о том, что при определении «лексического значения слов по словарным дефинициям и лексикографической его презентации» необходимо «установить характер и типы смысловой структуры слов, относящихся к разным семиологическим классам и семантическим разрядам» с учетом психологической связи «содержания» (значения) и формы (формы знака) [Уфимцева 2002].

Лексическая система русского языка последовательно формировала разнообразные сочетания слов в зависимости от речевых ситуаций. В этих

словах ключевой компонент получал свое дальнейшее семантическое и стилистическое развитие, расширение функций в речевых действиях коммуникантов, их речевого пространства. Например, глагол **вызывать** уже в своем исходном значении имеет возможность привлечь к себе несколько семантических пластов: *позвать* (кого-либо, т.е. человека, животное); *пригласить* и *предложить явиться* (происходит дополнительное развитие понятий, связанных с нормами социально-этических отношений); *призвать, побудить* кого-либо к действиям, отношениям; *породить, заставить появиться* (проявление волеизъявления, давления, подчинения).

Данный комментарий осуществлен только на основе анализа небольшой словарной статьи [Ожегов 1984: 98], но позволяет определить модель порождения и восприятия информационного поля в речевой коммуникации. В различных текстах выработаны следующие направления с положительным и отрицательным смыслом психолого-функционального аспекта:

– *вызывать эмоции, чувства; негодование, недоумение, ужас, страх, зло; сомнение, досаду, раздражение; слабость, утомление, недомогание, нездоровье; вражду, угрозу; жадность и т.п.;*

– *вызывать радость, удивление восторг, удовлетворение, добро, доброжелательность, благодарность, гостеприимство; легкость, прилив сил; спокойствие, примирение;*

– *вызывать аплодисменты, славу и т.п.;*

– *вызывать друга, родителей, семью; охрану, защиту, поклонников и т.п.;*

– *вызывать шум, звездопад, грозу, водопад, снегопад, сель, прилив, обвал, обрушение, жару, засуху, неурожай и т.п.*

Кроме прямой номинации возможно восстановление психологического смысла, который во многом зависит от индивидуального

языкового творчества. Оценка словарных статей различных типов словарей, кроме данных выборок, позволит расширить ассоциативные связи слова, а речевая практика существенно дополнить результаты поиска, что может стать новой темой исследования в когнитивном, коммуникативном направлениях при условии соблюдения методологии и методики [Александрова 2010; Даль 1955; 2003; Ефремова 2000; Лопатин 2001; Ожегов 1984; РАС 2002; СРНГ 2003; ССРЛЯ 1955-1965 и др.].

Продуктивно для определения содержания в сочетаниях текстовых единиц использование оппозиционного метода, т.к. семантические оттенки часто носят условный характер. Положительное или отрицательное психологическое значение станет более точным при наличии в семантической оппозиции нейтрального оппозита [Руделев 1979; Пискунова 2002; Шарандин 2001]. Бинарные оппозиции присутствуют в сочетаниях с глаголом *вызвать*: *добро – зло; мир – война; здоровье – болезнь; сила – слабость; доброжелательность – враждебность; легкость – тяжесть; благодарность – раздражение и т.д.*

Семантический объем в членах этих оппозиций различается по наличию в них психологического признака, что зависит от их позиции в текстах, назначения в коммуникативном процессе, собственно психологической реакции языковой личности на развитие содержания слова.

Различные речевые ситуации обуславливают коммуникативный процесс, мотивацию его субъектов, желаемый результат. Одной из функций коммуникации является оказание воздействия, влияние или побуждение к действию себя самого или других в процессе речевой деятельности, т.е. эффект общения всегда зависит от мотивации коммуниканта в конкретной языковой ситуации. Как известно, мотивом к действию служит потребность. В своей работе «Мотивация и личность» Абрахам Маслоу утверждает, что потребности человека врожденные,

организованы в иерархическую последовательность от более простых, (низкого порядка по приоритетности) к более сложным. Потребность низшего уровня удовлетворяется, и только после человек начинает тянуться к потребности более высокого порядка [Маслоу 1954], что отражено на схеме 1.2 «Пирамида потребностей А. Маслоу» (Приложение 4).

В речевой деятельности человека, его лексиконе отражается картина мира, содержатся актуальные для жизнедеятельности смыслы. В текстовом общении можно найти лексическое подтверждение в затронутой актуальной зоне потребностей с репрезентируемой психологической семантикой для каждого момента коммуникативного акта. Трансформацию семантики можно проследить на примере следующего слова:

Страшный – опасный, угрожающий жизни – одинокий, нелюбимый – неодобряемый, некомпетентный – неумелый, незнающий – некрасивый, беспорядочный – неудачный, неспособный и т.п

Слово *страшный* в зависимости от того, какая из допустимых потребностей коммуниканта актуализирована в момент речевого акта, приобретает новое конкретное содержание с различными психологическими признаками, что проиллюстрировано в таблице 1.3 «Актуализация различных психологических признаков содержания лексемы *страшный*» (Приложение 5).

Следовательно, в зависимости от актуальной потребности, речевой ситуации, психофизиологического состояния человека, возраста, пола, образованности и многих других факторов, в информационном поле слова появляются или развиваются дополнительные приращенные психологические семантические аспекты.

Лексикографический анализ, направленный на выявление наличия или потенциальной возможности содержания психологической семантики как основного, дополнительного, диагностического, приращенного

значения, свидетельствует о состоянии современного русского языка. Материалы словарей в значительной степени отражают развитие лексической подсистемы, способной зафиксировать данный тип информации как части национальной культуры, свидетельства языковой картины мира. Именно они являются одним из способов хранения информации о психологическом состоянии человека, его оценки как языковой личности, способности к коммуникативной деятельности, формированию личной языковой подсистемы в соотношении с системой языка в историческом и современном состоянии. Модель вербальной коммуникации по своей структуре содержит психологический семантический компонент, приобретает функционально значимый признак. Поэтому актуально высказывание Н.Ю. Шведовой о языковой картине мира как о представлении, которое выработано многовековым опытом народа, многочастном и целостном мире, осмысленном языком человека, его материальной и духовной жизнедеятельности, окружающем пространстве и времени, живой и неживой природе, созданных мифах [РСС 2007: 15].

Таким образом, соотношение авторских и читательских представлений о семантическом объеме слова и текста отражается на психологии общения, что особенно актуально при преобразовании их содержания, и обеспечивает возможность приобретения исходной и новой информации, а также оценку психологических признаков текста объективного и субъективного характера. Это, в свою очередь, свидетельствует о реальном состоянии лексической системы языка и ее потенциальных возможностях в коммуникативном процессе, об особенностях формирования языковой картины мира языковой личностью.

§3. Функциональное информационное поле психологической семантики в коммуникативном пространстве

Популярное в различных областях научных знаний понятие «поле» продуктивно для использования при описании специфики психологической семантики в структуре слова и текста. В основу значения входит представление о целом во взаимодействии составляющих компонентов, пространстве, множестве. Поэтому данный термин получил свое развитие в теории физики, философии, психологии, филологии, социологии, культурологии, этнолингвистике и др.

Определенное значение для лингвистики имеет теория словесных полей, когда значение слова является не самостоятельной единицей поля, а его структурным компонентом. Данная концепция Л. Вейсгербера изложена А.И. Кузнецовой [Кузнецова 1963: 29], согласно которой, как уже было отмечено, слово – компонент структуры семантики, языковое поле как часть языкового промежуточного мира, состоящего из взаимодействующих языковых знаков. Это позволило Л. Вейсгерберу исследовать типы полей на основе функции слова: однослойные поля, объединенные общей функцией (по грамматике); двуслойные поля, включающие слова с общим лексическим значением (существительные, прилагательные, глаголы); многослойные поля, состоящие из слов с общим лексическим значением, объединенные одной функцией, а также общим семантическим признаком.

Проблемой полевой организации языка в различных направлениях занимались многие лингвисты: парадигматические [Косериу 2010], грамматические [Адмони 1964], ассоциативные [Балли 1955], грамматико-лексические [Гулыга, Шендельс 1969; Шарандин 2001, 2002], функционально-семантические [Бондарко 1984, 1996, 2002] и др.

Исследования в аспекте когнитивной лингвистики расширили область изучения поля с учетом ментальных репрезентаций, его преобразованием в концептосферу [Кубрякова 2004; Болотнова 1998 и др.].

Семантическое поле в информационном аспекте образует в тексте несколько разновидностей: поле текста; поле слова в тексте; поле сочетания слов в тексте; поле экстралингвистических компонентов коммуникации, в т.ч. авторских текстов и т.п.

Слово, обладая ядерным и периферийным значениями, способностью к текстовым отношениям с другими единицами и развитию в семантическом плане, формирует новое информационное поле. Данное текстовое образование зависит от состояния языковой системы и знаний, уровня владения речью коммуникантами, условий общения.

В центре внимания многих смежных гуманитарных наук в аспекте современного антропоцентрического направления оказалась проблема межличностной коммуникации. Изучение данного процесса с различных методологических позиций и с применением научно обоснованных методик непосредственно связано с использованием вербальных текстов, что является объективной реальностью и базовым положением. Основой для получения результатов и определения их достоверности является применение лингвистического анализа текста как единицы коммуникации. Поэтому в работах по оценке основных положений теории коммуникации присутствует описание и психологической семантики, которое иногда носит спонтанный характер.

Для современной научной практики продуктивно взаимодействие гуманитарных дисциплин, занимающихся изучением, по словам И.А. Стернина, коммуникативного сознания, т.е. лингвистика, психолингвистика, нейролингвистика, психология, логопедия, методика и лингвопедагогика, культурология, этногеография, этнолингвистика, наука о межкультурной коммуникации [Стернин 2003: 14].

В связи с этим следует отметить только отдельные исследования. Так, проблемы коммуникации рассматриваются с позиций философского взгляда на процессы, происходящие в социальном пространстве современной цивилизации как явление глобализации и интеграции, что непосредственно связано с языковой личностью [Савруцкая 2008: 140-141]; анализ динамики развития теории межличностной коммуникации изучается в аспекте социального, психологического воздействия на участников общения [Berger 2005: 415-447]; когнитивный подход к определению языкового знака в коммуникативных процессах как отражение человеком окружающей действительности [Песина 2013], а также изучение эффективности коммуникации через определение функции языка и фактора адресата посредством дискурса общего плана и масс-медиа [Бергельсон 2008: 128-131], позволяют получить положительные результаты; особенности языковой личности в процессе речевой деятельности, влияние на адекватное взаимодействие участников общения, проблема возникновения речевой агрессии требуют специального рассмотрения [Елистратов 2011; Quick, Stephenson 2008: 458-476], это способствует изучению роли языковой личности в межкультурном пространстве [Пилипчук 2009; Шаховский 2004] и определению основных способов языкового выражения и проявления эмоциональной семантики в системе русского языка и различных типах текстов [Волошинова 2004; Шаховский 1990; Берестова 2012; Мягкова 2000; Даренский 2006; Шилихина 2011; Муравская 2011], что является проявлением психологического смысла в слове и тексте. Это позволило объединить усилия многих современных ученых в решении актуальных проблем теории текста и его содержания, форм вербального выражения [Языковое бытие и этнос 2011].

Особо следует отметить исследование Е.Ю. Мягковой, которая не только изучает статус эмоциональной семантики как компонента значения

слова, что также рассматривалось в лингвистической литературе [Вольф 2006; Залевская 1998, 2001; Лотман 1972; Пискунова 2002 и др.], но и дается описание эмоций с помощью метафор и метонимий, ассоциативных связей лексикона и др. [Мягкова 2000]. Знаменательно также то, что в научной литературе признается наличие еще одного очень характерного и необходимого для психологии коммуникативного процесса, т.е. в семантической структуре слова и текста эстетического признака сообщения [Елина 2002: 57-63], входящего в семантический объем этих единиц [Пискунова 2002 и др.].

Основой для изучения психологической семантики, которая реализуется на вербальном уровне в процессе речевой деятельности профессионалами, творческими людьми и любителями русского языка, может послужить словарь Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко [БПС 2003]. Особенностью данного словаря является то, что тематический предметный указатель имеет непосредственное отношение к терминологии многих научных дисциплин, в том числе и лингвистики. Составители стремились преодолеть, по их словам, традицию обезличенных текстов, указывая в словаре авторов статей, что позволило отразить специфику научного труда и знания, опираясь на ситуацию в современной отечественной и мировой психологии [БПС 2003: 3].

В разделе «Тематический предметный указатель» среди общенаучных, методологических и философских понятий привлекают внимание следующие статьи с заголовочным термином: *автореферат, адаптация, анализ, артефакт эксперимента, атрибут, атрибутивный, бессознательное, выборка, гипотеза, дедукция, деятельность, духовность, душа, живое знание, жизнь, знак, знание, значение, идеальное, каузальный, категориальная ошибка, культура, логическая семантика (семантика), мнение, модель, натура, образ, операция, отражение психическое, признак, психологизм, свойство, связь, сущность и явление, теория, факт,*

функционализм, функция, хронотоп, цель, человеческая природа (натура), эксперимент, элемент [БПС 2003: 574-575].

Данные слова являются активной лексикой для филологических текстов различных научных направлений, что подтверждает их особое положение в системе языка.

Среди смежных гуманитарных наук (лингвистика, этнография и др.) можно встретить продуктивную научную лексику, которой принято пользоваться в языкознании: *английская антропологическая школа, антропогенез, антропология (человекознание), виртуальная реальность, герменевтика, гипертекст, гипотеза лингвистической относительности, гуманитарные науки, естественный семантический метаязык (желание), знак, значение, идеограмма, идеографический, контаминация, контекст, культурное воспроизводство, наивный, нормы социальные, общение, пословица, сакральный, сакраментальный, семантика, семиосфера, семиотика, семиотика культуры, французская социологическая школа* [БПС 2003: 575-576].

Данная терминология предполагает наличие в лингвистических текстах ориентации на новые научные направления и знание истории, актуальных вопросов теории, проблем теории текста при определении семантических видов ведущих компонентов с психологическим признаком. Интересно, что среди терминов смежных гуманитарных наук встретились слова, имеющие непосредственное отношение к антропоцентрическому направлению. Это можно объяснить тем, что многие понятия психологии связаны с описанием лингвистической деятельности человека, процессом общения, речевым поведением человека как языковой личности. Поэтому много общего между методами психологии и других смежных наук, которые свидетельствуют о том, что в научном поиске участвует прежде всего человек, а затем по его выбору анализируются материалы, факты, явления и т.п. Авторы словаря используют следующие статьи с

заголовочным компонентом, которые также свидетельствуют об обращении к научным методам и приемам научных исследований: *анкета, анкетный опрос, ассоциативный эксперимент, виды (типы) наблюдения, включенное наблюдение, внешнее наблюдение, выборка, выборочное исследование, выборочный метод, личностные опросники, метод наблюдения, метод оценки, метод эксперимента, модель, наблюдение, объективный метод, опрос (анкетный опрос), ошибка стимула, последовательный анализ, пословица, проверка статистических гипотез, психологическое моделирование, ретроспекция, тест, эксперимент.* [БПС 2003: 579-582].

Не затрагивая основ психологической науки, следует отметить, что данные термины продуктивны для использования их в качестве стилистических синонимов при рассмотрении многих лингвистических проблем. Единство терминологии приобретает в данном случае унифицированный, продуктивный характер, что свидетельствует о взаимодействии смежных наук, занимающихся изучением особенностей внешних проявлений человека и его внутреннего состояния. А это, как известно, закреплено как понятие в лексической системе языка, которой пользуется ученый любой научной отрасли. Поэтому психологическая семантика может присутствовать или потенциально развиваться в любом тексте языкового общения. Проблемы психологической коммуникации оказывают значительное влияние на развитие словаря языковой системы, его семантической структуры и формы текстов в сфере политики, философии, религии, социальных и профессиональных отношений, этической и художественной областях. Так, во многих научных разработках актуальны следующие понятия (здесь выделены ключевые слова, имеющие отношение к лингвистике):

1) *Ассоциативный эксперимент* – «термин, утвердившийся в психологии для обозначения особого проективного **метода исследования**

мотивации личности, который был предложен в самом нач. XX в. К. Г. Юнгом и практически одновременно с ним М. Вертгеймером и Д. Кляйном. Испытуемый должен **отвечать** на определенный **набор слов-стимулов** как можно быстрее **любым** **пришедшим** **ему** **в** **голову** **словом**. Регистрируются **тип** возникающих **ассоциаций**, частота **однотипных ассоциаций**, величина латентных периодов (время между словом-стимулом и ответом испытуемого), поведенческие и физиологические реакции и др. По характеру этих данных можно судить о скрытых влечениях и «аффективных комплексах» испытуемого (см. *Аффекты*), его установках и т. п.» [БПС 2003: 37];

2) **Ассоциация** – «возникающая в опыте индивида **закономерная связь** между **двумя содержаниями** сознания (ощущениями, представлениями, мыслями, чувствами и т. п.), которая выражается в том, что появление в сознании одного из содержаний влечет за собой и появление др.» [БПС 2003: 38];

3) **личность** – «в общественных науках рассматривается как особое **качество человека**, приобретаемое им в **социокультурной среде** в процессе **совместной деятельности и общения**». И далее: «традиционно выделяются след. аспекты этой проблемы»: 1) **многогранность**, многообразие **проявлений человека, истории общества** и его **собственной жизни**; 2) междисциплинарный статус проблемы **личности**, находящейся в **сфере изучения общественных и естественных наук**; 3) зависимость понимания от **образа человека**; 4) несовпадение **проявлений индивида и индивидуальности современного человекознания**; 5) **разведение исследовательской установки, ориентирующей специалиста на понимание развития личности** в природе и **обществе**, и практической установки, направленной на **формирование** или **коррекцию личности** в соответствии с **целями, заданными обществом** или поставленными обратившимся к специалисту конкретным человеком [БПС

2003: 235]. А затем: **«Социокультурная среда** представляет собой **источник, питающий развитие личности**, она несет те **общественные нормы**, ценности, роли, церемонии, орудия, **системы знаков**, с которыми сталкивается индивид; движущей силой развития выступают **совместная деятельность и общение; относительно устойчивая совокупность психических свойств**, реализуемая в **социально значимой деятельности** [БПС 2003: 236].

Непосредственное отношение к лингвистике в аспекте диссертационного исследования имеют термины *психологизм, семантика*:

1) *психологизм* – «Термин «психологизм» многозначен. В литературоведении так именуется **стилевая характеристика художественных произведений**, в которых подробно и глубоко изображается **внутренний мир** персонажей (их ощущения, мысли, чувства и т. д.), дается тонкий и убедительный психологический **анализ душевных явлений и поведения**»; **объяснения исторических, этнографических, лингвистических, филологических, демографических, социологических, криминологических, экономических и т. п. фактов**. Единственным законным **основанием для негативно-оценочного суждения о психологизме** к.-л. «психологизированной» концепции должно быть обнаружение ее внутренних и притом достаточно существенных ошибок, а вовсе не сам факт использования психологических методов, понятий и объяснений при **изучении социальных явлений** [БПС 2003: 386-387];

2) *семантика* – «(от греч. *Semantikos* – обозначающий). Различают несколько видов *семантики*.

1. **Лингвистическая** – раздел языкознания, изучающий **лексические значения слов и выражений, изменения их значений** (значение слова, оборота речи или грамматической формы). Син. семасиология. 2. **Логическая** – занимается построением искусственных

систем **семантических правил**, применимости основных понятий к **анализу значений в естественных языках** (Р. Карнап, А. Тарский.); 3. **Психолингвистика** (см.) различает объективную (является **семантической системой значений языка**) и субъективную (**ассоциативная система**). «В связи с этим **семантические признаки** подразделяются на относящиеся к области **ассоциаций** (субъективные) и принадлежащие **семантическим компонентам лексики**, взятой в абстрактно-логическом (объективном) плане. Психолингвистическое понятие «**семантическое поле**» представляет собой **совокупность слов вместе с их ассоциациями** («ассоциантами»). Имеется несколько попыток **экспериментально определить субъективные семантические поля и связи внутри них с помощью методов ассоциативного эксперимента**» [БПС 2003: 443].

Подобное совпадение или близкое по семантике сходство в терминологии наблюдается в составе актуальной лексики при рассмотрении проблем психологии *внимания* [БПС 2003: 600-601], *памяти* [БПС 2003: 601-603], *мышления* и *воображения* [БПС 2003: 603-605], *эмоций*, *мотивации* и *воли* [БПС 2003: 605-607], *искусства* и *творчества* [БПС 2003: 611-612]. Среди лексики, представляющей психологию *сознания*, *поведения* и *личности* [БПС 2003: 612-615] естественным образом встречаются достаточно популярные в филологии, культурологии слова, что одновременно обуславливает объективную классификацию психологической семантики в слове и тексте: *автоидентификация*, *автономия*, *авторитарная личность*, *агрессия*, *активность*, *амбиция*, *аскетизм*, *бессознательное*, *внушаемость*, *вытеснение*, *гендерная роль*, *гениальность*, *доверие*, *изобразительные способности*, *идентичность*, *идентичность социальная*, *импульсивность*, *индивидуально-психологические различия*, *индивидуальность*, *индивидуальный стиль деятельности*, *интуиция совести*, *исповедь*, *исследовательское поведение*,

карьеризм, комплекс, конфликт внутриличностный, корыстолюбие, корысть, креативность, кураж, лживость, личность, мировоззрение личности, поведение. Поступок, развитие личности, самооценка, самоуверенность, собеседование, совпадение, способности, тревога личностная, уверенность в себе, удовлетворенность, характер и др. [БПС 2003: 600-615].

Многие из перечисленных терминов имеют отношение к психолингвистике и лингвопсихологии как научным направлениям, которые используются в методологическом плане и методике описания при разработке новых аспектов теории текста, функциональной стилистики и лексикологии, коммуникативной лингвистики. Основанием служит тот факт, что эмоциональное состояние и проявление человеком эмоций связаны с восприятием окружающего мира, его осознанием и оценкой и определением своего места в этом мире. Все оттенки сложных семантик по своей сути несут психологический признак: знания о жизни и смерти; добро и зло; любовь и ненависть; воля и безволие; смелость и трусость; страх и бесстрашие; радость и грусть; вера и безверие; уверенность и неуверенность и т.д.

Потенциальная психологическая семантика может получить развитие даже в строго научном тексте энциклопедического характера. Об этом свидетельствует, например, анализ статей, посвященных описанию лингвистических понятий в энциклопедии «Русский язык» под редакцией Ф.П. Филина [Русский язык 1979]. В статье «Функция языка» (Коммуникация) при соблюдении соответствующей терминологии, нейтральной глагольной лексики встречаются слова, которые обладают потенциальной психологической семантикой, что несколько снижает научный стиль, приобретает оттенок научно-популярного характера: *«Язык предназначен для того, чтобы служить орудием общения людей, и устроен таким образом, чтобы быть естественно усваиваемым,*

эффективным и адекватным средством обмена информацией и ее накопления. Его структура подчинена задачам коммуникации, которая состоит в передаче и приеме мыслей об объектах действительности» [Русский язык 1979: 385].

В данном случае конструкции с синтаксическими компонентами для того, чтобы, словосочетания *служить орудием*, устроен таким образом достаточно стандартны и психологически неубедительны для научного определения, а выражение *естественно усваиваемым* теряют признак лингвистического термина.

Прием психологического воздействия на читателя используется в следующей части текста: *«Для того чтобы осуществить свое назначение, язык **должен соответствовать** строю мышления. Поэтому не случайно, что основные единицы языка представляют собой аналоги категорий мысли: слово **соответствует** понятию, предложение – суждению»* [Русский язык 1979: 385].

Здесь усиливается семантика в противопоставленности общепринятых, приемлемых для любых типов текстов оборотов, для того, чтобы *осуществить свое назначение* (официально-деловой, публицистический, научный стили), *поэтому не случайно, соответствует* (те же позиции). Это упрощает восприятие информации, делает ее доступной.

Порождение психологической семантики возможно, когда в научном тексте используется прием противопоставления и оценки. Например: *«Термин “семиотика” был предложен Ч.С. Пирсом, который **сосредоточил свое внимание** на трех аспектах знака – их иконическом, индексальном и символическом измерениях. Если для лингвиста Ф. де Соссюра семиология была **наукой**, изучающей **функционирование** знаков в общественной жизни, то философ Ч. Пирс рассматривал семиотику как*

формальную теорию знаков, тесно связанную с логикой. Он полагал, что каждая мысль является знаком [Peirce, 1934]» [Леонтович 2001: 79].

Здесь О.А. Леонтович ввела следующие компоненты, которые не только точно указывают на различие в концептуальном подходе в определении термина «семиотика», основ теории, но позволяет раскрыть сущность семиотического анализа как метода коммуникативного исследования и собственно авторское отношение к нему: *сосредоточил свое внимание; лингвиста – философ; функционирование – формальную; общественной жизни – логикой, мысль; наукой – теорию.* Объединение взглядов ученых позволило рассмотреть сущности семиотики и языка.

Психологический эффект усиливается, когда автор монографии пишет об этике коммуникативных исследований: *«Дружно выступая против плагиата, западные ученые расходятся в своем отношении к автоплагиату, или иначе двойной или избыточной публикации собственных материалов одним и тем же автором. В некоторых этических кодексах отдельно оговаривается вопрос о недопустимости автоплагиата. Другие считают само понятие автоплагиата оксюмороном и указывают на следующие обстоятельства, оправдывающие повторную публикацию информации, добытой в процессе исследования: необходимость повторно изложить результаты предыдущего исследования, чтобы на его базе построить следующее; их адресованность разным аудиториям читателей / слушателей, с различным кругом профессиональной компетенции, сферой научных интересов и т.д.» [Леонтович 2001: 162].*

В данном фрагменте научного текста психологический признак в общей семантике обусловлен доказательной частью авторской позиции за счет лексем терминологического характера, актуализацией слов, передающих различные взгляды на проблему. В последнем предложении,

что выделяет его из данного рассуждения, представлена модель психологического поведения языковой личности.

Речевые действия коммуникантов обусловлены психологическими причинами, когда языковая личность, как отмечал М.Л. Макаров, осуществляет выбор «определенных коммуникативных действий и языковых средств» [Макаров 2003: 192].

Специфика речевого действия, речевой стратегии, связанной с организацией воздействия, организацией собственно поведения в процессе общения, достижения практических целей отмечались многими исследователями в области психолингвистики: И.Н. Борисова [Борисова 1999], М.Ю. Веретёнкина [Веретёнкина 2001], А.А. Залевская [Залевская 2001], А.К. Михальская [Михальская 1996; 2003], А.А. Филинский [Филинский 2002]. Вербальный способ воздействия при обмене информацией бывает самым действенным, часто непредсказуемым, обнадеживающим и унижительным, спасительным и губительным, природа которого связана с миром слов. Поэтому изучение языковой культуры остается ведущей проблемой современных гуманитарных наук и смежных дисциплин, что требует новых подходов в изучении информационного поля с психологической семантикой.

В связи с этим большое научное значение приобрели исследования: Е.В. Алтабаевой, которая занимается изучением концепта «желание», изучением творческих текстов Е. Замятина [Алтабаева 2001; 2009; 2011 и др.]; Н.Ф. Алефиренко, в работах которого рассматриваются проблемы вербализации концептов и поэтической энергии слова [Алефиренко 1999; 2003; 2011]; Л.Г. Бабенко, чьи исследования связаны с изучением когнитивной структуры текста, динамикой лингвопоэтической нормы и собственно лингвистического анализа художественного текста [Бабенко 2001; 2006; 2008]; Н.Н. Болдырева, ведущего специалиста в области когнитивной лингвистики, концептуальных основ языка, категориальной

системы языка и других аспектов теории языка [Болдырев 2001; 2009; 2012 и др.]; Н.С. Болотновой, посвятившей исследования актуальным вопросам коммуникативной стилистики текста, ассоциативным связям слов, изучению текста как явления культуры и наличию в нем лингвокультурологических кодов [Болотнова 2008; 2010]; Е.М. Вольф как основополагающего исследователя функциональной семантики оценки, повлиявшего на последующие работы ее учеников [Вольф 2006]; В.В. Воробьева, который обосновал непосредственную связь теории описания языка и культуры, способствовал развитию лингвокультурологического направления [Воробьев 1994; 1996; 1997 и др.]; а также С.В. Пискуновой и ее учеников в вопросах теории текста, определения семантической структуры текста, его грамматической формы и функций, системы текстовых единиц с различными типами семантики, в том числе и психологической информации, что отражается на их коммуникативной роли [Пискунова 1991; 1997; 2001; 2002 и др.].

Примером синтеза лингвистики, лингвопсихологии и психолингвистики служит опыт научных исследований А.В. Пузырева, филолога, психолингвиста, практического психолога. В своих работах он предлагает методику, позволяющую адекватно оценивать содержание текста, и даже рассматривает человека как текст на основе изучения теории и практики массовой информации, психологии массовой информации и коммуникации [Пузырев 1995; 2002; 2007 и др.].

Присутствие психологической семантики в информационном поле текстовой коммуникации можно определить на примере лингвистического анализа одного из основных понятий данного явления – *общение*, что является свидетельством развития лексической системы языка в освоении коммуникативного пространства.

В качестве исходного материала можно воспользоваться статьей из словаря С.И. Ожегова [Ожегов 1984], о котором уже было сказано, что его

особенность состоит в популярности и отношении к лексической подсистеме русского языка середины XX века. В небольшой по объему статье обращает на себя внимание употребление слов *дружеская связь* по сравнению со словом *деловая*: «**ОБЩЕНИЕ**, -я, ср. *Взаимные отношения, деловая или дружеская связь. Тесное о. О. с людьми*» [Ожегов 1984: 376]. В свою очередь семантика слова *отношение* определяется через слово *общение* [Ожегов 1984: 408], хотя терминологическая функция слова *отношение* расширена, что ограничивает его развитие в текстовых связях лексических единиц. Человеческий фактор, отраженный в словарном толковании, позволяет предположить динамический характер семантики этого слова.

О развитии психологического семантического признака в содержании многих слов свидетельствует лингвистический анализ словарных статей. В качестве доказательства можно произвольно выбрать слова из словарей, отражающих формирование лексической подсистемы русского языка в XIX-XX вв. Так, в словаре В.И. Даля зафиксировано, что *общенье* обозначает действие по глаголу *общать* и определено как *сообщенье, сообщество, взаимное обращение* [Даль Т. II, 1955: 634]. Эта семантика охватила достаточно большое информационное поле, в котором стали продуктивно использоваться слова: *общий* (одинаково относящийся), *общее* (одно блюдо для жениха и невесты, а также на столе), *обща* (добро, достояние), *общный* (многим принадлежащий), *общность* (свойство общего), *общник* (соучастник), *общничать* (составлять товарищество), *общничество* (действие), *общитель* (сотрудник), *общительный* (охотно общается с людьми), *община* (складчина), *общинный* (общий), *общинка* (сестра из общины), *общуха* (складчина), *общество* (собрание людей), *общественный* (обществу присвоенный), *общественский* (то же), *общественник* (собрат по сословию), *обществовать* (участвовать), *общезитель* (монах) и т.д. [Даль Т. II, 1955: 634].

В «Словаре русских народных говоров» словарная статья *общение* отсутствует [СРНГ В. 22, 1987]. Есть описание глагола *общаться* со значением «вмешиваться во что-либо; приобщаться к чему-либо», а также «становиться известным». В дополнении к этому в статье *обще* и *обща* сказано: «вместе, сообща» [СРНГ В. 22, 1987: 273]. Несмотря на то, что форма данного понятия не популярна в говорах, исходная семантика как совместное существование закрепились в русском языке и стала производной для других лексем.

По сравнению со словарем В.И. Даля число слов, тем не менее, уже сокращено, что свидетельствует о функциональном перераспределении и некоторых семантических сдвигах. В.И. Даль определял значение и таких слов: *общеармейский, общеведомый, общедоступный, общежитийский, общенародный, общепольный, общепотребительное, общепольное* (учреждение), *общепонятное* (учение) и т.п. О них В.И. Даль написал: «Слова этого образования не могут быть все пересчитаны, но они понятны сами по себе» [Даль Т. II, 1955: 634].

«Словарь современного русского литературного языка» в полной мере отражает использование лексемы *общение* на достаточно большом информационном пространстве в различных словообразовательных и формообразующих вариантах. В основе содержания находится исходное значение: взаимные сношения, связь. В качестве текстового словоупотребления используются фрагменты произведений русской прозы, в которых можно определить следующую семантику [ССРЛЯТ. 8 1959: 523-524]:

1) – *Правда, у нас есть книги, но это совсем не то, что живая беседа и общение* (А. Чехов «Палата № 6»).

В данном случае сочетание слов, использованное автором, подтверждает исходное значение *живая беседа*, но именно в нем присутствует психологическая семантика.

2) – *Соберут ужин, за стол сядут дети и внуки, и час еды будет часом доброго общения* (А.Н. Толстой «Что такое счастье?»).

Для А.Н. Толстого в значении, о котором идет речь, основной смысл передается словами *соберут ужин, сядут дети и внуки, час еды будет часом доброго общения*.

3) – *Общение же с новыми товарищами открыло ей такие интересы в жизни, о которых она не имела никакого понятия* (Л. Толстой «Воскресение»).

Л. Толстой выбрал из всех значений ключевого слова *общение* единение с людьми, новыми, способными открыть нечто интересное в жизни.

4) – *Алексей заспешил в цех, к людям. Побывать с ними, уловить их настроение и мысли, набраться в общении с ними уверенности и спокойствия* (Л.Н. Андреев «Дни нашей жизни»).

Психологическая семантика передает еще один оттенок значения через глагольное действие единения с людьми, но также характеризует не только общность мыслей, а стремление обрести уверенность и защиту.

Семантическое дополнение связано с введением способа действия: входить, вступать в общение:

1) – *О, только бы жить! Только бы видеть человеческие лица, слышать звуки человеческого голоса, войти опять в общение* (А.Н. Апухтин «Между смертью и жизнью»).

Следовательно, общение – это то, что дает жизнь.

2) – *Вас никто не посещает? – Нет... никто. Но я всегда с ними... И сейчас... к товарищам бы, побывать в общении, о революции поговорить* (Ф.В. Гладков «Изгой»).

Вновь использовано исходное значение слова *общение*, но в сочетаемости со словами *о революции поговорить* оно приобретает

дополнительный смысл: самоутверждения, спокойствия, единства, смысла (*всегда с ними, к товарищам бы*).

В ходе лингвистического эксперимента, проведенного в молодежной аудитории, что свидетельствует о состоянии языковой системы в XX в., было выявлено порождение следующих ассоциаций, свидетельствующих о наличии психологической семантики в словах, хотя сама по себе процедура порождения ассоциаций является собственно психологическим действием:

«ОБЩЕНИЕ – разговор 13; с людьми 11; с другом 4; приятное, радость с друзьями 3; дружба, друзья, люди, с иностранцем, тесное 2; близкое, близость, болтовня, вдвоем, вера, взаимно, всех, в тягость, в школе, девушка, долгое, допрос, друг, живой, здорово, интересное, кровать, личный, между людьми, межличностное, мнение, народ, нету, нудность, общество, открытость; о, это да; плодотворное, полезное, по-русски, рыбалка, с Богом, свободное, с девушкой, сигарета, с кем?; с миром, с ней, со сверстником, спор, с сыном, с тобой, с товарищами, стол, студентов, с хорошим человеком, театр, трудно, ценность, человека, человеческое, школа, это радость, good 1; 104+66+2+55» [РАС Т. 1, 2002: 394].

Ассоциации напоминают содержание аналогичной статьи в словаре В.И. Даля.

Анализ материалов «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.В. Дмитриева [ТСРЯ 2003: 727], который отличается от традиционных словарей новизной лексикографической обработки, фундаментальностью академических подходов и тем, что является своеобразным лингвистическим справочником активного типа, отражающим разностилевое употребление слов на рубеже XX-XXI вв., показал, что лексема *общение* сохранила свою номинативную функцию. В статье использованы дополнения к основному значению следующего типа: *общение – «отношения, которые возникают между часто*

встречающимися в деловой или дружеской обстановке людьми, основанные на взаимной симпатии, общности интересов, сфер деятельности и т.п., важной составной частью которых является обсуждение каких-либо вопросов, обмен мнениями, впечатлениями, новостями» [ТСРЯ 2003: 727].

В основу данного толкования заложено позитивное психологическое восприятие, что свидетельствует об успешном речевом поведении контактирующих людей и о соблюдении ими правил лингвистической безопасности. Поэтому, вероятно, в качестве примеров на той же странице авторами даны следующие словосочетания: *«Тесное, дружеское общение. / Правила, нормы общения. / Избегать общения с кем-либо. / Общение является не только потребностью, но и ценностью для человека. / Он обладал удивительным даром общения. / Я привык к общению с образованными людьми. / Общение с вами мне всегда доставляет удовольствие» [ТСРЯ 2003: 727].*

Поскольку в задачи данного проекта входило стремление познакомить читателя с богатством русского языка, научить правильно пользоваться знаниями о современных речевых моделях, то актуальной стала и передача информации, в содержании которой использован позитивный психологический компонент. Это следует из рассуждения о том, что общение между людьми должно быть дружеским, носить нормативный характер, приносить пользу и удовольствие, является человеческой ценностью и потребностью. Именно такое определение данного слова свидетельствует о достаточно серьезном влиянии психологической семантики в коммуникативном информационном пространстве, т.е. моделирует одну из составляющих функций языка.

Психологизм речевой ситуации как совокупность познавательных установок и методов лингвистического исследования речи предполагает необходимость или, как минимум, важность и целесообразность обращения

к человеческой психике (и, соответственно, к психологии) для описания языка и объяснения его функционирования.

В последнее время необычайно актуальными стали ситуации использования деловой речи, презентаций и корпоративных мероприятий, поэтому необходимо исследовать психологизм, особенности речевого воздействия, подборку языковых средств, характерных для публичного выступления.

Актуализацию слов в процессе делового общения можно проследить на примере анализа материалов стенограммы речи главы группы промышленных компаний на совете директоров в 2012 году (в данном тексте выделены ключевые слова) (Приложение 6).

С помощью программы фоносемантического анализа текста была получена характеристика данного отрывка, в которой текст оценивается как *сильный, громкий, храбрый, могучий, большой*. В данном текстовом отрывке поражает количество местоимений. С одной стороны, высокая частота употребления местоимения *Я* характеризует оратора как *сильного, уверенного в себе человека, делового и ответственного, целеустремленного*. С другой стороны, существует целая группа оппозитивов: *Я – Вы* и *Мы – Они*, что *объединяет* оратора и слушателей, *усиливает сплоченность* коллектива, и заставляет *разделять* выбранную руководителем стратегию, а также включает социальный механизм восприятия «своя группа – чужая группа». Таким образом, каждый присутствующий должен принимать и следовать нормам группы. В тексте встречаются штампы, например, «*серая масса*», «*наворачивается как снежный ком*», «*общечеловеческие ценности*», таким образом, автор подчеркивает свою *авторитетность, убедительность*, а также *пытается воздействовать* на адресантов средствами образных, ассоциативных связей, что делает речь *экспрессивной, увлекающей, эмоциональной*.

Стилистический выбор языковых средств также разнообразен: это высокие, книжные словосочетания «*общечеловеческие ценности*», «*лидерство*», «*понимание – доверие – уважение*», «*свита*» и сниженное – «*мирки*». По формулировке В.В. Виноградова, «на долю стилистики речи выпадает задача разобраться в тончайших различиях семантического и экспрессивно-стилистического характера между разными жанрами и общественно обусловленными видами устной и письменной речи. Ведь такие композиционные формы современной устной речи, как, например, выступление в дискуссии, лекция, консультация, пресс-конференция, доклад, беседа с той или иной аудиторией и т.п., обычно строятся на многообразном чередовании и смешении, взаимопроникновении элементов разговорного и книжного языка» [Виноградов 1963: 23].

Интерес представляет слово «*сближение*» в самом начале речи оратора. В словарной статье «сближение» – процесс действия по знач. глаг.: *сближать*, сблизить, сближаться, сблизиться; состояние по знач. глаг.: *сближать*, сблизить, сближаться, сблизиться; устар. сходство, подобие» [Ефремова 2000: 274]. Необходимо проанализировать еще одну словарную статью: «атмосфера, -ы, ж. *З.перен.* Окружающие условия, общий дух отношений, деятельности. *А. доверия. Товарищеская а. В атмосфере дружбы. А. доброжелательства, спокойствия, непринуждённости. В атмосфере отчуждённости*» [РСС 2007: 27]. Актуализируется внутреннее психологическое состояние автора: «*сила*», «*тело*», «*твердый*», «*изнутри*», «*оружие*», «*сдерживать*». Автор включен в конкурентную борьбу, он отстаивает и передает свое видение бизнеса, свое лидерство. С другой стороны, своим единомышленникам он показывает, открывает себя: «*Я абсолютно счастливый человек*», «*для Вас кусочком счастья*». Следует обратить внимание также на другую словарную статью: «Счастье – благополучие, благоденствие, благодать, блаженство, победа, удача, успех, случай. Счастье ему благоприятствует

(улыбается), ему посчастливилось, везет. Красные дни» [Александрова 2010: 356]. В тексте присутствуют активные глаголы: «готов, хочу, прошу, должен», что также характеризует автора выступления как деятельного, целеустремленного человека, готового вести за собой.

Следовательно, семантические поля пользователей могут совпадать, пересекаться, временно соприкасаться, что отражается на речевой деятельности языковой личности, т.е. вновь связаны с динамическими процессами и психологией речи. Поэтому необходимо адекватно относиться к существованию психологического смысла в системе языка и текста, признаку, сопровождающему текстообразование как единицу общения в различных речевых ситуациях коммуникативного пространства.

Таким образом, семантика слова и текста как объект исследования при наличии в них психологического смысла, психологического признака в развитии семантики слова, в информационном поле слова и текста (бытового, официально-делового, публицистического, в т.ч. письменных и электронных СМИ, телевидения, Интернет общения) непосредственно связаны с особенностями человеческого существования. Лингвистическое описание отражает реальность психосемантики в различных областях гуманитарных знаний. Изучение всего многообразия психологической семантики на основе научных разработок подтверждает характер информации, связанной с речевой деятельностью человека в коммуникативном пространстве, дает основание для выявления общих и индивидуальных проявлений данного смысла в системе языка, языковой картине мира.

Выводы к главе I

Психологическая семантика представляет собой часть информационного поля слова и текста, входит в их смысловую структуру и зависит от речевой деятельности языковой личности, реализуется в различных речевых ситуациях. Она имеет динамический характер и отражается на способах выражения за счет текстовых единиц в грамматических формах слова, предложения. Обоснованием для определения специфики, функции психологической семантики в структуре слова и текста является опыт научных исследований в области смежных научных дисциплин, связанных с антропоцентрическим направлением, в структуре текстов которых также часто информационно значима психосемантика в ее языковом выражении, а также лексикографический анализ словарных статей, в которых заключены накопленные коммуникантами знания о проблемах общения людей, их оценки речевых ситуаций и смыслов.

В лингвистических исследованиях накоплен достаточно большой опыт описания речевого поведения языковой личности, а в области филологии системное обобщение поведенческих характеристик, душевного состояния художественных образов, героев произведений различных жанров. Практическая лингвистика, исследуя семантику слова, эпизодически отмечает эффект психологического признака, порождаемого в тексте, мотивируя это часто историческим состоянием языка и индивидуальными особенностями коммуникантов. Наибольшего успеха в этом направлении достигла синтаксическая теория текста при изучении структуры сложных предложений, стилистических композиций.

Язык как социальное явление связан с разными сферами человеческой деятельности. Психологический аспект коммуникации может

проявляться не только в информативности сообщения, но и в степени воздействия, эмоциональности адресата и адресантов, их особом состоянии лингвистической безопасности, что связано с проблемой расширения зоны конфликтогенности.

Оценить поведение и психологическое состояние человека позволяет его способ языковой репрезентации в информационном пространстве, который обладает определенной силой воздействия за счет актуализированной лексики, тематически соответствующей речевой ситуации, что уже связано с текстообразованием. В современных исследованиях по семантике, прагматике, изучению языковых картин мира активно учитывается языковая интуиция, строятся некоторые гипотезы о закономерностях человеческой психики и о специфике их отражения в различных грамматических формах слов и предложений.

Анализ лексической системы русского языка, зафиксированной частично в различных типах лингвистических и других специальных словарях, и выявление ключевых слов и тематических единиц в структуре текстов показал, что классификация по признаку «исходная» или «потенциальная» психологическая семантика функционально значима, продуктивна для определения характера вербальной коммуникации при помощи различных текстов. Оценка данного типа содержания в слове и тексте позволяет получить объективные данные о качестве и перспективе общения, речевого поведения коммуникантов, а затем и психологического состояния социума. Разрушение языковой личности часто необоснованно приводит к речевой агрессии в связи с отсутствием знаний о лингвистической безопасности. Печатные и электронные СМИ, телевидение и Интернет в целях повышения рейтинга порой создают неадекватные вербальные и социальные формы взаимодействия людей, которые при отсутствии внутренней коррекции и рефлексии вызывают

агрессивное состояние языковой личности, что находит отражение в лексике, построении фраз, форме текста как единицы коммуникации.

Психологическая семантика в структуре слова составляет один из иерархических уровней, способна к функциональной актуализации, что приводит к изменению исходной информации и развитию в новом аспекте потенциального психологического смысла. Этот процесс способствует дальнейшему расширению лексической подсистемы русского языка, в т.ч. под влиянием творческой языковой личности в момент порождения и восприятия текста. Это позволяет в свою очередь определить современные тенденции в коммуникативном процессе на примере анализа различных типов текстов, что составляет основное содержание практической части данного диссертационного исследования.

ГЛАВА II.

ЯЗЫКОВАЯ ФОРМА И ФУНКЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В ОСНОВНЫХ ТИПАХ ТЕКСТОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

§1. Особенности психологической семантики диалектного слова в системе текстовой коммуникации

Живые говоры, для которых отсутствовала письменная традиция, развивались в прошлом более или менее обособленно друг от друга, поэтому и сегодня они, с одной стороны, нередко сохраняют различные лексемы, давно утратившиеся в литературном языке, с другой стороны, переживают большое количество изменений, не проникающих в литературный язык в силу большого влияния на них традиций. Лексико-тематические группы легко пополняются новыми наименованиями, сохраняя при этом базисные названия, свои основные бытовые и обрядовые термины, что придает динамический характер системе говоров.

Диалектная речь представляет собой достаточно строгую систему, единицы, типы и подтипы которой закреплены за конкретными ситуациями общения и текстами, что свидетельствует об их определенной статичности. Такие тексты могут быть рассмотрены по всем параметрам любого речевого произведения, следовательно, перспективно использование и перенесение основных представлений о свойствах текста при изучении явлений уклада жизни и культуры общества.

О способности диалектного текста как коммуникативной единицы хранить культурно значимые символы, позволяющие исследователям

судить об истории языка, писал еще А.А. Шахматов [Шахматов 1916: 3]. Одновременно диалектный текст может быть рассмотрен как вариант фольклорного или как тесно контактирующий с ним. Об этом в свое время говорили В.Я. Пропп, П.П. Червинский и другие [Пропп 1946: 7-20; 1976: 174-204; Червинский 1989: 10-21]. Расширив понятие текста и отметив возможность рассматривать явления материальной и духовной культуры с позиций текста, исследователи естественным образом находили общность этих явлений, что послужило хорошим опытом для их последовательных и системных изучений [Боас 1926: 8; 1985: 104-105; Пискунова 2002]. Описание обрядов, их текстовая реализация, многокомпонентность способов выражения, связанные с одновременной разнокодовостью задействованных в обряде единиц (реальной, акциональной, вербальной и т.д.), представлены в работах Н.И. Толстого, С.М. Толстой и их учеников [Толстой 1995: 64; Толстая 1989: 223]. При этом отмечаются этнографический и культурологический характер обрядовых текстов [Толстой 1995: 21], что также способствует выявлению различных аспектов в их семантическом объеме, в т.ч. позволяет рассмотреть особенности психологического содержания. Например, сохранившийся в говорах обрядовый контекст о хлебе отражает определенную символику через лексемы, обозначающие “питание”, т.к. вода, хлеб, изделия из муки являются неизменным элементом и современных обрядов. Так, с лексикой питания в родильно-крестильном обряде связано много магических действий, обеспечивающих благополучие ребенка: водой, например, омывают ребенка при крещении, очищая его от всего плохого; разламывают пирог во время крестильного обеда у ребенка над головой, желая ему здоровья и богатства и др. Свадебный обряд тоже не обходится без лексики, обозначающей питание: праздничный каравай, которым встречают молодых родители жениха, – это неизменный атрибут свадьбы. В обряде почитания и поминания предков важное место занимают

компоненты системы питания: на поминальном столе обязательно должны быть кутья (рис с изюмом), блины, мед. Об этом свидетельствуют публикации А.С. Щербак: «Еще одно свидетельство о жире», и «Старое и новое в тамбовских говорах» [Щербак 1991: 156; 1999: 31-38].

Учитывая то, что сбор диалектного материала осуществляется в ходе экспедиции с использованием метода полевого анкетирования, общение между диалектоносителем и исследователем также приобретает особое психологическое напряжение. Это находит свое отражение в семантической структуре текста, необходимости объяснять содержание слов, оценивать ситуацию, где происходит обмен информацией, которая сама по себе может быть психологически сложной, т.к. часто речь идет о личной жизни информанта. Рассказывая об истории села, трудностях, выпавших на долю сельчан, близких и родных людей, оценка событий из прошлой жизни и настоящего времени, собеседник не только пытается каким-то образом адаптироваться в сложившейся речевой ситуации, понять и принять свое новое положение в процессе общения, но и вновь пережить события прошлой жизни. Происходит наложение нескольких психологических содержаний в тексте. Авторы коллективной монографии «Социальная картина мира в диалектном тексте (на материале тамбовских говоров)», изучая наличие актуальной социальной семантики в структуре слова и текста, обратили внимание и на наличие данного типа информации, а также отметили особенности психологического признака. В рассказах местных жителей он получает свое развитие в оценке качества жизни, характеристике поведения человека, определения состояния здоровья и т.п. Например:

«Голь пережатная – это вот галька речная, она гладкая, на ней ничего не задерживается, всё скатывается-пережатывается; она, можно сказать, всегда голая. А бедный кто, кто ленивый или транжира, незапасливый, того и называют голь пережатная (с. Никольское,

Знаменский район, Фролова А.П., 1926 г.р.)» [Социальная картина мира...2013: 35].

Здесь произошла актуализация социальной и психологической семантик за счет ключевых слов *голь, перекатная, бедный, ленивый, транжира*, а также дополнительного признака поэтизации [Пискунова 2002] при негативном отношении к событиям.

Диалог в любой речевой ситуации приобретает психологический семантический признак, так как происходит приспособление двух коммуникантов к порождению и восприятию текста. Когда обсуждаемая информация касается особенно сложной семантики, психологическая напряженность возрастает. Так, во время полевого анкетирования возник вопрос о понятии *вихор*. Как отмечено в монографии «Социальная картина мира в диалектном тексте (на материале тамбовских говоров)», при определении содержания слова *вихорь* происходит ассоциация с явлением природы, позднее восстанавливается семантика исходного характера, но уже в форме нейтрального слова. Следует заметить, что в этом случае преобладает процесс более сложной *психологической кодировки* смысла. Об этом свидетельствует собственно диалог, когда в определении содержания диалектной лексики участвуют следующие ключевые компоненты текста: *вихор – «это бывает когда ветер сильный, а на дороге пыль»; «вихором тебя лупи-та, ... побери»; «Говорят, что есть нечистый – это кто? – Нечистый-то? Это врах. – А врах – это кто? – Кто его знает, какой он... Врах не показывается... Вот врах ее удушил. Он такой же дух»* (с. Голицыно, Кирсановский р-н, Позднякова М.С., 1913 г.р. Запись 2001 г.) [Социальная картина мира...2013: 28].

Наличие такой психологически сложной семантики связано с тем, что в русских говорах за этим словом закрепилась следующая информация: «стремительный ветер» как живое существо (Новгородская обл.); разрушительный «дух-вихрь» (повсеместно); «сильный и губительный

ветер, в котором может находиться вредоносный дух» – *вихрик* (Тамбовская обл.); *леший* (Архангельская обл.); умершие неестественной смертью (Псковская, Новгородская, Вологодская, Орловская обл.); *черт* (Тамбовская обл.); *брань* (Тамбовская обл.) [Социальная картина мира...2013: 26]. Многоплановость данного слова на основе семантического единства порождает психологическую сложность его структуры.

Изучение семантической структуры диалектного слова проводится на протяжении многих лет по программе научных исследований лаборатории «Современные русские говоры в системе языковой культуры» (рук. проф. С.В. Пискунова) при Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина. Рассматривая различные информационные аспекты, исследователи доказали наличие, в частности, социальной семантики, что также подтверждает существование психологического содержания в говорах как одного из компонентов многоаспектности смысла в исходном состоянии при номинации, так и приобретенного в процессе общения внутри диалектной среды, а также актуализацию этого признака в семантике слова и текста.

Поскольку общение – это двусторонний процесс (информант – собиратель говора), необходимо учитывать возможные информационные погрешности, т.к. текст, создаваемый носителем говора и фиксируемый получателем, может нести на себе признак субъективности с обеих сторон. Явление субъективности в этом случае вызвано рядом объективных причин: недостаток знаний, опыта информанта, отсутствие условий для получения информации (условия записи, состояние информанта, характер информанта, неконтактность и т.д.). Кроме того, восприятие диалектного текста и его ключевых лексических компонентов, диалектизмов, для носителей литературного языка могут привести к возникновению *психологического лингвистического барьера*. В этом случае происходит

нарушение коммуникации, отторжение информации, неадекватное ее восприятие языковой личностью.

Поэтому обязательным для определения структуры и семантики данных текстов является глубинное изучение всех входящих в них диалектных лексем, что компенсирует, дополняет, корректирует изучаемый текст и делает описание объективным. При исследовании данной лексики следует учитывать также то, что единицы отдельных тематических групп входят естественным образом в другие тематические группы. Так, например, во время работы по сбору материалов диалектной группы “Питание” уточняются и задаются вопросы о вкусовых качествах пищи, процессах приема пищи и приготовлении первых блюд, вторых блюд из крупы, овощей, грибов, яиц, а также рыбных, мясных, молочных продуктах. Определяется состав третьих блюд (кисели, компоты, сладости, лакомства), изделий из муки (хлеб, калачи, бублики, пироги, лепешки, ватрушки, блины, оладьи), сдобных изделий из теста. Необходимо получить данные о жирах, животных и растительных, приправах, напитках (водка, вино, пиво, брага), безалкогольных (квас, напитки из фруктов, ягод), чай, кипяток, горячая вода, отходах от приготовления пищи (отруби, высевки, очистки и т.п.); остатках пищи; семейных обрядах, календарных обрядах, сельскохозяйственном труде, ремеслах [Губарева 2002].
Например:

[ТъварОх бирЁш свЕжай, ни кИслай. ТудЫ разьбивАиш яИчку, рѣстаплЁнью мАслу в нявО вальЁш, дабАвиш съхаркУ, изЮм, чудОк вънилИна и фсё стирАиш, долгъ мяшАиш. Хто хОчитъ, дѣбавляЮть иль сливъчкаф иль смятАны. Стёртъй тъварОх кладУть в чИстыю мАрлию и атиЕжъвыютъ: нъ нявО гнѣт кладУть – Этъ штОн вада фсЯ вЫшыла]
(с. Черняное, Тамбовский район, Никольская А. И.). Ключевые лексические компоненты данного диалектного текста приведены в таблице 2.1 (Приложение 7).

В данном обрядовом тексте значительное количество ключевых лексем, как видно из таблицы, составляют глаголы, указывающие на качество продукта или же на способ приготовления блюда, что делает информацию объективной: *разбивАиш, вальЁш, дабАвиш, стирАиш, мяшАиш, дъбавлЯють, атцЕжъвыють, кладУть, вЫшыла.*

Однако последовательное описание приготовления Пасхи свидетельствует об устойчивости данной информации, соблюдении правил, что характеризует и самого исполнителя обряда, т.е. психологическая семантика является частью общего содержания.

Вторую по численности группу компонентов занимают вспомогательные единицы текста, раскрывающие понятие ключевых лексем – это прилагательные и существительные, указывающие также на качество продукта или предметов, используемых при приготовлении обрядового блюда: *тъварох, свЕжай, ни кИслай, яИчку, растаплЁнную, мАслу и т.д.* И, наконец, третья группа самая малочисленная. Она включает в себя грамматически связующую лексику: наречия, союзы, предлоги и т.д. Данная лексика не влияет на описание приготовления пищи, она может носить субъективный характер, что способствует порождению дополнительного психологического смысла: *и фсё, хто хОчить, иль, Этъ штоп вада, фся, дОлга.*

Кроме перечисленных компонентов текста необходима оценка предметов домашнего обихода, которые использовались для приготовления того или иного блюда. К ним относятся утварь (*посуда и ее виды*) для еды и питья, приготовления пищи, хранения пищевых продуктов и жидкостей, приспособления для отходов и т.п. Среди них: горшки, бидоны, миски, блюда, сковороды, чугуны, ножи, ложки, ступы, терки, солонки, воронки, маслобойки, ушата, корыта, бочки, кадки, ведра, решета; коромысла, ухваты, кочерги) и т.д. [Губарева 2002]. Информационный объем такой тематической группы представляет собой многокомпонентное образование,

что позволяет увеличить содержание текста и привести к дополнительному психологическому смыслу.

Подтверждением этому служит и другой пример:

*«Харошова ни видали ничаво. А как раньше жили – работали в палях ат мала да старыва, на сахах пахали. Када вырастит – касу бярут, лапти абувають, и убирать уражай. Кто адин – все в полю. На щот питанья – **белый прадукт ни видали**, пякли блины аржаньи, кашу варили. Каровы сваи были. Ва время паста мылако ни ели, **баялись гряха**. Мы мылако квасили, на Паску все ели, и апасля ели (с. Заворонежское, Мичуринский р-н, Щугорева М.М., 1928 г.р. Запись 1998 г.)»* (Материалы лаборатории «Современные русские говоры в системе языковой культуры» при кафедре русского языка Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина).

Выделенные компоненты передают психологический тип семантики на основе авторской (информант) оценки, что традиционно для рассказов сельских жителей. Так, один информант сообщил о своей жизни через описание быта и личностных отношений в семье:

*«С бабкой-та **харашо**, ана хоть **суп сварить**, а биз бапки **плоха**. С ней где **побрешишь**, где **пасмяёшьси!** Все пывисилей. Да, суп я сам сварю, да он биз бапки в рот ни лезить.*

*В завтраках чаво ели? То какую кашу сварю, то картоф, ежили **посный день**, с агурчиками аль с капусткай. Да, и с пымидорыми **ничаво**. Агурцы с пымидорыми сам в кадушках салю, в банках ни умею. Када просолоуца, вкусны. Вясной квас уварю, да туды мятцы ветычку, квас тады **духавитый**. А када есть, сдабрю яво **лучком** (с. Горелое, Тамбовский р-н, Поздняков Н.С., 1923 г.р. Запись 1998 г.)»* (Материалы лаборатории «Современные русские говоры в системе языковой культуры» при кафедре русского языка Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина).

В истории русской обрядовой культуры нашел свое отражение психологический признак смысловой символики, например, крестильных действий. Исследователь крестильных обрядов И.В. Поповичева отмечает, что «у русских крещению ребенка придавалось большое значение», детей «старались окрестить как можно скорее (обычно в течение первой недели жизни): боялись, что ребенок может умереть некрещеным, и тогда его не примет Бог, ему не найдется места в рае», а некрещеных детей называли *безыменками (безымянка), нехристью (некрить), бескрестниками, собачьими детьми* [Поповичева 2013: 29-30]. Присутствие страха, переживаний определяет порождение психологического смысла в обрядовых текстах, а в семантическом объеме диалектных наименований ребенка получает развитие негативная оценка.

Описание привычного быта придает доверительный, комфортный характер беседе, поэтому в тексте много подробностей, что достигается однотипными синтаксическими конструкциями: *Да, суп я сам сварю...; да он биз бапки...; Да, и с пымидорыми...; да туды мятцы...*

Если собеседники в своем разговоре затрагивают тему, которая вызывает горячие споры, требует личной оценки, то в диалектном тексте обычно используются лексемы, усиливающие психологическую тональность семантики: *«Я сваму сыну и гыварю: все надать с умом делать. А то вон бузылук-та ходить. И иму худа, и радителям бедка на няво глядючи. Кто же для сваво ребёнка такой участи пыжсалаить. Кажнаму ахота и сямыю, и внукаф папестать. А энтат бузулык-та, уж гордый был, спасу нет, но красивый. Кажна бы рада была, а он всё па девкам, да па девкам таскалси. Пысматрели, пысматрели, да патом и атказывать стали, кто же такова в радню вазьмёт. Так и ходить бабылём вон (с. Большая Талинка, Тамбовский р-н, Делицына М.Н., 1926 г.р.)»* [Социальная картина мира...2013: 101].

Социальная оценка человека по признаку «семейный – несемейный» вызывала положительный или отрицательный психологический признак, поэтому толкование содержания диалектных слов *бузулык* и *бобыль* требует отдельного объема в виде самостоятельного текста. Поэтому в лингвистической практике используется понятие «слово-текст» [Пискунова 2002].

К числу таких же самостоятельных и коммуникативно значимых текстов следует отнести рецепты народной медицины, которые часто имеют еще и обрядовый характер, а это особая психологически сложная, сакральная зона. Например: «...*Штоп выличиться, нада на воду-та нашиптать “Очие” и через ришито ни пралить, а дать бальному три глаточка сделать. Враз фсе прайдеть...*(с. Питим, Пичаевский р-н, Клемешова П.Ф., 1920 г.р. Запись 2003 г.)» [Социальная картина мира...2011: 124].

Соблюдение обряда, вера в молитву и народные приметы создавали комфортную психологическую среду, что отразилось на лексическом составе текста и зафиксировано в предложении: *Враз фсе прайдеть...*

Изучение психологической семантики в диалектном тексте не ограничивается отношениями диалектоносителя и исследователя. Она естественным образом присутствует в речи сельских жителей в различных ситуациях общения: быт, семья, трудовая деятельность, отношения соседей и т.п. Это проявляется наиболее ярко в диалогическом тексте. Форма вопросно-ответных конструкций, актуализация отдельных лексем, тема разговора, стилистическая норма для говором по оформлению могут иметь нейтральный, ярко выраженный положительный и отрицательный психологический признак. Например, в Тамбовских говорах:

нейтральная семантика: «*Сесть на завлон* (сватать).

– *В избу входят две свахи, асмаприваюца у порога ны старанам. Садяца на завлон, на коник, значица, пад иконки, спиной к печки»* (с. Хоботово, Петровский р-н, Овчинникова А.Ф., 1901 г.р. Запись 1988 г.);

информация с дополнительным психологическим признаком:

«*Раз на коник в избе сели, значить сватать будуть. Коник – он вдоль, а на напиречну лафку ни садились, нильзя, а то у младых жизнья напиречнай будить»* (с. Серповое, Моршанский р-н, Кадушкина А.В., 1906 г.р. Запись 1987 г.);

положительная семантика: «*чистотка* (аккуратная, чистоплотная женщина).

– *Ванька Дуню взял, мы давольны, она чистотка такая, всё у ней харашо в дома»* (с. Домнино, Сосновский р-н, Шубина М.М., 1925 г.р. Запись 1998 г.);

отрицательная семантика: «*бурлан* (задира, неуживчивый человек).

– *Муш мой был большой бурлан, асобина када выпивши, сладу с ним ни было: начинать ругаца, шуметь»* (с. Булгаково, Гавриловский р-н, Крючкова И.В., 1935 г.р. Запись 1998 г.);

Смешанная психологическая оценка присутствует в тексте при толковании слова *заугол*:

«*Ванятка-та у ниё заугол. И фся дировня знала. Тады вить ни тахта было, как щас... Тады в девках пазорна щиталысь, фся дировня судачила, заугол вить, заугол. А вот ана яво ни бросила, сынка-та сваво, и хароший парнишка вырас»* (с. Кулевча, Инжавинский р-н, Зверева Е.С., 1942 г.р. Запись 1996 г.).

Употребление многих диалектных слов становится нейтральным по отношению к психологическому дифференциальному признаку, если они включены в научный или учебный специальный текст. Например, С.В. Пискунова при подготовке словаря тамбовских говоров пишет о продуктивном использовании местными жителями ряда слов, которые

мотивированы особенностями рельефа, растительного мира: *бучило* (глубокий овраг); *ельчик, куст, окладина, шмара* (болото); *барак* (ложбина); *сага* (котлован); *яруга* (овраг) [Пискунова 1985; 1989].

Известно, что диалектизмы в художественном тексте являются особым компонентом в организации семантики. Наличие психологического содержания в этом случае отражает не только авторскую позицию, замысел в создании образности, формирует читательское восприятие, но также способствует порождению дополнительной информации ментального, регионального, исторического характера, многоаспектной семантики, в структуре которой присутствует психологическое значение. Кроме того, эти текстовые единицы способны стать ключевыми словами или актуализировать нейтральные лексемы, что обеспечивает, по словам А.В. Пузырева, рефлексивный мыслительный возврат к ключевой лексеме с глубинным идейно-художественным замыслом автора, когда «на обогащение смысла данного слова работает вся система художественного произведения» [Пузырев 2006: 189]. Например, известны факты традиционного употребления диалектной лексики в художественных произведениях И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, М.А. Шолохова, В.П. Астафьева, когда из фоновых, естественным образом использованных единиц, такие лексемы приобрели для современного читателя ключевой психологический характер. Например, в романе Н.С. Лескова «Соборяне» встречается достаточно популярное в русских народных говорах устойчивое словосочетание *пошли ходенем*. Так, в Тамбовских говорах оно используется в иной форме: *хотью ходить* (быстро идти) [Словарь тамбовских говоров 2003]. В сочетании с нейтральной лексикой данный диалектизм приобрел дополнительную художественную функцию, что способствует поэтизации, развивает психологическую эстетику, т.е. сочетание глаголов в тексте *запестрели, падет, сядет, пойдут, сольются, исчезнут* с семантикой диалектного фразеологизма, сохранившего

значение движения, создает картину живой природы и отражает душевное состояние человека. Это позволяет рассматривать следующее предложение как *текстовую единицу с психологической семантикой* [Пискунова 2002], в структуре которого ключевым компонентом стало диалектное словосочетание: *«По бурому полю зреющей ржи запестрели широкие белые пятна и **пошли ходенем**; в одном месте падет будто с неба одно, в другом – сядет широко другое и разом пойдут навстречу друг другу, сольются и оба исчезнут* (Н.С. Лесков «Соборяне»). Поэтому семантически близкими в тексте оказались слова *запестрели, по бурому полю, широкие белые пятна, разом пойдут навстречу, сольются и пошли ходенем*, что связано с понятием движения, перемещения, а содержание глагола *исчезнут* продолжает значение «быстро», которое присутствует в диалектизмах.

Семантика быстрого движения в русских говорах связана со словом *хода*, что обозначает *конскую выступку, побезжку* (*Какой ходой поехали? Конь конем, а хода даром. Конь с ходой, а хода с конем*) [Даль 1955: Т IV: 556]. Особенность диалектных признаков передают вариантами в мужском и женском роде, расширяют словоупотребление грамматических форм по отношению к описанию способов передвижения человека. Семантический повтор в диалектном фразеологизме *пошли ходенем* (м.р.) усиливает представление именно о быстром движении. Поэтому в художественном произведении произошло взаимодействие текстовых единиц по модели приведенной на схеме 2.1 (Приложение 8). Данная модель предложения отражает ключевую роль диалектизма.

В «Словаре современного русского литературного языка» [ССРЛЯ Т. 17, 1965:272-308] на 26 страницах зафиксированы значения исходного глагольного слова *ходить* и многие грамматические формы, а также образованные от него слова с тем же или близким значением. Среди них встречается просторечная лексика. Это подтверждает устойчивость понятия, связанного с передачей способов движения, что связано с

конкретизацией значения. Употребление диалектного фразеологизма в структуре литературного текста, как уже было сказано, придает семантическому объему слова в его исходном состоянии психологический признак, что обусловлено авторским порождением и читательским восприятием, но уже с позиции оценки исторической памяти и условиями современной коммуникации.

В связи с этим примером поэтизации может служить использование диалектизмов в творчестве С.Н. Сергеева-Ценского:

*Прямо перед ней [колокольней] пылал высокий **осакорь** – и ветки его были четко видны, все красные, точно скованные из каленого железа* (С.Н. Сергеев-Ценский «Лесная топь»).

Здесь актуализирована семантика красного цвета в словах *пылал; осакорь; красные, скованные из каленого железа*. Это придает тексту особое семантическое напряжение, т.к. на фоне белой церкви *пылал осакорь* как предупреждение природы о приближающейся трагедии.

– *Тайна всходила раньше **зеленей** на свежевспаханных полях, когда глубокий чернозем лоснился и дымился, богатый силой...*(С.Н. Сергеев-Ценский «Лесная топь»).

Вновь *зеленя* как символ пробуждения природы, надежды на обновление, жизнь противопоставлена темной тайне, глубокому чернозему как компоненту с символикой цвета.

Учет сопутствующих диалектизмов повышает психологическую адекватность общения и объективность информации, которая таким образом должна быть неоднократно проверена, а лишь затем обобщена и систематизирована. Совокупность всех данных, анализ отдельных текстов, лексических единиц позволяют исследователю сделать выводы о закономерностях формирования семантики, лексики тематических групп и формах их реализации.

Таким образом, диалектный текст представляет собой один из типов, разновидностей общей системы текстов в коммуникативном пространстве. Это особая, лексически усложненная и ситуативно обусловленная разновидность общения. Лексика в составе такого текста многофункциональна. Она является свидетельством исторической памяти народа, его национальной культуры, психологического состояния коммуникантов и их речевой деятельности, оценки речевой ситуации внутри диалектной подсистемы и за ее пределами в окружающем мире.

§2. Стилистическая роль психологической семантики в телевизионном тексте-дискуссии и интернет-тексте

Как известно, общение для человека – это, прежде всего, среда его обитания, без которой невозможно формирование личности, воспитание, развитие интеллекта, организация совместной работы, реализация различных планов и т.п. Овладение искусством общения необходимо каждому независимо от того, каким видом деятельности он занимается или будет заниматься. Сложные процессы взаимодействия людей стали особенно актуальны в связи с популярностью и доступностью электронных средств, телевидения, Интернет, поэтому необходимо уточнить некоторые теоретические положения.

На первый взгляд кажется, что содержание понятия «общение» всем известно и не требует особых разъяснений. Как справедливо отмечает А.А. Леонтьев, в современной науке об общении существует огромное количество несовпадающих определений [Леонтьев 1997: 26]. В справочных изданиях и словарных статьях сказано: «коммуникация (лат.

communicatio – от communico – делаю общим, связываю, общаюсь) – общение, передача информации от человека к человеку – специфическая форма взаимодействия людей в процессах их познавательно-трудовой деятельности, осуществляющаяся главным образом при помощи языка (реже при помощи др. знаковых систем)», кроме того, «коммуникацией называются также сигнальные способы связи у животных» [БЭС 2000 <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/160762>]. «Коммуникация – «сообщение, передача мыслей (преимущ. словесная; науч.). Слово есть средство коммуникации» [БСИС 2004]. «Коммуникация – в широком смысле – обмен информацией между индивидами через посредство общей системы символов. Коммуникация получила развитие за счет вербальных и невербальных средств. Различаются механистический и деятельностный подход к коммуникации: – в механистическом подходе – односторонний процесс кодирования и передачи информации от источника и приема информации получателем сообщения; в деятельностном подходе – совместная деятельность участников коммуникации (коммуникантов), в ходе которой вырабатывается общий (до определенного предела) взгляд на вещи и действия с ними» [ФС 2006 http://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/24002]. Поэтому одним из продуктивных и доступных средств общения можно считать телевидение, Интернет, допустимы и SMS-тексты.

В последнее время в научной литературе делаются попытки развести смысл терминов *общение* и *коммуникация* (например, теория коммуникации – теория связи – теория передачи информации по каналу связи), однако общепринятого мнения по данному вопросу не существует.

Можно согласиться, что «общение – это специфический вид активности, актуализируемой (осуществляемой) через деятельность и взаимодействие, имеющие своё конкретное содержание и конкретную форму [Рыбаков 2010: 72]. Это объясняется полисистемностью и

многогранностью явления. Проблемами общения занимаются представители разных наук – философы, психологи, лингвисты, социологи, культурологи и др. Каждый из них рассматривает общение с позиции своей науки, выделяет специфические аспекты для изучения и соответственно формулирует определение, поэтому понятие «общение» приобрело междисциплинарный характер.

Особенность речевой деятельности заключается в том, что она всегда включается в более широкую систему деятельности как необходимый и взаимообусловленный компонент. Речевая деятельность чаще всего преследует какую-то цель, поэтому важен результат, о котором часто судят по обратной связи, по тому, как воспринимают сказанное, как на него реагируют. Телевидение как своеобразная форма общения (в студии и за кадром, экраном) находится в особых условиях, т.к. оно, прежде всего, формирует и передает информационное содержание, но в зависимости от типа программ способно создавать один из многочисленных вариантов общения в пределах одного проекта. Происходит контактное общение в студии, а также невербальное или условно вербальное взаимодействие со зрителями вне ее. Формируется новый тип психологической ситуации, неконтролируемого словесного общения человека с помощью технических средств, что не позволяет следить за процессом. В данном случае отсутствует коррекция речи, присутствует свободное выражение авторского понимания ситуации, содержания «диалога» и т.п.

Чтобы понять значение обратной связи, следует вспомнить, что в речевой деятельности принимают участие субъект и адресат, т.е. происходит порождение и восприятие речи в различных ситуациях коммуникации. В процессе общения важен также момент реагирования. Он может быть выражен вербально (адресат подхватывает разговор, высказывает свое понимание). В таком случае адресат становится субъектом (субъект и адресат меняются ролями). Реагирование может быть

выражено невербально (мимика, жесты, поза, расположение в пространстве и др.). Поведение адресата/адресатов может содержать также оценку речи (аплодисменты как одобрение, благодарность, топание ногами, свист как неодобрение, демонстративный уход из зала и др.). Обратная связь – очень важный компонент любого вида общения. Таким свойством обладает Интернет-диалог [Губарев 2013].

Во многом речевая ситуация определяется количеством участников и характером возможных ролей в общении, среди которых принято выделять следующие:

1. Симметричные – асимметричные – равные или неравные по социальному положению и возрасту (ученик – ученик; сослуживцы; ученик – учитель; подчинённый – начальник).

2. Социальные роли партнёров: а) константные – пол, родственные связи, профессия, уровень культуры, возраст; б) ситуативные – социальная роль в момент общения – по отношению к партнёру (пациент – врач, пассажир – кондуктор и т.п.).

3. Формальные – неформальные (характер общения: в кругу семьи, в кругу коллег-сослуживцев, на отдыхе, переговорах и т.п.).

Кроме того, на общение влияют пространственно-временные условия – контактное (устное визуальное) общение и дистантное (письмо, разговор по телефону) общение. Внутренние обстоятельства – мотивы и цели общения; и коммуникативное намерение – стратегия и коммуникативная тактика.

Типология телевизионного коммуникативного намерения (стратегия) состоит в следующем:

- *проинформировать* (описать, рассказать, отчитаться) – дать представление о предмете речи конкретно и беспристрастно;

- *убедить* – склонить к своему мнению, используя нужные аргументы и доказательства, апеллируя, в первую очередь, к разуму собеседника, к его жизненному опыту;
- *внушить* – обратиться не только к разуму, но и к чувствам собеседника (или аудитории), используя и логические и эмоциональные средства воздействия на личность;
- *побудить к действию* – призвать, убедить собеседника в необходимости действия таким образом, чтобы ответной реакцией было непосредственное действие.

Все эти моменты определяют психологическую семантику в тексте и способы ее выражения в телевизионной и Интернет коммуникации.

Телевизионный текст отличается от других видов средств коммуникации тем, что в его структуру устно-письменной, устной и электронно-письменной формы входят единицы нескольких кодовых систем, что приводит к порождению особого типа психологической семантики и усилению воздействия. Как известно, широкий круг телевизионных передач построен с ориентацией на слуховое и зрительное восприятие, в котором присутствуют изображения, что уже представляет собой многоаспектную информацию, а также музыкальное сопровождение, интонации человеческого голоса, звучание природы и т.д. Это во многом определяет особую узнаваемую стилистическую окрашенность телепрограмм.

Вербальный текст одной разножанровой телепрограммы, телепередачи обычно имеет одноплановую, тематически организованную, а порой и терминологическую однородность лексики. Поэтому содержательная форма, на первый взгляд, если это сделано профессионально, кажется понятной, предсказуемой в плане известной информации, что обычно достигается за счет разъяснений, повторов слов,

дополнительных комментариев и т.п. Состав лексики ограничен или тщательно выверен. Излишняя эмоциональность появляется за счет употребления оценочных слов, если они не имеют принципиально важного, обусловленного содержанием характера. Данный психологически нейтральный признак имеет большинство новостных, научных, научно-публицистических текстов, что позволяет относить их к стилю информационной публицистики, которая сформировалась в СМИ.

Если другие телевизионные передачи к ним не относятся, то они иначе оформлены, т.е. такими являются аналитические телепередачи «прямого эфира», которые проходят в форме дискуссий в различных ток-шоу. Особенности жанра, количество участников диалога, который часто перерастает в полилог, наличие ведущего, теряющего порой свой организующий статус, приводят к порождению высокой психологической напряженности и возникновению *лингвистической угрозы* в процессе общения не только в студии, но и за экраном телевизора. Примером этому в последнее время служат передачи 1-го канала (П. Толстой), Россия 1 (В Соловьев, Д. Киселев, частично С. Брилев), ТВ Центр («Право знать!»; «Право голоса»), НТВ («Список Норкина» и др.). Поскольку цитирование тематически острых политических передач в данном случае не входит в задачи исследования, следует ограничиться общей характеристикой.

Соблюдение норм публицистической стилистики, строгая структура телевизионного диалога, корректное использование политической, экономической, научной, культурологической терминологии, нейтральной лексики, тактичное употребление эмоционально-оценочных слов выгодно отличают передачу «Первого» канала «Познер». Автор и ведущий В.В. Познер профессионально создает психологически положительную речевую форму телевизионного текста при минимуме средств даже в том случае, когда взгляды собеседников во многом не совпадают. В данном случае

можно говорить о высоком уровне стилистически верно созданного вербального телевизионного текста.

Иной характер и способы языкового выражения имеет текст-дискуссия на канале «Культура» в передачах М. Швыдкова «Культурная революция», лингвистический анализ которого был осуществлен в свое время Н.В. Федотовой под руководством профессора С.В. Пискуновой [Федотова 2006]. Близкой по стилистике и тематике можно назвать дискуссию на том же канале в программе «Игра в бисер», но совершенно противоположной по форме программе Т. Толстой и А. Смирновой на НТВ «Школа злословия», хотя и здесь обычно речь шла о состоянии современного литературного творчества, подвергались оценке многие литературные произведения, давалась характеристика исторических процессов в формировании творческой личности. Агрессивно-ироничное поведение Т. Толстой и А. Смирновой создавало особое психологическое напряжение и вполне соответствовало названию передачи, т.е. злословие приобретало основную форму выражения, хотя это сложно соотносить с понятием «школа». Нередко речь ведущих имела другое лексическое наполнение в авторском эпилоге к тексту передачи, когда ведущие перестают использовать форму судебного разбирательства.

Особый стиль и психологическое содержание, а также игровую форму приобрели в телепрограммах многих каналов правовые информационно-просветительские передачи по модели ток-шоу, но с сохранением традиционного формата судебных процессов. Они носят просветительский характер, поэтому по языковой форме выражения серия передач «Суд присяжных» на телеканале НТВ во многом носит однотипный характер. Так, в речи судьи обычно, что соответствует сценарию заседания в реальном процессе, употребляются следующие выражения: *изложение дела; слово прокурору; посмотрим видеозапись; возражение принимается; суд приступает к опросу свидетелей;*

конкретные факты; явка свидетеля обеспечена; прошу дать пояснения и т.д. Например:

– Прошу всех встать. Суд идет.

– Здравствуйте. Прошу садиться. Судебное заседание объявляется открытым. Сегодня мы рассматриваем уголовное дело по обвинению Косатонова Павла Ильича в убийстве лица, в связи с осуществлением данным лицом своей служебной деятельности.

– Дело рассматривается под председательством судьи Степанова с участием коллегии присяжных заседателей. Государственное обвинение поддерживает прокурор, советник юстиции Васильева Елена Юрьевна. Защиту подсудимого осуществляет адвокат Юрасов Владимир Станиславович. В качестве потерпевшей в процессе участвует Рыжова Надежда Ивановна, вдова погибшего Рыжова. Суд переходит к судебному следствию» (Телепередача «Суд присяжных» от 7 августа 2014 г., http://www.ntv.ru/peredacha/sud_prisyagnih/m18160/o284196/).

Речь прокурора обычно содержит традиционные слова и словосочетания: в порядке расследования; особо тяжкое преступление; приобретено огнестрельное оружие; преступный умысел; собранные доказательства; уважаемые присяжные; зарегистрировано; исследовано и т.д.

Адвокат также следит за своей речью: отстаивать невиновность; высказывалось недовольство; требует дополнительного рассмотрения; характер отношений; приступить к допросу; выражаю; недоверие; имеется соответствующий документ и т.д.

В ходе судебного процесса могут возникнуть психологически напряженные моменты, что отражается на лексическом составе речи всех его участников, т.е. происходят нарушения в употреблении форм официально-делового стиля:

***судья** – слухи слухами, а факты фактами; Вы находитесь в суде, а не где-нибудь; прошу говорить, а не на базаре как...; Вы между собой договорите потом, а сейчас прошу работать (обращение к прокурору и адвокату); Инспектор ДПС изъял у него права за пьянку. И он застрелил инспектора. Но теперь его судьба в руках присяжных.*

***прокурор** – подвернулся под руку на роль убийцы; подкараулил; сам придумал или есть факты; откуда взялся этот свидетель;*

***адвокат** – я понимаю все, я ничего не понимаю; моя задача обеспечить справедливость; я не хочу об этом говорить; каким-то образом; я только приступила к допросу, а мне не дают спросить; хочу, чтобы присяжные сели на мое место, тогда поняли (по материалам передач «Суд присяжных» в июле-августе 2014 г.).*

На достаточно большой временной отрезок в эфире приобрел популярность телевизионный проект «Суд времени» (<http://www.kurginyan.ru/>) (позднее «Исторический процесс»). Так, вступительная часть текста стенограммы содержит информацию о судьбе проекта (Сванидзе Н.К., далее – Сванидзе), обвинителе (Кургинян С.) и защитнике (Млечин Л.). Далее дается историческая справка в качестве материалов по делу, в данной программе о событиях 8 декабря 1991 года в Беловежской пуще, когда был подписан договор о прекращении существования СССР и создании СНГ. Главным вопросом стало обсуждение: «Беловежское соглашение" – это катастрофа или меньшее из зол?»

В начале передачи дается историческая справка о событиях, но уже здесь активизируются слова с оценочной семантикой, которые позднее мотивируют психологию конфликта, что отвечает задачам жанра. Среди них следует выделить противопоставление: *исторические события, персонажи, проблемы, политики, граждане, многонациональная страна, катаклизмы, договор, биполярный, государства, президент, соглашение,*

оппоненты, референдум, суверенитет – страна казалась вечной, неожиданно, рухнула, на глазах у всех, неких особых сил, отдельных злоумышленников.

Первая группа лексики имеет нейтральный и одновременно терминологический характер, вторая снижает стилистическую норму таких типов информации, что сразу же отразилось в речи С. Кургиняна: *«Кургинян: Я просто хотел бы, чтобы посмотрели на эту картину ну... нашими глазами. Потом мы с удовольствием посмотрим на нее вашими, и вместе решим все-таки, в чем истина. Вы посмотрите нашими глазами: государство-победитель в Великой Отечественной войне, член Совета Безопасности [ООН], государство, чья подпись под "Хельсинкскими соглашениями". Ну, с какого, я прошу прощения, ляду оно вдруг должно взять и, так сказать, развалиться, распусться?»*

Как видно, обвинитель не следит за качеством речи и не стесняется в выражениях, хотя использует этикетный оборот «я прошу прощения». Стилистическая окрашенность текста снижена употреблением слов, избыточным повтором. Ведущий в качестве оппонента старается вернуть собеседника к теме: *«Сванидзе: Сергей Ервандович, об актуализации...»*

Фраза не завершена. В ответе на замечание вновь звучит нарушение ритма речи, что обусловлено снижением стиля, неустойчивым синтаксисом:

«Кургинян: Я говорю, в этом и есть актуальное. Значит, возникает какой-то... не просто недоумение... Вы понимаете, как разваливаются государства? Они разваливаются, когда безоговорочная капитуляция. Даже если эта капитуляция не безоговорочная, то остается право у страны быть субъектом, она перестает быть субъектом, только когда она безоговорочно капитулирует. Мы перед кем-то капитулировали? Какой моральный, идеологический смысл? За это государство умирали миллионы, многие миллионы, для того, чтобы оно... После того, как оно

развалилось жертвами, крепостными оказались целые государства, группы государств, люди... Десятки миллионов русских оказались вдруг в неизвестном статусе неизвестно где... Почему? В силу какого закона? Что произошло? Дети в песочнице похулиганили? Что это все такое? Где тут процедурные основания? Где тут исторический смысл? Где тут все основное? А, главное, ведь в основе всего этого была эта проклятая "империя зла"! Давайте я завтра назову "империей зла" все, что угодно... Ах, она раз империя, она должна развалиться...»

Следует отметить, что в речи обвинителя значительное место занимают вопросительные предложения, функция которых связана с законами организации ораторских, дискуссионных текстов, и это придает спору психологический характер конфликта, динамизма. Об этом напряжении свидетельствует то, что С. Кургинян нарушил регламент: *«Сванидзе: Ваше время истекло, Сергей Ервандович».*

Психологический накал не позволяет коммуниканту быстро адаптироваться, и он продолжает свое обвинение: *«Кургинян: Это не империя. В этом актуальность! Потому что это – в будущем! И пока оно не восстановится, это государство, в той или иной форме, – нету будущего и нет геополитической стабильности!»*

Обобщенный статус вербальной информации приведен в таблице 2.2 «Статистика лексем текста» (Приложение 9).

Дополнением к таблице 2.2. является следующий статистический анализ, приведенный в таблице 2.3. «Семантическое ядро текста» (Приложение 10).

В названии телепроекта «Суд времени» уже присутствует и высокий стиль, и семантика процессности, разбирательства, что подтверждается содержанием словарной статьи: *«Суд – «мнение, заключение»;* С. истории (мнение и оценки будущих поколений; высок.); *«общественный орган, рассматривающий проступки членов какого-нибудь коллектива»;*

«государственный орган, ведающий разрешением гражданских (между отдельными лицами, учреждениями) споров и рассмотрением уголовных дел»; «судьи, те, кто судит»; «разбирательство дел в таких органах» [Ожегов, Шведова: 1992].

Представленный отрывок стенограммы телевизионного ток-шоу организован в формате судебного процесса. Следовательно, текст не только заключает в себе особенности речи публичного диспута, но и отражает формы и роли, характерные для судебного заседания. В подобных речевых ситуациях поддержка аудитории или ее неодобрение важны для участников, поэтому в таких спорах наблюдается большее упорство во мнениях, большая горячность, склонность прибегать к уверткам и уловкам. Поэтому можно согласиться с мнением о том, что в таких ситуациях «участники спора пытаются не столько убедить друг друга, сколько убедить слушателей или произвести на них то или иное впечатление» [Граудина, Ширяева 1999: 93].

Грамматический аспект текста вступительного слова представителя обвинения выглядит несвязно, отсутствуют развернутые высказывания в тексте, предложения обрывочны. В тексте акцентированы повторы, что создает ощущение нервозности, манипулятивного воздействия. Используются слова преимущественно с нулевым оценочным значением. Поэтому позиция автора не представляется четко сформулированной. Встречаются также элементы высокого стиля, общепринятые словосочетания, социально желательные, однако присутствие в тексте просторечной лексики также вносит некий диссонанс в восприятие текста, что подтверждается иллюстрацией нескольких словарных статей: «*Истина* – «утверждение, суждение, проверенное практикой, опытом»; «в философии: адекватное отображение в сознании воспринимающего того, что существует объективно»; «правда N1» [Ожегов, Шведова: 1992].

И далее: *«Истина* – «достоверное знание, правильно отражающее объективную действительность»; «проверенное практикой отражение явлений реального мира в человеческом сознании»; «то, что соответствует действительности»; «правда» [Черных 1999: 360].

И рядом в тексте: *«Ляд* - (прост. бран.) зачем, для чего, на кой чёрт» [Ожегов, Шведова: 1992]; *Все-таки* – «подчеркивает скрытое противопоставление» [Ожегов, Шведова: 1992]; *Развал* – «полное расстройство, беспорядок, разруха, упадок» [Ожегов, Шведова: 1992].

Коммуникант использует в речи слова, различные по стилистике: *Распустить* – «ослабив требовательность, сделать своевольным, распущенным N1»; «(свернутое, скрученное, туго стянутое) развернуть, развязать, ослабить» [Ожегов, Шведова: 1992]. *Распуститься* – «(о свернутом, скрученном, туго стянутом), развернуться, развязаться, ослабнуть» [Ожегов, Шведова: 1992]. Ср.: *Актуальный* – «важный, существенный для настоящего момента» [Ожегов, Шведова: 1992]. *«Актуальный* (латин. actualis) (книжн.) – существующий в действительности, осуществленный; противоп. потенциальный (науч.)»; «насуточный, важный в настоящее время, злободневный (нов.)». [Ушаков 2000]; *«Актуальный* – очень важный для настоящего момента»; «соответствующий требованиям современности»; «существующий, проявляющийся в действительности» [Черных 1999: 35]; *«Безоговорочный* – «без всяких оговорок, отговорок, беспрекословный». Безоговорочная капитуляция (полная, безусловная)» [Ожегов, Шведова: 1992].

Весь отрывок создает ощущение напряжения и хаоса, вместо ожидаемой четкости и логичности, свойственных формату судебного заседания.

Современное коммуникативное пространство, кроме телевидения, составляет интернет-общение, которое по своей природе представляет собой особый тип психологически обусловленного способа передачи

информации. Существует определенная нагрузка на деятельность коммуникантов. Она проявляется в самом действии при использовании технических средств, связанных с обслуживанием компьютера, вхождением в процедуру общения через систему различных видов кодов, реакцией пользователей на отправленную информацию и собственно процедурой лингвистического анализа текста.

Структура интернет-текстов, как известно, состоит из многих обязательных и индивидуальных компонентов, что продиктовано данным типом средств общения. Тексты сохраняют основные признаки, характерные для текстовых композиций, но обязательно содержат указание на авторство в виде адреса отправителя информации или никнеймов (прозвище, псевдоним пользователя в Сети).

Никнеймы (ники) являются одним из способов самопрезентации, идентификации пользователей в Сети, поэтому они часто связаны с достаточно популярными моделями словообразования, что также приобретает психологический характер. Литературные персонажи, названия животных, спортивных клубов, исторических событий, обозначение возраста или даты рождения, наименование места жительства и даже бытовой техники – основные формы никнеймов. Используются также панковские и собственно производные клички от имен и фамилий, иногда противоречащие представлениям об именах [Елькина <http://lib.mkgtu.ru/images/stories/journal-vmgtu/2011-02/017>].

Продуктивность классификации никнеймов по 15 группам на спортивном сайте Интернета успешно доказана В.В. Губаревым [Губарев 2013]. Автором выделены традиционные псевдонимы, связанные с наименованием социального положения, т.е. должности, звания, профессии и т.п. (*Dorognik, Personal, Старый лесник, Инженер, Боцман* и т.д.), использованием имен собственных в качестве фамилий, имен, отчеств (*Antonio, Sasha, Egor, Гога, Сэр Майкл, Андрэ Иванов, Сергей Юрченко,*

Гарик (Наташин vnik), Константин, Юриг (авторская орфография), *Мешков* и т.д.), а также имен и фамилий литературных героев (*Монте-Кристо*), киногероев (*Папазогло* – телесериал «Солдаты»), исторических лиц (*АРИ-100-ТЕЛЬ* – традиционная форма в Интернете). Значительное число никнеймов связано с географическими наименованиями (*Сибиряк!!!, Иркутск, Ливан, 52rus* (житель 52 региона), *Penziak, Tyumen, Praga78* и т.д.) и др. Для данного исследования было правомерно рассмотрение интернет-прозвищ, связанных со спортивной тематикой, что уже в значительной степени приобретает психологический оттенок значения, отражает увлечение пользователя (*SportsMan, Жёлто-Зелёный* (ФК «Кубань»), *flamengo1963* (Бразильский футбольный клуб), *Анжи-Спартак* (Миланский футбольный клуб, Италия), *Пушкарь* (по названию футболистов «Арсенала»). Заслуживают внимания и интернет-прозвища, передающие настроение и черты характера пользователя (*Весёлый, Мейджер* (от англ. major – главный), реакцию на событие (*Сам такой; Вперёд, Германия!*), а также шутливое отношение (*чихать на баны; Свинству БОЙ; Колобок Колобков; Серая мышь; Мысли вслух; Ква Ква Ква; Тот самый Зануда*). Происходит психологическое самоутверждение, подчеркивается жизненная позиция. Примечательно то, что в исследовании интернет-прозвищ выделены те, которые отражают особенности характера, психологическое состояние, поведенческие проявления человека: *terran* (орфография слова «тиран»), *Home_alone* (один дома), *ненавижу грязных, Ветренный, blacksoul* (черная душа), *Ruski* (русский), Гутман (хороший человек) и др. [Губарев 2013]. Именно данная подгруппа никнеймов заслуживает самостоятельного изучения, что позволяет определить данный аспект коммуникативной системы, особенности психологического состояния языковой личности.

Психологическая семантика на сайтах Интернета приобретает коммуникативную значимость за счет актуализации содержания в

ключевых словах и словосочетаниях, о чем свидетельствует текст стенограммы 17-ой Церемонии вручения премии за самые сомнительные достижения «Серебряная Калоша» (<http://www.silver.ru/air/events/2013/59875/?Page=0#comments>). Например: *сомнительные достижения; самое смешное; любопытное; зал уготовил; цинично-ироничный тандем; «Инстаграм года, или Выложившие из ума»; «самострел» в туалетном зеркале; «Чиновник года, или Кресло растает с человеком»; «Доброта года, или Пасть порву, моргалы выколю»; «Мимими года»; «Джигурда года»; «Гастарбайтер года, или кому на Руси жить хорошо»; «Плагиат года, или Близнец подкрался незаметно»; «Нетерпимость года, или занимательная ксенофобия».*

Естественно, номинации данного мероприятия носили ироничный характер, что должно было спровоцировать соответствующий психологический эффект восприятия.

Данным компонентам текста противопоставлены единицы, которые по семантике слов давно приобрели в коммуникативной языковой системе символический характер, когда произошло развитие психологического смысла и признака иного содержания. К ним относятся: *церемония; премия; Серебряный Дождь; на сцене Кремлёвского дворца; с Академическим большим концертным оркестром имени Юрия Силантьева Российского государственного музыкального телерадиоцентра под управлением Заслуженного деятеля искусств Российской Федерации Александра Леонидовича Клевицкого; народный артист России Иосиф Кобзон; известной советской «Песни года»; под музыку из «17 мгновений весны»; Владимир Познер.*

Авторы сайта посчитали, что были проведены остроумные номинации, поэтому предложили пользователям Интернета оставить комментарии к данной новости, которая, по их мнению, позволит всем после прочтения обменяться мнениями. Участники обсуждения

мероприятия оказались в неодинаковых условиях, так как одни слушали трансляцию по радио, другие смотрели видео, а третьи – только слышали о том, что состоялась церемония, и вспоминали прошлогоднюю передачу. Многих не оставил равнодушными тот факт, что не было прямой телевизионной трансляции.

Оценка произошедшего события была различной. Из 115 откликов с 31 октября по 6 декабря 2013 г. и 9 января, а затем 31 марта, 9 июня 2014 г. с отрывом порой в несколько минут или одновременно пользователи разместили различные по объему тексты, в которых по-разному выразили свое отношение к данному мероприятию. Положительная оценка была представлена в 8 откликах, отрицательная – в 82, а в 25 комментариях были рассуждения о форме сценария и необходимости посмотреть саму передачу, а не только прослушать по радио «Серебряный Дождь». Среди участников обсуждения были и те, кто непосредственно присутствовал на церемонии в Кремлевском дворце, что у многих из них вызвало негативное отношение к месту проведения мероприятия.

Интересен тот факт, что языковая форма выражения во многом повторялась или стала однотипной. Тексты пользователей Интернета, несмотря на традиционную краткость изложения, нарушения орфографии и пунктуации, включение в текст популярных знаков и значков, совпали в использовании оценочных адъективных слов (полные и краткие прилагательные), наречий, имен собственных, конкретных существительных и глаголов. Среди них можно выделить следующие:

имена собственные – Савицкий; Набутов; Гордеева; Гордон; Собчак; Левинский; Серебряный Дождь; Галоша; в Кремле; Джигурда; Познер; Петросян;

существительные и словосочетания с ними – организаторы; полную версию; полный репортаж; о жизни в стране; в банальную радиостанцию; про духовность; большие публики; громкие выкрики;

добротный капуста; вымученного капуста; убогое зрелище; из междусобойчика-капустника; грустное впечатление; худшая церемония и т.д.;

глаголы, глагольные словосочетания – хочется смотреть; собираются выкладывать; запись будет!; скачать и смотреть; целиком можно посмотреть; хотелось бы посмотреть всю трансляцию; предал духовность; как-то неудобно было слушать; слушаешь по инерции; не порадовала; испортил настроение; с треском провалилась; шутила как-то беззубо; не получилось; идея себя изжила и т.д.

Отрицательное отношение к церемонии было оформлено в стиле интернет-текстов, что подтверждает уже сложившуюся форму речевого общения при помощи электронных средств:

*– Если можно голосовно **вылить сюда: СЛОВЕСНЫЙ ПОНОС !!!** Благо – позволяют **модеры... Чао !!!** (HerotANus Nov 22 2013 9:46AM);*

*– Проводить фейс-контроль - кислые, **тошнотные рожки** в зал не пускать.)) (Владимир Nov 12 2013 9:30AM);*

*– Я понял, в чем дело - в Кремле! Это место заколдованное: все, что туда попадает, превращается в **барахло**. Помните, да: "...Я говорил, место заколдованное, а ты - **руки из жопы, руки из жопы!**" (Николай Nov 5 2013 11:06AM);*

– В этом году Калоша - безумное грустное и скучное зрелище!!! (Мария Nov 2 2013 10:09PM);

*– Смешно, когда в эфире пытаются провал **ссадить** на публику. Вернее, недостойно... Публика в зале, как и те, кто сейчас пишут на сайт, как раз были **ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНО** настроены. Это все друзья Дождя (Арсений Nov 1 2013 1:16PM);*

*– Ребята, **чё-то** совсем плохая галоша получилась у вас в этот раз. Хуже прошлогодней. **Об-позорились** на всю страну (Ольга Oct 31 2013 7:38PM);*

– *3 А К А Т ! ! ! покойник был хорошим человеком* (Михаил Oct 31 2013 12:33PM).

О наличии особого типа вербального текста в Интернете свидетельствуют также материалы Неофициального форума сотрудников МВД и ФОРУМ МВД РФ «Политика и общество», на котором предложено высказать свое отношение к работе ГИБДД под заголовком «Ненавижу ГИБДД... Все отзывы сюда. Как, когда, за что...» (<http://forummvd.ru/viewtopic.php?f=6&t=514&start=10>). Само название сайта, предложенная тема содержат определенную психологическую направленность, стремление получить откровенный рассказ о проблемах данной службы.

В высказываниях пользователей (от 06.01.2011г. до 24.12.2013 г.) встречались соответствующие термины, что придавало текстам нормативный характер, а употребленная просторечная, ненормативная лексика, передавала состояние культуры речи, психологический настрой, уверенность в праве свободного выражения своего отношения к проблеме, изложение мыслей с нарушением основ культуры речи как части общеязыковой культуры. В ходе общения автором темы одним из первых был задан вопрос: – *Почему все ненавидят и одновременно боятся инспекторов ГАИ???* (IgorSLV).

В авторском предложении противопоставлены глаголы *ненавидят* и *боятся*, поэтому он употребил слово *одновременно*. Здесь отразилось понимание различных аспектов психологического состояния человека: ненависть и страх вызваны, вероятно, действиями условного субъекта по его предполагаемому наличию. Понятие *ГАИ* представляет официальное наименование определенной государственной структуры, на которую, как видно из интернет-текста, переносится негативное отношение, порождаемое реальным отношением к людям представителей данной структуры. Термин *ГАИ* теряет свой первоначальный смысл и приобретает

актуализированную дополнительную психологическую семантику. Это отразилось в соотношении: **нейтральная** по психологическому признаку терминология и терминологизированные слова с новой оценкой (*неправильно размышляете; люди нам помогают мирно жить; есть некоторые ситуации, где ГАИ неправы\|\|\|; нет плохих национальностей, есть плохие люди!; порядочные ребята; по моему в гаи много нормальных ребят; поработай инспектором ГИБДД!; в праздничные дни; экипаж; 30 вызовов!!!; выводы об их работе; мнение сотрудников других подразделений МВД; участников движения; профессионализм*) и лексика с актуализированной психологической текстовой семантикой за счет нейтральных слов и ненормативных словоупотреблений (*на них насрать; мозги, наверное, собирают врачи; как люди относятся к ГИБДД:D:D:D; скоропалительных выводов; гаишников надо понукать; долбили водителей в хвост и в гриву; боялись гаишников как козлы и козы Сидоровой палки; даже говорить не хочется... Тьфу*).

Одно из сообщений приобрело по содержанию, составу лексики концентрированное выражение негативной психологической семантики, что получило свое отражение в традиционном для Интернета оформлении текста с допустимыми для данного типа общения орфографическими и пунктуационными ошибками. Данные нарушения, к сожалению уже давно не считаются таковыми, что создает реальную угрозу языковой коммуникации, а также системе языка, национальной культуре в целом. Допущенные неточности в сочетании с обиходными словами свидетельствуют о психологическом состоянии человека, который стремился передать свои мысли о «наболевшем»: *«С 1974 года работал следователем МВД. Да брали тоже взятки, которые заключались в бутылке водки и кусок колбасы, которые оприходовались вместе с взяткодателем. Двадцать лет на пенсии и недавно встретил знакомого который еще при мне пришел сержантом в ГИБДД (тогда еще ГАИ), а*

*в настоящее время тоже собирается на пенсию. На вопрос как служба, поведал, что у него уже две квартиры, **прикупил** квартиру и дочери, в гараже три автомобиля. Ну и как вы думаете, таких людей народ будет уважать? А вот меня люди помнят до сих пор, хотя некоторых **отправлял в места не столь отдаленные**, но относятся с **уважением и благодарностью**» (Неофициальный форум МВД РФ, Виктор Александрович, 29.12.2013, 13:51, <http://forummvd.ru/viewtopic.php?f=6&t=514&start=10>).*

Следует обратить внимание на то, что в обсуждении данных материалов, о чем уже было сказано, пользователи Интернета, прежде всего, позиционируют себя. Их никнеймы на сайте приобрели открытый, адресный характер, т.е. часто обозначается имя, имя и отчество и даже фамилия. Например: *Сергей; Виктор; Чупеба Александр Викторович; Oleg; Anton; Владимир; Дмитрий; Екатерина; Владислав; Николай; Вадим; Татьяна; Ксения; Николай Вирьянский (?)* (о Серебряной Калоше); *Ринат; Виктор Александрович* (обсуждение работы ГИБДД) и др.

В тоже время встретилась и общепринятая номинация участников обсуждаемых проблем: *Вопрос; Ника; Костик Барабашкин; Отправитель; Саша; Юля; Света; Василич; Владимир Север; Большой любитель Калоши; Heroi; Belfast* (о Серебряной Калоше); *Baskets; Tanaka; Marco; Igor; Валерий 1956; Гости* (обсуждение работы ГИБДД) и др.

Возвращаясь к проблеме образования никнеймов как части вербального текста, следует отметить их возрастающее употребление в виде имен собственных, составленных из словосочетаний сниженного, стилистически ограниченного словоупотребления. Это также свидетельствует о стремлении участников дискуссии к созданию определенной психологической обстановки, т.е. имя приобретает в данном случае негативную семантику. Например, среди «обычных» никнеймов *Ольга, Ольга Н, Olga, Nikanor, Софья, Дмитрий, Дмитрий Мотовилов,*

Festa, Гость, Фи-Фи, М., Елена. Нюра, ТАТА, Лиля встречаются следующие: *долбаный правозащитник; долбаный правозащитник – сильно умному; злая тётя; всем гуманоидам; ужас; др. Геббельс; странные эти правозащитники; а кто не пьёт?; для уж и слышь; сиди там куда сбежал.* Актуализация психологической семантики за счет употребления подобных никнеймов позволяет говорить о необходимости создания определенных лингвистических требований к интернет-текстам, что также вызывает беспокойство у пользователей, о чем они уже неоднократно дискутировали в Сети.

Таким образом, данная психологическая семантика и соответствующая ей стилистическая окрашенность языковых средств, т.е. наличие обостренной психологической семантики в тексте становится нормой для подобного типа речевых ситуаций, которые часто приобретают на телевидении и в Интернете, несмотря на серьезность обсуждаемых проблем, характер развлечения. Подобная организация текста дискуссии свидетельствует о развитии новых форм коммуникации, которая затем переносится на бытовое, официальное, публицистическое общение, поэтому требует специального изучения. Есть положительные моменты в свободе передачи информации, доступности ее получения, но существует и опасность в разрушении стилей речи, хотя язык обладает определенным иммунитетом, о чем не раз свидетельствовала история его развития.

§3. Функциональные особенности компонентов с психологической семантикой в публицистическом тексте

Информационное поле текста формируется в основном за счет разноплановых лексических компонентов, которые могут иметь, как уже

было сказано, исходную, потенциальную или приращенную текстовую семантику. Такое развитие происходит в момент не только порождения речи, но и в момент ее восприятия при выполнении текстовой функции в процессе коммуникации.

По своему содержанию тексты различного типа могут быть *однородными, монотематическими, а также многоаспектными, политематическими*. Это зависит от их назначения, принадлежности к одному из функциональных стилей и разновидностей, но в процессе общения возможна актуализация дополнительных смыслов. К числу таких семантических дополнений, если это не основная часть информации в тексте, относится психологическая разновидность содержания.

Психологическая семантика в информационном публицистическом поле слова и текста – один из важнейших признаков современной речевой коммуникации. Текстовое общение имеет различные формы, среди которых в последние годы особую значимость приобретают СМИ в устных и письменных способах своего проявления. В связи с этим публицистический текст становится своеобразным отражением многих лингвистических проблем изучения современной коммуникации: речевая деятельность языковой личности; языковая картина мира и способы её выражения; правила речевой коммуникации, норма и антинорма речевого поведения; семантический объем слова и текста в процессе порождения и восприятия речи и др.

Одним из наиболее ярких проявлений русского коммуникативного поведения в современном обществе можно считать использование письменных публицистических текстов. Они обслуживают широкую область политических, экономических, социальных, культурных, спортивных, досуговых отношений, формируют во многом языковую культуру и культуру речи.

Коммуникативная значимость публицистического стиля отразилась на развитии различных типов текстов как средств массовой информации. Основным способом выражения тематики этих публикаций следует признать лексику, которая приобретает коммуникативный функциональный признак благодаря тексту, его синтаксической организации. На психологическое содержание в тексте, как известно, влияет также жанровая разновидность. Например, в «Российской газете. Неделя» № 88 от 18 апреля 2014 г., в разделе «Книги» таким актуализатором стали следующие компоненты: *100 тысяч книг; После прочтения – подари; Дети Крыма хотят читать книги на русском языке; Чуковский без цензуры; знаменитый сказочник обижался, когда его называли детским писателем; из первых уст* (Васянин <http://www.rg.ru/2014/04/18/chukovskij.html>).

Здесь каждое слово имеет исходное или приращенное значение: *100 тысяч книг* – речь идет о передаче Крымским библиотекам книг, фонды которых не обновлялись со времен СССР; *знаменитый сказочник; обижался; подари; без цензуры* и т.д. Даже использование устойчивого сочетания *из первых уст* вызывает положительную реакцию, доверие и принятие информации, как и само имя Чуковского. В тексте встречается мотивация психологического содержания в слове *обижался* через оппозицию понятий: критик, историк литературы – детский писатель. Именно это противопоставление, по словам дочери писателя Лидии Чуковской, было наиболее значимым для ее отца.

Использование общепринятых смысловых противопоставлений, а также подключение к ним авторских способов лексического выражения в публицистическом тексте позволяет передать большой объем не только событийной информации, но и способствует порождению дополнительных актуальных смыслов эмоционального, оценочного, нравственного, этического, социально-оценочного, социально-психологического аспектов.

Сочетание нейтральной лексики языка, речевых стандартов и авторских приемов изложения информации позволяет данному средству коммуникации выполнить основное назначение публицистического стиля: передача информации и воздействие на человека. Именно последний функциональный признак обладает ещё и психологическим характером.

Наличие одного или нескольких психологических признаков в семантической структуре слова является объективным фактом, поскольку обусловлены ситуацией речевого общения, в которой участвуют коммуниканты. Их отношение к информации, к тому содержанию, заключенному в слове и тексте, отражает собственно два основных аспекта в процессе коммуникации: взаимодействие синтеза и анализа, когда они находятся в отношениях противопоставления, а затем взаимозаменяемости являются своеобразной моделью наличия и развития психологически актуального смысла. Это находит подтверждение в исследованиях Р. Якобсона, Ю.М. Лотмана [Лотман 1970], Н.С. Трубецкого [Трубецкой 1987], В.Г. Костомарова [Костомаров 1971], С.В. Пискуновой [Пискунова 2002], Г.Я. Солганика [Солганик 2003: 312-315] и др.

К основным языковым средствам выражения психологической семантики, как показало исследование, следует отнести лексику и фразеологию, которая включает базовые и индивидуальные признаки семантики, т.е. для публицистического стиля характерно использование большого числа стандартных выражений, которые создают психологически комфортную узнаваемую среду в получении информации, увеличивают скорость её получения, что часто приводит к просмотру газетных публикаций, т.е. увеличивает скорость общения. Психология такого типа речевой деятельности языковой личности имеет не только положительную, но и отрицательную стороны, т.к. может отразиться на качестве информации.

В связи с этим приобретает актуальность проблема соотношения языковой нормы и содержания текста, а также психологическая готовность людей к нарушению её под воздействием именно средств массовой информации. Стремление авторов многих публицистических текстов к индивидуальности, использованию собственных различных языковых средств, которые не соответствуют правилам данного типа текстообразования в устной и письменной формах, часто необоснованно воспринимается за «свободу слова». При этом, как верно отмечает И.А. Стернин, «уровень культуры речи упал во всех социальных и возрастных группах» [Стернин 2000: 4-16]. Свидетельством тому служат и интернет-тексты [Губарев, Пискунова 2011: 268-275]. Так, употребление ненормированной лексики в данных речевых ситуациях создаёт два типа психологической семантики: *отторжение* (раздражение / неприязнь / отказ от текста) и *одобрение* (принятие как «своего» текста и своего собеседника). Например: *Чего хотят глаза? Как слезть с трубы (почему чиновники губят научные проекты?); штучная работа (как из малолетних преступников делают джентльменов); звёздный лохотрон (используя известных артистов, рекламики дурят нас); А на утро слинял! (Мужчины уламывают на быстрый секс, а потом не женятся?); Плющенко допрыгался? (Алексей Мишин – о слухах вокруг фигуристов)* (Газета «Аргументы и факты», № 47 (1724), 20-26 ноября 2013 г.).

Поэтому значительную текстообразующую роль на семантическом уровне в структуре текста играет заголовок, его ключевые лексемы. Само понятие заголовка в лингвистической науке связано с психологическим признаком завершённости текстовой композиции. Компоненты заголовков часто приобретают функцию ключевых слов по форме и содержанию одновременно, например: *Плевок в закон:* (о Васильевой Е. – экс-руководителе департамента имущественных отношения Минобороны); *устроилась* на работу «Не кем-нибудь куда-нибудь, а, *на минуточку,*

юристом в адвокатскую коллегия!» (Газета «Аргументы и факты», № 47 (1724), 20-26 ноября 2013 г.).

Сочетание слов в заголовке **плевок** и **закон** мотивирует употребление глагола **устроилась**, т.к. создано единое психологическое семантическое поле **негативной оценки**. Поэтому правомерно появление **кем-нибудь** и **куда-нибудь**. Далее в тексте соблюдается норма использования терминов, что обусловило введение кавычек со словом «мошенничество», «**злоупотребления должностными полномочиями**», **пользоваться**. Затем заголовочное слово **плевок** вновь возвращает читателя к психологической семантике: *заблагорассудится, чудовищно, циничны, изощрённо затягивала, топчет ногами в дорогущих сапогах* и др.

Концентрация языковых средств при передаче этой семантики произошла в следующем предложении: «*Негативные ассоциации у нас не с названием, а с охамевшими от своей беззаконности «неприкасаемыми ВИП-мошенниками».*

Именно фраза, завершающая текст, представляет психологическое содержание всего текста, которое связано с авторским и читательским восприятием, что позволяет сделать адекватным процесс коммуникации, взаимодействие разноуровневых языковых средств, объединенных функцией диалогичности как одной из основных категорий текста [Борисова 2001].

Плевок в закон; от Кремля до лампочки здоровые не болеют; Орфея поменяли на деньги; дружи с мозгом; рубль – пустая бумажка? Языком поработаем? Скользкое кресло; как наказать партию за жулика; мамой быть – любить и не ныть! (Газета «Аргументы и факты», № 47 (1724), 20-26 ноября 2013 г.).

Когда в заголовке газетного текста при употреблении слов может возникнуть ошибочное представление о содержании статьи, авторы используют аннотированные подзаголовки, которые помогают, по их

мнению, получить более точное представление об основном содержании. Желание заинтересовать читателя вызвано тем, что именно наращение дополнительного психологического признака в семантике слова и текста может повлиять на оценку информации. Например: *Откладывать **нельзя***; *своя «автогражданка» **ближе к телу***; *наше здоровье **не нужно***; *мясная **АБВГДейка***; *деньги за **простой** (что дают тем, кто **не работает** у нас и за рубежом)*; *сумасшедший, но ... **гений** (Наталья Белохвостикова – о муже Владимире Наумове, тюльпанной романтике и усыновлении)*; *главный **русский Иван** (Тургенев **вывел** отечественную литературу в мировые лидеры. Пятеро по лавкам; кем на самом деле была Ванга? Существуют ли **сглаз, порча и привороты**? Существует ли **НЛО**? Как научиться **прощать (обиду, измену)**? **Нужен** ли России царь? В чём **тайна Бермудского треугольника**? **Кто** нам Америка? **Энергограбёж** (Газета «Аргументы и факты», № 47 (1724), 20-26 ноября 2013 г.).*

Продуктивность данного способа привлечения внимания читателя подтверждается в таблице 2.4 «Особенности лексического оформления заголовков газеты» лексическим оформлением заголовков и в следующем номере газеты «Аргументы и факты» (№ 48 за 2013 г.) (Приложение 11).

Успешное овладение исходным содержанием слова и текста на фоне допустимых психологических наращений семантики положительного и негативного, не разрушающего языковую личность характера зависит от объема лингвистических знаний коммуникантов. Это подтверждают результаты лексического анализа текстов газеты «Аргументы и факты» (№ 47 за 2013 г.). В этом номере сохраняется принцип построения модели заголовочного компонента газетных статей, которые почти всегда содержат единицы с исходным или приращённым психологическим содержанием:

***глаголы** – **задумал** (положительная и негативная, настораживающая семантика, ожидание поступка с отрицательной характеристикой действия); **молодит** (в современной речи чаще всего употребляется при*

сознательном использовании каких-либо средств для сокрытия естественного состояния и т.п.); *обмани*; *похудеть* (актуальная тема в современном общении);

словосочетания – *разруха в головах*; *национальная гордость*; *станция на крови*; *кристально ясно*; *неизвестный Гайдай*; *девочка в красном*.

Среди данных заголовков выделяется сниженная лексика (*разруха*, *развалится*, *Америка*, *сопли*, *кинули*, *вранье*, *жуткое*, *баловни*, *отмыли*, *Украина развернулась*), языковая игра (*национальность – миллиардер*; *война с Америкой*; *вернуть Аляску*; *развалится Америка*; *лучшее место на Земле*; *мастерски кинули*; *круглый год*; *без лица*; *неизвестный Гайдай*; *чистая энергия рек*; *Париж близко*; *в поисках Дракулы*; *1300 слов про любовь*; *девочка в красном*). Именно такие сочетания уже были ранее известны коммуникантам, но в других условиях формирования и передачи информации (наименования произведений культуры, политическая терминология и т.п.), что придаёт данным заголовкам формулу клише.

Порождение стандартного выражения информации способно привести при ее восприятии к искажению содержания, т.е. появлению нового психологического признака негативного характера. Поэтому стали необходимыми пояснения, которые порой дублируют семантику ключевых слов (*разруха в голове – вранье*; *на крови – жуткое преступление*; *обмани – вранье*; *похудеть – без денег, голоданий и фитнеса*; *девочка в красном – история портрета*; *национальная гордость – имена лауреатов*; *Гайдай – гений комедии*; *Париж близко – выиграли поездку*), или носят противоположный смысл (*в поисках Дракулы – ученые в логово кровавого графа*; *потепления – тарифы остались прежними*; *сила России – конкурс сценариев и фильмов – немало вопросов*).

Безусловно, за пределами такого лексического анализа остается личностное отношение каждого коммуниканта к тексту, но

сопоставительный материал словарных статей, семантические связи слов в тексте позволяют предположить основные варианты содержания и продуктивность такого способа получения информации. Об этом свидетельствует и тот факт, что данная газета до сих пор пользуется популярностью у читателей: тираж газеты 2 213 369 экземпляров; посетители сайта по состоянию на ноябрь 2013 года – 10 020 461 человек.

Развитие психологической семантики публицистического текста в современных условиях речевой коммуникации часто обусловлено актуальностью проблематики. Обсуждаемые общественно-политические вопросы в социуме требуют адекватного к ним отношения и соответствующих решений. Такой важной и неоднозначной для многих, например, стала программа пенсионной реформы, которую по степени сложности содержания и формы текста нельзя считать приемлемой для широких слоев населения, что породило особое к ней отношение. Поэтому лингвистический анализ газетных публикаций, посвященных этой проблеме, позволяет определить основные закономерности выявления, порождения и развития одного из значительных аспектов в информационной структуре слова и текста, к числу которых следует отнести психологическую семантику.

Функционирование лексического компонента в тексте редакционной статьи «Иллюзия будущей пенсии» газеты «Аргументы и факты» № 51 от 18-24 декабря 2013 г. (Зятьков <http://www.aif.ru/gazeta/number/15553.html>) иллюстрирует таблица 2.5 и позволяет выявить лингвопсихологический аспект в организации ключевых слов (Приложение 12).

Следует отметить семантическое расширение следующих лексических компонентов: *иллюзия*, *будущей* – прямое значение и потенциальное дополнительное значение; *пенсии*, *накопленный* – прямое значение и дополнительное психологическое значение (ожидание, неудовлетворенность, страх за свое будущее, раздражение и т.п.);

работодатель, министр труда – прямое значение, дополнительное психологическое значение (реальность действующих лиц, уверенность в объективности фактов) и отрицательное приращенное значение (отрицательное отношение к социальному статусу официальных лиц, ненадежность, обман и т.п.); *деньги, накопления, в негосударственных фондах, «письма счастья», старость, в кредитных учреждениях* – прямое и психологическое значение (раздражение, обида, неуверенность, недоверие, принадлежность и потеря, желание сохранить, поиски защиты, подозрительность, нестабильность, незащищенность и т.п.).

Тематическое объединение ключевой лексики с психологической семантикой продемонстрировано в таблице 2.6 (Приложение 13).

Лексический повтор в различных грамматических вариантах (*пенсия, пенсии, пенсионерам, пенсионный, пенсионных, пенсионная*) и синтаксических позициях позволяет усилить воздействие, сохранить основную информацию, что является одним из признаков функции публицистического текста.

Несмотря на ироничность стиля данной статьи, здесь используется интертекст в виде ссылки на другую публикацию «Почему закачались банки» (*Сомнительные операции сворачивают. Наконец-то испугались?*), в которой даётся комментарий специалистов по поводу понятий *средства накопления, сбережения населения* и т.п. В этом случае психологическая семантика, кроме названия, почти отсутствует.

Функциональную нагрузку в данном тексте выполняют следующие грамматические формы ключевых слов, что отражено в таблице 2.7 (Приложение 14).

В тексте статьи преобладают в различных синтаксических позициях субстантивы, а глаголы приобретают роль дополнительных оценочных компонентов текста: *платит, появляются (из воздуха), слал (письма*

«счастья»), *заработали, демонстрировали, используются (деньги), потушить (пожар)* и т.д.

Психологический эффект функционального воздействия на читателя достигается также фоновыми компонентами текста в их грамматической сочетаемости, среди которых используются стандартные словосочетания. Например: *хочется спросить, простить, маски сброшены, из воздуха появились, власть не ломает голову, раскладывали по полочкам.*

Известные читателю обороты снижают эффект авторского воздействия, создают более комфортное получение информации, актуализируют новые сведения или оценку фактов. Публицистический стиль, как известно, часто известен стремлением к употреблению клише, но здесь, среди субстантивных форм следует отметить наличие достаточно большого количества отглагольных образований, что также придаёт динамизм тексту и создает своеобразную психологическую напряжённость.

Дополнительный семантический психологический признак ключевой лексики «пенсия» обусловлен следующими синтаксическими позициями в предложении, которые отражены в таблице 2.8 с учетом ее структурно-семантических и грамматических разновидностей (Приложение 15).

Употребление слова *пенсия* в последнее время для многих стало своеобразным сигналом для формирования негативной психологической информации, что вызвано обсуждаемой в обществе программы пенсионной реформы. В связи с этим название одной из статей в газете «Аргументы и факты. Тамбов» № 52. АиФ-Тамбов. 25 декабря 2013 г. – 8 января 2014 г. (Алёшин <http://www.chr.aif.ru/gazeta/number/15632>) может обусловить развитие семантики данного типа, т.е. заголовок «*Отобрал пенсии*» достаточно стандартен для подобной ситуации. Сочетание слов в нём стало привычным для коммуникантов именно в плане обсуждаемых вопросов по поводу качества предложенных вариантов расчёта пенсии, но в заметке под рубрикой «преступление» речь идёт о реальном ограблении на территории

Тамбовской области. Здесь слова употреблены в их прямом значении: *по данным областного УМВД России; напали и похитили сумку; на почту за пенсией; грабитель толкнул гражданку, выхватил сумочку из рук и убежал; полицейские установили; задержан и доставлен в ОВД.* Негативная психологическая семантика слова *пенсия* и его производных послужила основой ироничного текста в цикле «Букварь иронии – 2013» в том же номере газеты. Следует отметить, что совпадает прогнозируемая читателем информация, порождаемая этим словом. А. Инин и редакция «АиФ» пишут: *«Пенсия у нас нищенская. Но не у всех. Исключения – чиновники. Мой друг был рядовым клерком в мэрии. Ему назначили пенсию 60 тысяч рублей. А обычные наши бабки получают 10-12... будь здоров и не кашляй! Гуляет горькая шутка в народе. Мол, не принесла результатов очередная пенсионная реформа: пенсионеров в стране остаётся всё ещё много»* (Инин <http://www.aif.ru/society/opinion/1072914>).

Для сравнения следует обратить внимание на традиционное использование слова *пенсия* и его производных в статье «Опять 55» (Пенсионный возраст не будут повышать еще минимум 10 лет)» в газете «Российская газета. Неделя» № 20 (6292) от 30 января – 5 февраля 2014 г.: *«В социальном блоке продолжают настаивать: новая пенсионная формула, по которой начнут рассчитывать пенсии с 2015 года, направляет ситуацию со сбалансированностью между расходами и доходами Пенсионного фонда. Поэтому как минимум в течение 10 лет пенсионный возраст останется прежним: 55 лет у женщин и 60 у мужчин»* (Невинная <http://www.rg.ru/2014/01/30/pensi1i.html>).

Здесь ключевые лексемы имеют терминологический характер.

Следовательно, лексема *пенсия* функционально прошла следующее преобразование: финансовый термин – социально значимое слово (свидетельство честно заработанного социального положения, результат трудовой деятельности, статус заслуженного работника и заслуженного

отдыха, материальное обеспечение) – психологический раздражитель (сомнение, неуверенность, беспокойство, недоверие и т.п.). При этом семантика этого слова всегда имела не только социальный характер, но была связана с сильным психологическим смыслом для многих людей. «Выход на пенсию» – сложный этап в жизни тех, для которых любимая профессия, работа в одном коллективе на протяжении многих лет, становился непреодолимым препятствием, т.к. человек порой не смог принять свое новое состояние. Возникали проблемы адаптации к новой жизни. Кроме осознания успехов и достижений, возникало чувство утраты привычного, продуктивного образа существования. Именно наличие психологической семантики стало причиной ироничного, саркастического оттенка в новом значении данного слова различных типах публицистических текстов, политических дебатов. Изменение семантики слова обусловлено экстралингвистическими факторами, что может быть временным, ситуативным, свидетельствующим о новом характере действий коммуникантов. Данное наблюдение вновь подтверждает положение диссертационного исследования о динамических изменениях в лексической системе и продуктивности развития психологической семантики в условиях современной коммуникации.

Анализ показал, что преобладают синонимичные способы передачи информации двух компонентов в позиции заголовка / подзаголовка текста статей. Например: *пенсию – кошелёк; сад – детских очередей; студента – общежитие; бедного – унифицировать оплату; потерпевшим – жертвам; выстрелил – убил; некомплект – недосчитались; без пригляда – не берут под видеонаблюдение; факела – олимпийский; сняли погоны – приговор; кис-кис – коты; комбат – майор; маршал – Язов; «Зенит» – футбольный клуб.*

Данное соотношение во многом обусловлено тем, что заголовки имеют форму вопросительных предложений, а подзаголовки дают один из

основных вариантов ответа. Это вызвано тем, что редакция газеты часто публикует специальные выпуски номеров, посвященные ответам на вопросы читателей, т.е. высказывания профессионалов по ряду актуальных проблем.

Иной характер приобретают заголовочные компоненты в общенациональной общественно-политической газете – «Российская газета. Неделя» (№ 275 (6251), от 5 декабря 2013 г.). Информационный материал тематически во многом совпадает особенно в новостных статьях, и это естественно, но лексический состав, его стилистическая окрашенность иная. Отличаются и подзаголовки, которые скорее напоминают краткую форму аннотации в виде одного предложения. Поэтому возрастает нагрузка на семантический объем каждого слова: осуществляется строгий отбор слов; преобладает нейтральная лексика; больше однозначных слов; количество терминов достаточное.

Сравнительный анализ лексических компонентов по тематическим рубрикам отражен в таблице 2.9, где за основу сходства был выбран психологический семантический признак (Приложение 16).

Не следует забывать о влиянии таких экстралингвистических факторов на психологическое содержание текста, как на уровне отдельных ключевых компонентов, так и всей композиции. К числу таких факторов можно отнести знания из профессиональной или культурной областей, жизненного опыта человека и соблюдения народных, социальных традиций, обычаев, обрядов.

Текстовое общение может проходить с большим психологическим напряжением и занимать большую часть в семантическом объеме сообщения. Так, в разделе «Телевидение» газеты «Российская газета. Неделя» № 120 (6392) от 29 мая 2014 г. обсуждался один из актуальных вопросов о соотношении в одновременном показе заключительного матча «Россия – Финляндия» Чемпионата мира по хоккею на Первом канале

телевидения и четырехсерийного фильма Владимира Хотиненко «Бесы» по роману Ф.М. Достоевского, чему и была посвящена статья Сусанны Альпериной «"Бесы" и хоккей». Можно ли показывать сериал в один день с выборами и «матчем года»?» (Альперина <http://www.rg.ru/2014/05/29/hotinenko.html>). На сообщение о том, что по результатам показа *пришли рейтинги, у хоккея доля 47 – это очень высоко*, и вопрос о том, расстроился ли режиссер, когда увидел такие цифры, В. Хотиненко ответил: *«Нет. Я спокойно к этому отношусь – говорю искренне. Во-первых, мой фильм не для сумасшедших рейтингов. Это немножко серьезнее, чем хоккей смотреть. Поэтому не сокрушаюсь. А поскольку у меня есть запасные патроны в виде киноверсии и показа на «Культуре», я спокоен. И более всего потому, что надеюсь на долгую жизнь картины. Это важнее, чем одноразовый всплеск. После показа «Бесов» у меня телефон оборвали. Дело даже не в том, хвалят или нет. Меня больше интересует точность оценок. Во-первых, что не отпускает действие, что оно очень наэлектризовано. Отмечают игру актеров. Некоторые люди мне звонили почти со слезами, с надрывом. Так почувствовали картину...»* (Альперина <http://www.rg.ru/2014/05/29/hotinenko.html>).

Выделенные компоненты подтверждают наличие в тексте психологической семантики различных типов и способов выражения от грамматических форм знаменательных слов до служебных слов. Прежде всего, обращает на себя внимание повтор местоимения **я** и его производных: *я – 2, мой – 1, меня – 3, мне – 1*, что подтверждается личными формами глагола, т.е. 1 л., ед. ч.: *говорю, отношусь, не сокрушаюсь, надеюсь*. В небольшой по объему ответной реплике данное употребление подтверждает личную причастность к высказываемому, оценочному событию. В ответе есть и слова, тематически обусловленные содержанием: *положительные эмоции – спокойно, искренне, серьезнее, не сокрушаюсь, спокоен, надеюсь, на долгую жизнь (картины), важнее, интересует*,

точность, не отпускает действие, отмечают игру актеров, почувствовали; отрицательные эмоции – не для сумасшедших (рейтингов), одноразовый всплеск.

Значительную роль выполняет лексика с особым, напряженным содержанием, что проявляется на фоне повышенной эмоциональности при внешней простоте речевых форм (простые синтаксические и упрощенные сложноподчиненные конструкции) в устойчивых речевых оборотах: *запасные патроны, на долгую жизнь, одноразовый всплеск, телефон оборвали, дело даже не в том, больше интересует, точность оценок, очень наэлектризованы, с надрывом, со слезами, почувствовали.* Поэтому дополнительную функцию приобретают в тексте и синтаксические конструктивные компоненты (союзы, союзные слова, вводные слова): *во-первых, чем, поскольку, потому, в том.*

Повышенную эмоциональность, психологическую напряженность, переживание, осознание своей ответственности и причастности, надежды и уверенности, передает допущенная логическая ошибка в виде повтора *во-первых*. Кроме того, из 88 единиц текста (не учитывались лишь частицы и предлоги в ряде грамматических форм слов) половину – 48 единиц – составляют компоненты с психологической семантикой.

Определяющими в формировании психологической семантики в структуре многих текстов могут быть ключевые слова, обозначенные в заголовочном компоненте, когда уже основная информация как известный факт приобретает фоновый характер. Так, в очередном номере газеты «Аргументы и факты» (№ 23 (1752), 4-10 июля 2014 г.) в рубрике «Перво-наперво» помещена статья психологически сложного содержания «Первые жертвы в жерновах ЕГЭ» (с. 1). Среди терминологических слов и словосочетаний выделяются лексемы с исходным психологическим значением (Приложение 17). Например:

тематическая группа лексики с информацией о ЕГЭ – результаты ЕГЭ, предметы, школьная экзаменационная пора, 11-классник, итоговой двойки, не допустили, ЕГЭ по математике, сдал ЕГЭ по русскому языку, количество, низких баллов, прокуратура, подсчитав, из региона, в прошлом году, экзаменов, в масштабах страны, госэкзамена, ежегодно, измеряется, отметки, школярам, разрешить сдавать ЕГЭ;

тематическая группа лексики с исходным психологическим содержанием – унесла первые жизни, повесился, свел счеты с жизнью, убил себя, не дождавшись оценки, потенциальных самоубийц, ждет приговора, прокуратура, 22 попытки суицида, до страшного ЧП, с призывом, потенциальных жертв, отчаяния, доведены дети, психологически здоровые, готовы лезть в петлю, удивительного, не сдашь ЕГЭ, никуда не поступишь, неудачник, чудовищных самоубийств, перенервничал ли ребенок, испугался ли, забыл, будет выход, не сдавшие, видят для себя лишь один выход – покончить с собой;

нейтральная лексика различного содержания – не обнародованы, многие, не сданы, унесла, первые, жизни, в Свердловской области, в Волгоградской области, другой, обращалась, сотнями, растет, представляете, нормальные, остановить;

лексика с текстовым психологическим актуальным содержанием – еще, даже, вовсе, пока, уже, потому что, плохо, кстати, прокуратура, по причине, до какой степени, постоянно, твердят, волну, простым способом.

Некоторые слова имеют динамический характер семантики, что позволяет им выполнить несколько уровней формирования общего текстового содержания. Например: *прокуратура* – термин юридического информационного поля и слово с семантикой психологического содержания как символ контроля и наказания, а также слово с индивидуальным текстовым содержанием; *экзамен* – термин системы

образования как форма отчета и один из признаков сложного стрессового состояния человека и уровня психологического возбуждения или угнетения, а также символ справедливой или несправедливой оценки человека человеком как индивидуальное определение окружающего мира.

Проявление психологической семантики возможно в текстах с потенциально возможным развитием данного содержания, несмотря на юридическую нормативность. Это связано с особенностями газетной позиции, т.е. характером рубрики. Так, вновь в газете «Аргументы и факты» (№ 19 (1748) от 7-12 мая 2014 г.) в редакционном разделе «Перво-наперво» стилистически неоднородно оформлена лексика статьи «В неоплатном долгу». Прежде всего, название раздела и статьи противопоставлены как «высокий – сниженный, просторечный, низкий» (Приложение 18).

Распределение слов по стилистическому признаку отражено в таблице 2.10 (Приложение 19).

Следует отметить, что слова и словосочетания с признаком «низкий» приобрели в тексте анализируемой статьи эту стилистическую окрашенность по сравнению с нейтральными компонентами, хотя для современной публицистики стало традиционным данное употребление. Нейтральные лексемы во многом носят терминологический характер. Общая высокая «тональность» текста, его пафосность обусловили то, что ключевыми единицами текста стали нечленимые предложения, которые в лингвистической практике принято называть текстовыми единицами с определенной семантикой, т.е. в данном случае *текстовые единицы с психологической семантикой* [Пискунова 2002]. Именно их наличие придает тексту авторскую индивидуальность по сравнению с другими группами слов и словосочетаний в пределах одного текста, несмотря на общеупотребительность лексического способа выражения.

Пример формирования различных типов информации в современном публицистическом тексте раскрывается при лингвистическом анализе статьи «Салют, Исаич...» в газете «Российская газета» № 275 (6251) от 5 декабря 2013 г. под заголовком «За эти два слова поэту Евгению Маркину сломали жизнь», посвященной 95-летию со дня рождения А.И. Солженицына (Шеваров <http://www.rg.ru/2013/12/05/markin.html>), что подтверждается наличием актуализированной психологической семантики в словах *салют, сломали жизнь*: *важно вспомнить, невероятную судьбу, на его стоическом пути, сочувствовал автору, ломали жизнь, под присмотром, сомнение, неверия, об опасности в пути, исключают из Союза писателей, в житейском плане не являл собой образец благообразия, то-то скандалу было потом, догадались (!) и исключили-таки бедного Женю из СП, неудобного, неуправляемого, легко засадить за решётку, под большим нажимом, тогдашнего обкома партии, находятся «правдорубы», почему не лёг на амбразуру, сгубивший многих талантливых людей, не стоило бы обращать внимание, не может за себя постоять, любят и почитают* (Шеваров <http://www.rg.ru/2013/12/05/markin.html>).

Функцию психологического признака в семантической структуре текста выполняют словосочетания, которые вне данной статьи имеют нейтральный характер. Выборка ключевой лексики подтверждает то, что она достаточно полно отражает информационное поле статьи. Так, общую тональность психологического плана придают вводные слова и сочетания: *в частности, казалось бы, говорят они, наверное*. Функция стандартных вводных компонентов актуализирована на фоне противопоставления историческим фактам и их личностной оценке, которая в данном случае приобретает объективный общепринятый характер. Поэтому данный способ формирования авторской позиции, что естественным образом связано с развитием психологической семантики в тексте, стал одним из

продуктивных при общении коммуникантов в современной речевой деятельности.

Тематически связанным с данным типом публицистических текстов можно считать и статью «Вдохнуть и выдохнуть свободу» газеты «Российская газета» № 275 (6251) от 5 декабря 2013 г. (Васильева <http://www.rg.ru/2013/12/05/ottepel.html>) о премьере на Первом канале телевидения фильма «Оттепель» Валерия Тодоровского. Жанр статьи в рубрике «Кино» позволяет более свободно использовать лексику эмоционального плана, а это отражается на формировании психологической семантики всего текста. Именно поэтому здесь встречаются следующие лексические компоненты грамматических классов слов, как одиночные, так и в составе свободных и фразеологизированных словосочетаний. Например:

существительные – *преьера, в среде кинематографистов, культуру, травля, процесс, министр-фронтовик, писатель, сюжет, цензура, картина, ревность и т.д.;*

глаголы – *действие разворачивается, случилось, пришло (новое поколение), защищаться, приоткрыли, не опустился, завязывались (отношения), чувствовал, подтягиваться, романтизировать, случилось, «итальянская неделя кино», «французская неделя» и т.д.;*

прилагательные – *интеллигентный, талантливый, драматичный, свирепая, бессмысленная, новое, замечательная, выдающаяся, профессионального (круга), сплочённая, творческие и т.д.;*

наречия – *тайком, спорно, следом, назад, тесно, полезно, постоянно;*

словосочетания – *после долгого застоя, возрождался советский кинематограф, непосредственных участников событий, золотой век, новое поколение, новый взгляд, легли на полку картины, вдохнули свободу, но быстро выдохнули.*

Среди них есть особые лексические «сигналы» психологической семантики: *такой же «барбос»; о старости и самоубийстве Радищева; «держиморды»; режим; диссидентского движения и аресты; фильмы ложатся на полку; эпоха «малюкартинья»; сердечный приступ; некоторое политическое послабление; играл политическую роль; Всемирный фестиваль молодёжи и студентов; до настоящих диссидентов было ещё далеко.*

Знание истории и культуры, особенностей «оттепели» 60-х годов XX века позволяют читателям понять и принять дополнительный психологический смысл этих лексических компонентов текста.

Грамматическая форма отдельных текстовых единиц может повлиять на развитие психологического признака в семантической структуре слова с признаком политического содержания. Так, в информационной статье «Не переборщить» в выпуске «Российской газеты» № 275 (6251) от 5 декабря 2013 г. о том, что «Владимир Путин пообещал студентам не вводить новых ограничений в Интернете» (Кафтан <http://www.rg.ru/2013/12/05/putin-mgu.html>), обращают на себя внимание следующие глаголы: *не переборщить, пообещался, назрели, не трогал, захлестнул, загнать, закрутить*. Следует признать, что разговорный стиль данной статьи соответствует речевой ситуации общения президента со студентами юридических вузов в МГУ: общность профессии, учебная аудитория вне занятий.

Подтверждением этому служит и тот факт, что в тексте основную нагрузку выполняют термины: *юристы, о поправках в Конституцию, права и свободы граждан, коррективы, внести уголовную статью, за пропаганду сепаратизма* и т.д. Определённая психологическая оценка присутствует в таких словах, как *возможны, незыблемы, вообще, нельзя, ответственности, хотелось бы, с удовольствием, любит, интересно, понятно, национальных героев, явный перебор*.

Подобным же образом возможно появление дополнительного психологического смысла и в редакторской статье журнала «Биография» (№ 13 (109), декабрь 2013 года – С. 3): *«Вы держите в руках новый выпуск «Золотой коллекции» журнала «Биография». В него вошли материалы, посвящённые выдающимся актёрам, актрисам отечественного кино, в разные годы увидевшие свет на страницах нашего журнала. Жаль, если какой-то из них вы пропустили. Потому что Роль – именно так с большой буквы, – этих людей неизмеримо больше, чем вмещает понятие «звезда» экрана. Они и их герои определяли саму жизнь страны».* Данная публикация направлена на формирование читательского интереса, положительных эмоций по отношению к статьям, посвящённым описанию жизни и творчества Л. Орловой, А. Кайдановского, Е. Леонова, Н. Мордюковой, Л. Филатова, Р. Зелёной, Ю. Богатырёва, В. Серовой, чьи имена у любителей кино уже вызывают определённые чувства, заинтересованность.

Следует учитывать также то, что положительное или отрицательное отношение к фактам зависит от особенностей языковой личности получателя информации.

Разнообразие газетно-публицистических тем отражается на лексике текстов, одним из характерных признаков которых является социальная оценочность с приращенным психологическим содержанием, что порождается самой ситуацией общения. Г.Я. Солганик считает, что публицистическая речь, с точки зрения структуры, однослойна в отличие от художественной, она представлена авторским монологом, ожидаемым диалогом, что является признаком ее специфики, силы, выразительности [Солганик 2003: 312-315]. Автор добавляет, что это позволяет данному типу речи прямо, открыто, эмоционально выражать чувства и мысли. Следует добавить, что именно данные признаки присущи порождению и

восприятию психологической семантики в процессе текстовой коммуникации.

Особое место в системе публицистических текстов занимают очерки А.И. Солженицына. Именно его статьей «Что нам по силам» открывался в 2008 г. Новый интеллектуальный проект «Какой быть России?» в газете «Аргументы и факты» (№ 5, с. 3). Была объявлена открытая дискуссия для тех, кого *не оставят равнодушными* темы проекта, ведь в руках каждого судьба России, завтрашнего дня России. Данное определение проблем по своей семантике уже носит психологический характер, который связан в статье А.И. Солженицына с авторским использованием нестандартной лексики, словообразованием, формами слов и словосочетаний, когда почти каждый компонент текста обладает дополнительным смыслом, силой воздействия, авторской стилистикой. Например: *«ПРИ нынешнем тугосвязном и тревожном состоянии дел по всей Земле – российскому правительству, разумеется, не дано и на час забывать ни о внешней защите страны, ни о ее месте в международьи (уже было утерянном, но в последние годы отчасти восстановленном). И глаз не спустить с дальних путей государственной политики, трудно предвидятся, нелегко просчитываются (как вот – возросший энергетический и продовольственный спрос новокрепнувших стран Востока и др.). Это – дороги близкие».*

«...– первейшим – да не всякого номерного перечня! – правительственным долгом всегда должно оставаться СБЕРЕЖЕНИЕ НАРОДА, обеспечение условий для его физического благоденствия и нравственного здоровья».

«Если мы не научимся брать в свои руки и деятельно обеспечивать близкие, жизненные наши нужды, не видеть нам благоденствия ни при каких золотовалютных запасах» (Газета «Аргументы и факты», № 5, 2008).

Авторская орфография и пунктуация сохранены в тексте статьи, что свидетельствует о ее особом статусе в публицистическом пространстве.

Преобразование в семантической структуре слова, о чем уже было сказано ранее, способствует приобретению психологического содержания в тексте, поэтому подтверждением данного процесса служит пример авторского приема рассмотрения одной конфликтной ситуации в публицистических очерках журналиста Е. Писарева («АиФ», Тамбов, 2014).

Одна из статей называется «Дрова нужны?» с подзаголовком «Цветочные клумбы вместо деревьев» и подписью под фотографией: «Законодатели зеленой моды рекомендуют деревьям короткие стрижки». К статье прилагается комментарий специалиста: *«Не все горожане негативно относятся к производимой обрезке деревьев. Главная задача обрезки – это достижение максимального декоративного эффекта или оптимальной продуктивности, создание привлекательной формы и внешнего вида растений, обеспечение сбалансированного роста, цветения и плодоношения. Вопросы застройки городских территорий рассматриваются и утверждаются на градостроительном совете, членом которого наша дирекция не является»* (Газета «Аргументы и факты. Тамбов», № 12, 2014).

В данном ответе дирекции можно увидеть переключку лексики со статьей: *дрова – обрезка деревьев; зеленой моды – декоративного эффекта, привлекательной формы; короткие стрижки – обрезке, внешнего вида. Требуется разъяснение по поводу слов вопросы застройки, территорий и т.п.*].

Лексический анализ статьи Е. Писарева позволяет определить причину авторского негативного отношения к обсуждаемой проблеме, т.е. позицию публициста, это отразилось на психологическом напряжении содержания текста. В качестве ключевых компонентов следует считать

следующие, которые тесно связаны с фоновыми единицами: *«на улице ... деревьев не осталось; победой над деревьями, которые давали тень и хоть как-то защищали прохожих от пыли; сады – под топор; на оставшиеся зеленые пяточки положили глаз алчные владельцы сетевых супермаркетов; внушительная часть старинного парка в центре города, несмотря на протесты горожан, уже захвачена монументальным торговым центром; у самой воды уничтожены плакучие ивы, часть лип; пней от спеленных деревьев; усеян и противоположный берег; уничтожение деревьев на берегах приводит реки к обезвоживанию»*.

Конфликт обозначен, но, несмотря на все попытки горожан решить его правовым способом, выхода пока нет, поэтому автор статьи находит решение только в сатирической оценке ситуации: *петицию горожане направили «народным заступникам»; там долго изображали активную умственную деятельность и решили, что жители с жиру бесятся; на зеленом участке стали рыть котлован; очередной конторы для чиновников; очередной офис улучшит микроструктуру; на месте сквера «сажают» автозаправку; город «объелся» торговыми центрами; градостроительный чих; город выполняет план по заготовке дров»* (Газета «Аргументы и факты. Тамбов», № 12, 2014).

Спустя некоторое время тема была продолжена Е. Писаревым в статье «Топорная работа» с подзаголовком «В Тамбове почти не осталось парков» (Газета «Аргументы и факты. Тамбов», № 24, 2014), посвященной истории парков и скверов, сохранившихся в черте города рощ с дикими птицами и редкими растениями, занесенными в Красную книгу. Общая тональность текста изменилась, употребление терминов, специализированных словосочетаний из области архитектуры, градостроительства, официальной документации придали ему нейтральную стилистическую окрашенность. Семантика текста приобрела

информационный характер, хотя использование просторечной лексики несколько снижает стиль газетной публицистики.

Сочетание нейтральной по функционально-стилистическому признаку лексики со словами, номинирующими исторические факты, оценку событий, делают психологическую семантику объективной. Сведения, которые получены в процессе трансформации отношений «порождение – восприятие – порождение» на основе взаимодействия «автор – читатель», приобретают адекватный характер, что позволяет психологической семантике стать актуализированной, привлекающей внимание. Этому способствует и достаточно популярный способ её формирования (известные словосочетания, преобразование или цитирование пословичных текстов, узнаваемых афоризмов и названий художественных, кино- и телевизионных произведений и т.д.), что приводит к наложению моделей известных знаний в сознании читателя и моделей текстовой информации, т.е. её узнаваемости, созданию психологического эффекта присвоения.

Следовательно, лексический состав публицистических текстов способен стать одним из ведущих средств образования психологической семантики, что связано с переносом слов из функционально-стилистических разновидностей текстов в иную для них речевую ситуацию, а также с преобразованием основного содержания слов в новом информационном поле. Данные процессы во многом обусловлены речевыми действиями автора, его умением описать актуальную для читателя тему и знанием исторических и современных проблем.

Поэтому наложение таких авторских и читательских языковых подсистем лексики и других единиц также отражается на психологии общения. Именно вербальный способ общения обеспечивает возможность приобретения значений, смыслов, оценку психологических признаков текста, хотя они по содержанию могут иметь как объективный, так и

субъективный характер. Это связано, прежде всего, с доминирующим характером роли автора как отправителя информации, но затем происходит преобразование ролей коммуникантов. Конечный результат общения зависит уже от читателя, получателя информации, что обусловлено одним из основных принципов коммуникации – *диалогичностью*. Именно этот фактор допускает относительную свободу интерпретации, но в её разумных пределах.

Таким образом, для современной языковой коммуникации посредством публицистических текстов характерно повышенное использование психологического воздействия за счет следующих приемов:

- актуализация психологического признака при употреблении лексики с эмоциональным исходным или приобретенным содержанием;
- увеличение функциональной значимости негативной, отрицательной семантики в заголовках и основном тексте газетных публикаций;
- преобразование нейтральной лексики в плане содержания и функции при порождении и восприятии психологического информационного поля, что приводит к возникновению агрессии, стрессового состояния и т.п.;
- использование просторечий, вульгаризмов как способа привлечения внимания и увеличения доступности получения информации;
- снижение стилистических и грамматических норм употребления языковых средств, что часто противоречит содержанию политических, информационных, очерковых статей;
- тенденция к увеличению объема астрологических, рекламных текстов, порождающих различного типа психологическую реакцию, зависимость от полученных сведений.

§ 4. Семантическое расширение слова в художественном тексте: лингвopsихологический аспект

Специфика речевой организации творческой языковой личности связана с индивидуальными особенностями, с проявлением социально выработанной системы языка, а также переработкой речевого опыта индивида, о чем в свое время писал Л.В. Щерба [Щерба 1974: 24-39]. Безусловно, в определении семантического объема художественного слова необходимо учитывать, по мнению Л. С. Выготского [Выготский 2001], акт обобщения (когнитивный аспект) и общения (социальный аспект). При этом существует общее в составе ассоциативных и ситуационных тематических полей, о чем свидетельствует опыт дистрибутивно-статистического анализа слов-тем [Мартинович 1993: 95].

Проблема семантического расширения слова в тексте, а вместе с ним и самого текста, имеет давние традиции лингвистического решения и представляет собой сложное, многоаспектное явление. Г.О. Винокур еще в 1947 г. Писал о том, что смысл художественного слова «не замыкается в его буквальном смысле» [Винокур 1959: 390-391]. Именно поэтому эстетическая актуализация ключевых слов, их семантическая и эстетическая трансформация на уровне текстовой парадигматики и синтагматики в соответствии с коммуникативной стратегией автора определяет индивидуальность его стиля [Болотнова 2000: 7]. Это делает правомерным рассмотрение особенностей психологической семантики в различных типах художественных текстов.

Поэтический текст занимает особую высшую ступень культурной коммуникации, которая представляет собой совокупность взаимодействий «культурного сознания с внешним и внутренним миром» [Кроул 1997], «процесс передачи сообщений, обмена сообщениями, связанный с

порождением, организацией, переработкой, хранением, трансформацией и передачей сообщений» [Алефиренко 2002: 97].

Информационное расширение слова, его семантического объема в художественном тексте может выполнять особую роль в создании психологического содержания, что зависит от индивидуальности, авторского опыта, приводит к изменению исходной, приращенной, диагностической, дополнительной, исторической, социальной, философской, эстетической и других видов семантик [Пискунова 2002].

Данные виды информации обусловлены собственно историческим развитием языка и художественным отражением картины мира и могут присутствовать в текстовых единицах одновременно или ситуативно. Одни из них во многом носят индивидуальный характер авторского порождения (писатель) и восприятия (читатель), а также их взаимодействия (автор / читатель – читатель / автор). Именно речевая деятельность языковой личности в творческом процессе коммуникации является свидетельством присутствия или развития психологического признака в семантике текста.

Слово может сохранить свое психологически независимое значение, приобрести его при изначальном отсутствии, что происходит в конкретном случае текстообразования. Например, в стихотворении Б. Пастернака «Девочка» следует отметить наличие исходного и приобретенного, приращенного психологического значения.

Б. Пастернак

Девочка

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана

Из сада, с качелей, с бухты-барухты
Вбегают ветка в трюмо!
Огромная, близкая, с каплей смарагда
На кончике кисти прямой.

Сад застлан, пропал за ее беспорядком,
 За бьющей в лицо кутерьмой.
 Родная, громадная, с сад, а характером –
 Сестра! Второе трюмо!
 Но вот эту ветку вносят в рюмку
 И ставят к раме трюмо.
 Кто это, – гадают, – глазам не рюмит
 Тюремной людской дремой?

(Лето 1917 г.)

В этом стихотворении все пронизано предчувствием грядущих перемен, назревающего конфликта, где красота цветущего сада, мир человека зависят от его поступков, психологии сознания. В начале текста автором использована группа слов: *Из сада, с качелей, с бухты-барахты // Вбегает ветка в трюмо!* Из шести слов в каждом можно предположить наличие данных видов психологической семантики: *из сада* – дом, семейный уклад, благополучие, ностальгия по старому укладу жизни, воспоминания о детстве; *с качелей* – детство, детские воспоминания, удовольствие; *с бухты-барахты* – беспорядочно, неожиданно, озорно и т.п.; *вбегает* – совершение действия, но быстро, неожиданно, стремительно, оживленно, эмоционально и т.п.; *ветка* – часть дерева, осознание живого из сада; *в трюмо* – зеркало, но как реальное отражение, в истории народной культуры связано с тайной, загадкой, с потусторонним миром, предсказание, гадание, порождение негативных эмоций и т.д.

Некоторые из перечисленных значений имеют исходный или приращенный психологический текстовый смысл, что создает при адекватной реакции читательского восприятия егоперспективу. Проводя лингвистический анализ при рассмотрении грамматической формы текста как компонента системы данного стихотворения, исследователь С.В. Пискунова считает, что основное содержание передается в рематической

части: *Кто это, – гадает, – глаза мне рюмит // Тюремной людской дремой?* [Пискунова 2002]. Можно согласиться с этим, т.к. здесь употреблены глаголы *гадает*, *рюмит* и прилагательные *тюремной*, *людской* в сочетании с субстантивной формой *дрема* глагола *дремать*.

Обращает на себя внимание концентрация психологической семантики. Наличие сложной вопросительной конструкции в конце текста свидетельствует о напряженной ситуации, которая возникла с появлением строки о втором трюмо (*Родная, громадная, с сад, а характером – // Сестра! Второе трюмо! // Но вот эту ветку вносят в рюмке // И ставят к раме трюмо*).

Жизненный конфликт, противопоставление мира детства («*Девочка*», *качели, сад*) и окружающего жестокого мира (*Тюремной людской дремой*) моделируют психологическое состояние автора (*гадает, глаза мне рюмит*). Не случайно здесь употреблен древний глагол *рюмит*, который в словаре В.И. Даля отмечен как «плач детей», капризный и долгий, что должно вызвать снисходительное отношение [Даль 1956]. Во многих говорах это слово известно в несколько ином значении, более точно передающем душевное состояние человека, когда в предчувствии беды глаза застилают слезы. Лексическая сочетаемость в тексте подтверждает это: *Сад застлан, пропал за ее беспорядком, // За бьющей в лицо кутерьмой*. Но здесь глагольная форма *застлан* использована в прямом значении «закрывать, накрыть» и дополнительно как обозначение одного из живописных приемов, т.е. наложения красок, не скрывающих основной фон. Меняется и ролевая установка: *вбегают ветка в трюмо – эту ветку вносят в рюмке // и ставят к раме трюмо*. Оппозиция (*вбегают – вносят*) приобретает психологический характер негативного воздействия. Грамматическая форма *трюмо* получает развитие: от *в трюмо* (простое отражение) к *раме трюмо* (сочетание несогласованного актуализированного определения с тем же существительным уже свидетельствует о насильственном

отражении в ограниченном пространстве). Эффект измеренного отражения усиливается за счет семантики глаголов в форме множественного числа без указания на лицо, совершающее действие, которое также находится в оппозиции к автору: *глаза мне рюмит – вносят, ставят, гадают* (изменение числа в этом ряду создает эффект прямого воздействия).

Проектирует развитие психологической семантики употребление эпиграфа из стихотворения М.Ю. Лермонтова, что приобретает тематический и текстообразующий смысл: *Ночевала тучка золотая // На груди утеса-великана*. Кроме того, здесь прослеживается дополнительная информация и о сути творческой личности, традициях, знании культуры и философии, т.к. перед читателем предстает одно из произведений русской литературы и авторского цикла «Сестра моя – жизнь», одного из сложнейших поэтических философских размышлений. За счет семантического расширения слова в поэтическом тексте психологического плана становится реальностью коммуникативная значимость речевой деятельности человека, а затем и лексической системы. Все это свидетельствует об особых правилах формирования и функции психосемантики в художественном тексте.

Примером сложного сочетания исходной и приращенной авторской и читательской психологической семантики, связанной с процессом порождения положительных и отрицательных эмоций в одной тематической группе лексики, может служить стихотворение Б. Окуджавы «Я дарю тебе к светлому празднику...»:

Б. Окуджава

Я дарю тебе к светлому празднику множество

всяких странных вещей:

звон неожиданных звонков,

запах блюд, не сготовленных вовсе,

и мужество

ни о чем не жалеть...

и охапки цветов,

не проросших еще

ароматных и бархатных,

удивление,

надежду на добрую весть,

вид из окон (еще до сих пор не распахнутых)

на дорогу (которая, может быть, есть) (1967)

Отсутствие авторского названия произведения, языковая форма текста позволяют сделать вывод о характере психосемантики. Обращает на себя внимание расположение строк, слов, предложений в тексте, что создает дополнительный психологический эффект. Результаты анализа отражены в таблице 2.11, в которой распределены ключевые лексемы с учетом исходного содержания (данные словарной статьи) и приращенного (текст) как потенциального для развития психологической семантики в процессе текстовой коммуникации нейтрального характера, т.к. допустимы индивидуальные варианты восприятия и последующего порождения лексического значения (Приложение 20).

Для определения исходного значения слов необходимо использовать материалы словаря, который отражает состояние лексики русского языка того времени, что наиболее полно передает ее коммуникативную роль на период написания стихотворения. К числу таких справочников относится «Словарь русского языка» С.И. Ожегова, издание 16-е под редакцией Н.Ю. Шведовой [СРЯ 1984].

Рассматривая проблемы и правила синтаксического и актуального членения текста на примере данного стихотворения Б. Окуджавы, С.В. Пискунова отмечает, что «по семантике произведения можно определить структуру не только композиции, но и отражение в ней социальных ролей, психологических мотиваций, характера мысли» [Пискунова 2002: 310].

Действительно, именно синтаксическая организация этого стихотворения создает психологическое единство текста: по структуре данная композиция представляет собой одно простое, осложненное однородными членами предложение, в котором при актуализированном обобщающем компоненте перечислены «странные вещи», в которых отражен мир отношений мужчины и женщины. Наличие вставных компонентов предложения усиливает ощущение мечты и реальности, надежды и ожидания и т.д.

Поэтому ключевая лексика при выполнении своей прямой функции вносит психологическую семантику, скрытую в словарных статьях, но получившую развитие в процессе текстовой коммуникации на всем речевом пространстве языковой культуры, что находит свое отражение в сознании человека. В связи с этим одним из примеров соотношения авторского знания об истории слов, их семантике и функциональной значимости в тексте может служить творчество А. Блока, Б. Пастернака. Например, в стихотворении А. Блока «Гамаюн, птица вещая» для современного читателя станет психологическим препятствием в восприятии поэтической семантики употребление ряда слов, но именно они приводят к их актуализации:

Вещает иго злых татар,

Вещает казней ряд кровавых,

*И **трус**, и голод, и пожар,*

Злодеев силу, гибель правых... (А. Блок «Гамаюн, птица вещая»).

Стихотворение написано в 1899 г., и для читателя того времени не было сложным понять, что *гамаюн* – это, по древним поверьям, сказочная птица с человеческим лицом и что есть картина В.М. Васнецова с таким названием, которую А. Блок в том же году увидел на персональной выставке художника (под впечатлением от картины и было написано стихотворение), а *трус* – это землетрясение. В другом стихотворении «Офелия в цветах, в уборе...» поэт использует слово *нимфы* (нимфеи):

А мимо тихо проплывало

Под ветками плакучих ив

Ее девичье покрывало

*В сплетеньи майских роз и **нимф*** (А. Блок «Офелия в цветах, в уборе...»).

Содержание стихотворения приобретает дополнительную поэтическую образность, если вспомнить о том, что **нимфы** – это цветы, кувшинки, которые в русской народной традиции имели значение оберега, а также символа девичества, чистоты. Дополнительный смысл приобретают ключевые слова и в стихотворении «О край небес – звезда омега...»:

*О край небес – звезда **омега**,*

*Весь **в искрах**, **Сириус** цветной.*

*Над головой – немая **Вега***

Из царства сумрака и снега

Оледенела над землей (А. Блок. «О край небес – звезда омега...»).

Поэт использует известные в астрономии факты о том, что эти звезды Сириус и Вега принято считать цветными и обозначать в системе классификаций греческой буквой – «омега». Отсюда и определение: *Сириус цветной, весь в искрах, над вечно пламенной звездой*. А позднее он напишет: *...мне Сириус сверкал // Дрожал и искрился над бездной, // Прими, **стоцветная**, звезда!* (А. Блок. «Когда же смерть? Я все перестрадал...»).

Данный прием использования астрономических знаний в семантической структуре поэтического текста был также осуществлен А. Блоком в стихотворениях «Сердца и спутники», «Близнецы» из книги «Близнец в тучах» (1913 – 1914 гг.). Информационное поле данных текстов отличается особой сложностью, обусловленной составом лексики, ее многоаспектным содержанием, что порождает при его восприятии

дополнительную психологическую нагрузку. Так, в стихотворении «Близнецы» поэтом вновь актуализирована тема звезды, судьбы человека (Водолей – знак водоноса, Близнецы, Кастор и Поллукс в созвездии Близнецов – легенды древнегреческой мифологии и т.д.).

Развитие дополнительной психологической семантики в структуре поэтического текста имеет давние традиции, свидетельством чему является стихотворение А.С. Пушкина «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», где оценка лексических компонентов позволяет убедиться в этом: *парки – бабье – лепетанье – скучный шепот – укоризна – ропот – от меня чего ты хочешь – зовешь – пророчишь – понять хочу – смысла я в тебе ищу* (о богине человеческой судьбы и судьбе поэта). Но и начало текста при кажущейся простоте слов вызывает напряжение, не случайно здесь находятся рядом следующие лексемы:

Мне не спится, нет огня

Всюду мрак и сон докучный.

Ход часов лишь однозвучный

Раздается близ меня (А.С. Пушкин. «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы»).

Ср.: *всюду мрак* – темно, темно ночью, вокруг, везде, во всем мире; *сон докучный* – раздражение во время бессонницы, надоедливый сон вокруг и в жизни, равнодушие и т.п.; *ход часов... однозвучный* – монотонность звуков раздражает, повтор одного и того же, монотонность, иного в жизни нет и быть не может, одна и та же мысль не дает покоя и т.д. Анализ текста требует от современного читателя специальной лексикографической работы.

Сочетаемость слов в тексте часто способствует появлению нового смысла, увеличивает их семантический объем, что и произошло, например, в стихотворении М. Цветаевой, название которого говорит уже об этом – «Слова и смыслы» (1932 г.):

Проводами продленная даль...

Даль и боль, это та же ладонь

Отрывающаяся – доколь?

Даль и боль, эта та же юдоль (М. Цветаева «Слова и смыслы»).

Основные смысловые связки, поддерживаемые фонемными повторами, порождают дополнительные семантические оттенки, усиливают психологическое напряжение:

- 1) *проводами – продленная – даль; провода – даль;*
- 2) *даль – ладонь – боль;*
- 3) *даль – юдоль – боль;*
- 4) *ладонь – юдоль; юдоль – ладонь.*

Затем именно эти слова становятся ключевыми компонентами во многих произведениях М. Цветаевой, создают психологическую основу для восприятия ее творчества как единого текста. Понятие языкового творчества писателя, поэта и писателя – поэта отдельных произведений, но в виде единого авторского текста рассматривалось в работе С.В. Пискуновой [Пискунова 2002] и подтверждено практикой лингвистического анализа. С этим следует согласиться на основании того, что на протяжении многих лет общение автора и читателя посредством текста и текстов приобретает одну *психологическую модель* текста. В нем образуется многокомпонентное, но единое по своей природе содержание, которое имеет стилистическую узнаваемость, характерное использование слов и других формальных способов выражения.

В системе текстовой коммуникации происходит объединение по сути психологических ассоциаций, характерных для русской культуры. Так, соотношение смыслов в словах приводит к появлению поэтических сравнений, которые по своей природе представляют оппозиционную модель (то, что сравнивается и противопоставлено тому, с чем или как сравнивается), а при нейтрализации (ликвидации) оппозиции появляется

новое содержание психологического плана. Например, у С. Есенина в стихотворении «О товарищах веселых...» об этом говорят уже первые строки: *Под окном от скользких елей // Тень протягивает руки* (вечер); *Рассвет рукой прохлады росной // Сшибает яблоки зари* (утро); *Золотую лягушкой луна // Распласталась на тихой воде* (С. Есенин «О товарищах веселых») – отражение, ночь. Об этом же находим у А. Ахматовой «Высоко в небе облачко серело...»: *Высоко в небе облачко серело, // Как белчья расстеленная шкурка* (А. Ахматова «Высоко в небе облачко серело...» – внутренняя опустошенность, раздавленность. Содержанию текста придают психологизм и слова А. Блока «Дым от костра струёю сизой...»: *И ель крестом, крестом багряным // Кладет на даль воздушный крест* (А. Блок. «Дым от костра струёю сизой...» – символ жизни, мира через символику дерева. Поэтическая образность получает свое развитие в сравнениях Ф. Тютчева (стихотворение «Летний вечер»), которые отражают не только особое восприятие окружающего мира, но и состояние души: *Уже солнца раскаленный шар // С главы своей земля скатила* (Ф.И. Тютчев. «Летний вечер» – закат, вечер.

Наличие и дальнейшее развитие психологической семантики поэтического текста становится реальностью в процессе его оценки, что связано с особенностями мышления, знаний, реакций коммуникантов на те или иные языковые факты, а также экстралингвистические действия. Именно такие процессы способны сохранить, а затем выявить данный тип информации в семантическом объеме слова и текста, что приводит к обогащению языковой культуры как части национальной культуры и является свидетельством истории и современного состояния общества.

В связи с этим целесообразно, а возможно, и достаточно рассмотреть особенности формирования сложной психологической картины на примере одного текста, что позволит выявить соотношение возможностей системы языка и художественного творчества языковой личности. Примером тому

служит анализ авторской картины мира Ю. Кузнецова, которая во многом зависит от воображения и индивидуального опыта, зафиксированного в значениях слов и комплексах ассоциаций, соответствующих психологическому складу ума и направленности человека. Посредством текстовых единиц в поэзии Юрия Кузнецова передается неповторимость предметов и явлений окружающей действительности, проявляются глубина и характер ассоциативно-образного мышления автора. В своем творчестве поэт открывает для себя и для других свой внутренний мир, свое субъективное восприятие реальности, что одновременно является проявлением функциональной значимости психологической семантики его произведений, которые составляют часть системы текстов русской языковой культуры.

Поэтому психологический признак позволяет особым образом понимать и оценивать семантический объем слова и информационное поле текста. Особого анализа заслуживает авторское расширение содержания произведения, происходящее за счет введения в его структуру индивидуального восприятия мира [Пискунова: 2002].

В связи с этим следует обратиться к стихотворению Ю. Кузнецова «Плач о самом себе», написанному в 1993 году (Ю. Кузнецов «Плач о самом себе»): *Ходило солнце высоко, // Всё отражалось в нём. // Мне было тяжело и легко // Светить его огнём... // Вещало сердце: мне дано // Идти во глубь глубин, // Где было знание одно // И был язык один. // Но потемнела жизнь моя, // Душа и плоть моя! // Темнее только мать-земля, // Сырая мать-земля. // Ещё как будто не зарыт // Лежу во тьме степей. // Далёкий колокол звонит // Из-под моих ногтей. // Натянут креп ночного дня, // Так пусто и мертво. // Пришли народы на меня, // Не видя ничего. // В гробу откроются глаза, // Блестя в последний раз. // Моя тяжёлая слеза // Покатится из глаз. // И встанет Солнце высоко // У гроба моего. // И спросит тихо и легко: // – Ты плачешь... Отчего? // – О Солнце Родины*

моей, // Я плачу оттого, // Что изо всех твоих лучей // Не стало одного (Ю. «Плач о самом себе»).

Следует обратить внимание на то, что уже первая строка стихотворения как заглавие содержит несколько слов, имеющих семантический признак психологического характера, который усиливается в словосочетании: *плач – о себе – о самом себе – плач о самом себе*. И в конце стихотворения через неоднократный повтор (*моя тяжелая слеза, ты плачешь*) эта мысль (*я плачу*) вновь актуализируется за счет смены грамматической формы от субстантивной формы глагола к настоящему длительному действию. Поэт подводит некоторые итоги своей жизни, определяет свое место в этом мире, а с ним стремится понять, что значит отдельный человек в череде сменяющихся времен и поколений. Творчество Ю. Кузнецова пронизано народными символами, которые, как он пишет в 1979 году в статье «По поводу критиков моих стихов...», были взяты им за основу: «Бог надоумил меня взять для стихов» (Ю. Кузнецов «По поводу критиков моих стихов...»). В названии стихотворения уже удастся уловить эмоциональный настрой, психологическое состояние поэта. В словаре С.И. Ожегова глагол *плакать* означает «проливать слезы, обычно издавая жалобные, нечленораздельные голосовые звуки, плач» [Ожегов, Шведова 1992: 952]. При первом прочтении сознание читателя выхватывает ключевые слова, текстовые единицы, несущие основную смысловую нагрузку: *тяжко, легко, сердце, глубь глубин, потемнела жизнь, душа, темнее, зарыт, колокол звонит, натянут, ночного дня, тяжелая слеза, покатится из глаз, плачешь, плачу*. Вызывает недоумение концентрация тематически связанной лексики сложного психологического содержания. При этом в тексте явно использовано противопоставление, которое связано с традиционным отражением картины мира. Речь идет об устойчивых оппозициях: (*высоко – глубь*), (*легко – тяжело*), (*душа – плоть*), (*солнце – земля*), (*день – ночь*). Рассматривая значения этих слов, разбирая их

взаимосвязи с другими компонентами, читатель стремится приблизиться к личностному порождению смысла. Необходимо вспомнить о том, что Юрий Кузнецов родился на Кубани, вырос в Ставрополье, где знаменитые степи, чернозем Кубани славятся своим плодородием. Поэтому весной повсюду попадаются бескрайние распаханые поля. Такое поле – мир, олицетворенное воплощение бесконечности и пустоты, *«тьма степей»*. Ощущение пространства, где нет никаких ориентиров, входит в текст и производит удивительное впечатление, захватывает, вводит в транс, словно засасывает в черную дыру, где нет ничего. Здесь происходит порождение психологизма небытия, незаполненности, пугающего простора. Этот образ усиливается к концу стихотворения; тревога, страх и безысходность переходят почти в апатию.

В стихотворении обращает на себя внимание образ *«мать-земля»*, усиленное повтором *«сырая мать-земля»*, что возвращает к знаниям о былинах, народной символике и закрепленным где-то в коллективном бессознательном, по К. Юнгу, ассоциациям [Юнг 1991]. *«Чистое поле»*, где сталкиваются жизнь и смерть, солнце и тьма, природные стихии, безгранично великие просторы мироздания и определяется место человека как одного из *«лучей» «Солнца»*. Пространственные связи являются одной из характерных черт, отличающих поэтическое видение мира автора.

Ю. Кузнецов родился в 1941 году, в 1944 году его отец погиб на поле сражения в Крыму. Трагическая гибель отца бесконечно прокручивается, надрывно осмысливается в стихах поэта, поэтому, вероятно, в первых двух строчках стихотворения семантически присутствует фигура отца, потеря которого, по-видимому, была сильной психологической травмой для мальчика. В словаре С.И. Ожегова указано, что *«солнце – то, что является источником, средоточием чего-нибудь ценного, высокого, жизненно необходимого»* [Ожегов, Шведова 1992: 1390]. И в начале текста те же лексемы: *«Ходило Солнце высоко, //Все отражалось в нем»*. Интересно, что

в конце стихотворения, семантика слова *солнце* расширяется, в текст входит возвышенная оценка: «*О Солнце Родины моей*».

Еще одной отличительной чертой поэтической картины мира Юрия Кузнецова является сильное природное, мифологическое начало. Реальность, показываемая поэтом, иррациональна, бесконечно повторяема. Уже в первой строке стихотворения подчеркивается цикличность, непреложность законов солярного движения. И далее: «*Мне было тяжело и легко // Светить его огнем...*» Следует отметить, что в словаре С.И. Ожегова «тяжкий – очень тяжелый» [Ожегов, Шведова 1992: 1534], и в третьей и четвертой строчках стихотворения отражена та же сложность. Кроме того, здесь есть и ответственность, противоречивость проблемы отношения отцов и детей, преемственности поколений, судьбы России и роли поэта, т.е. находят свое решение вечные темы русской литературы.

Привлекает внимание возвышенное «*Вещало сердце*». В словаре С.И. Ожегова отмечено, что «вещать – предсказывать, говорить торжественным, непререкаемым тоном» [Ожегов, Шведова 1992: 114]. И далее поэт использует «*мне дано*», что усиливает непреложность, данность предсказания. «*Идти во глубь глубин*» – повтор актуализирует новое значение «глубины мироздания»: «*Где было знание одно // И был язык один*». И снова в тексте используются повторы, усиление семантики за счет авторских единиц: «*знание одно*», «*язык один*». Здесь знание, уже закрепленное в языке, поэт рассматривает как объединяющее начало, связующую нить между народами и поколениями, возможно, психологически как символ света, факела в темноте, организующего начала. «*Но потемнела жизнь моя, // Душа и плоть моя! // Темнее только мать-земля, // Сырая мать-земля*». В строках нагнетается ощущение чего-то мрачного, смутного, безрадостного и непонятного. Чувствуется опустошенность, будто в эту темноту уходит жизненная энергия. А усиление «*Сырая мать-земля*» ассоциируется с черным вспаханным

полем, бесконечно одиноким и пустым, рождающим тревогу и животный страх. Здесь использована автором традиционная для русской культуры форма, но в тексте получила развитие новая семантика. И далее: *«Еще как будто не зарыт // Лежу во тьме степен. // Далекий колокол звонит // Из под моих ногтей»*. Эти строки вновь актуализируют ощущение тревожной пустоты, одиночества, а звон *«далекого колокола»* возвращает в те времена, когда звонили к общему сбору во время войны, пожара и другой опасности. С болью и одиночеством поэт пытается донести до своего поколения этот *«колокольный звон»* о судьбе России: *«Натянут креп ночного дня, // Так пусто и мертво. // Пришли народы на меня, // Не видя ничего»*.

Юрий Кузнецов в своей статье *«По поводу критики моих стихов...»* не случайно в 1979 году писал: *«Видимо, под мелко рябящим покровом преходящего дня таятся духовные глубины нации, непостижимым образом сообщающиеся между поколениями»* (Кузнецов *«По поводу критики моих стихов...»*). Непреодолимая тревога, черная безнадежность и одиночество, беспокойство поэта за судьбу России, за те духовные ценности, которые скрыты так глубоко от постороннего взгляда, чувствуются и в следующих строчках: *«В гробу откроются глаза, // Блестя в последний раз. // Моя тяжелая слеза // Покатится из глаз»*.

Воспринимая безразличие окружающего мира, поэт *«тяжелыми слезами»* плачет о самом себе и о судьбе России. Возможно, поэт ассоциирует себя с мифическим героем, он возвышает человека до одного из *«лучей Солнца»*, источника высшего блага.

В своей поэзии Ю. Кузнецов живет мифом и в мифе, преодолевает нормы и установки обыденной реальности, что позволяет говорить об авторской картине мира, поэтому поздний период творчества поэта необычайно графичен, разделен на черное и белое, плохое и хорошее, эмоционально насыщен и психологичен. Хорошо узнаваемая внешняя лексическая форма стихотворения отличается своеобразием развития

сложной текстовой семантики на основе глубинного смысла, что приводит к читательскому порождению дополнительной психологической информации.

Одним из наиболее ярких выражений такой сложной, с точки зрения психологии, семантики является передача информации о душевном состоянии человека за счет текстовых единиц с обозначением цвета. В русском языке существуют слова, которые по своей грамматической природе имеют прямое наименование цвета, что обусловлено этим понятием. Так, в словарной статье сказано: *цвет* – это свойство тела вызывать зрительное ощущение света определенного спектрального состава, а также окраска, тон. В профессиональном использовании данного понятия закреплены слова *краска, колорит, тон* [ССРЛЯ 1965:564]. Следует отметить, что уже здесь получает развитие психологическое значение, связанное со словами *свойство, вызывать, ощущение*, несмотря на описание физического свойства. Поэтому правомерно дальнейшее обращение к закрепленным в мировой культуре знаниям о символике цвета, отражающей культурные традиции народа. Термин *символ* закреплен в словарях как условное обозначение какого-либо понятия, идеи, убеждения, мировоззрения, а также художественного образа, передающего какую-либо мысль, идею, переживание [ССРЛЯ 1962: 810]. Происходит то, о чем писал И.Р. Гальперин, когда «текст обладает особой категорией – ретроспекцией, при которой формы языкового выражения, относят читателя к предшествующей содержательно-фактуальной информации» [Гальперин 1981: 106]. В данном случае успешность коммуникативной деятельности языковой личности (автор – читатель) зависит от адекватности ключевых компонентов текста при его порождении и восприятии.

К числу таких информационно значимых компонентов цветообозначения исследователи справедливо относят не только

вербальный, словесный, часто ассоциативный способ выражения, но и звук. Происходит выработка определенной цветовой символики звуков [Журавлев 1991], которая опирается на особенности психики человека, его знания и опыт, различные ассоциации [Яньшин 2006: 369]. Появление эмоциональной реакции на слово и текст с данной цветовой символикой позволило коллективу ученых под руководством профессора Т.М. Рогожниковой разработать программное обеспечение для автоматизированного анализа звуко-цветовых соответствий [Рогожникова 2000: 242], что подтверждает правомерность определения особой роли цвета в организации семантической структуры текста. Особую функциональную значимость в связи с этим приобретает не только тематическая группа лексики, но и языковой опыт творческой языковой личности автора и читателя. При этом следует помнить о том, на что обращал внимание А.А. Потебня: «пример предрассудка мы видим в понятии о слове. Обыкновенно мы рассматриваем слово в том виде, в каком оно является в словаре. Это все равно, как если бы рассматривали растение, каким оно является в гербарии, то есть не так, как оно действительно живет, а как искусственно приготовлено для целей познания» [Потебня 1976: 466].

Цвет неоднократно становился предметом исследования в лингвистике: проблема обозначения цвета [Вежбицкая 1997: 231-290], функциональная текстовая и лингво-культурологическая значимость цветообозначения [Лотман 1972; Потебня 1976; Моисеева 2001], ассоциативные признаки цветообозначений в языковом сознании [Жаркынбекова 2003: 109-116]. При получении общетекстовой информации коммуникант часто воспринимает изображаемые автором явления под воздействием семантики, символики цвета, что порождает дополнительные эмоциональные, эстетические смыслы, во многом определенные знаниями традиционной национальной культуры.

Использование цветообозначений в поэзии, как известно, является значимым средством выражения не только знаний об окружающем мире и его творческом восприятии, но и отражением чувств, эмоций, позволяет воссоздать образ автора и его внутреннее самоощущение. Поэтому цвет является предметом исследования философии, культурологии, психологии, искусствоведения. Проблема восприятия цвета в лингвистике рассматривалась при изучении семантики и грамматики слова, методики лингвистического, позднее общего филологического, концептуального, стилистического и других анализов текста [Болотнова 2000; Пискунова 1991; Пискунова, Назарова, Пудовкина 2014 и др.].

Простым способом выражения для восприятия человеком реальной картины мира стали различные грамматические классы слов. Например: *белый, красный, желтый* (прилагательные); *белеть, краснеть, желтеть* (глаголы); *белизна, краснота, желтизна* (прилагательные в форме существительных); *бело, красно, желто* (качественно-предикативные слова); *бело, красно, желто* (наречия); *белеющий, краснеющий, желтеющий, белея, краснея, желтея* (глагольные формы) и т.п. Наиболее сложной формой цветообозначений являются нестандартные авторские единицы текста: *Вбегае**т** ветка в трюмо! // Огромная близкая, с каплей смарагда // На кончике кисти прямой...* (Б. Пастернак «Девочка») – изумрудный, зеленый; *Снег. Покрывало. Льяное.* (Э. Межелайтис «Письмо») – белый; *Ветвь преломляется в руках, // лежит земля в рубахе белой...* (С. Бирюков «Зимнее видение») – белый снег; *Уже солнца раскаленный шар // С главы своей земля скатила* (Ф. Тютчев) – красный [Пискунова 1999: 160-179] и др.

Интересен прием языкового выражения цвета в следующем прозаическом тексте: *Этот старый изгнивающий дом вдруг сквозь блекло-зеленую шкуру обоев, под которыми бегали мыши, проступил мне*

молодым, ещё не потемневшим тогда, струганными бревнами и веселым смолистым запахом (А.И. Солженицын 1991).

Здесь только одно слово *зеленый* имеет прямое отношение к цвету, т.е. для прилагательного это значение исходное, приобретенное через существительное *зелень* как *зеленая трава, зеленый лист, цвет* и т.п. Так, *зеленый* – «цвета травы, листьев, разных оттенков; незрелый, молодой» [Даль 2003: 677]. Ср.: «имеющий окраску, которая получается смешением желтого и синего; цвета свежей травы, листья; бледный, землистого оттенка (разг.)» [Лопатин 2001: 200]. Современный словарь расширяет толкование слова, но оно не имеет уже прямого отношения к данному тексту.

Подобный способ выражения цвета в тексте привлекает, заставляет обратить внимание на детали, чем отличается традиционное цветообозначение, даже если оно акцентировано. Например в стихотворении А. Блока: *И я в просвет, луной осеребренный, // Направил шаг хрипящего коня. // Туман болотный стелется равниной, // Но церковь серебрится на холме* (А. Блок «Ночной туман застал меня в дороге...»). Дополнительным обозначением цвета обладают также известные для носителя языка слова *луной, туман, болотный, равниной, церковь, холме, ночной*, которые создают иллюстративность, живописный фон.

Восприятие цвета может быть различным, но существует традиционное представление о его символике в различных культурах, что приобретает для человека определенную информационную значимость. Особая роль принадлежит текстовым единицам в системе цветообозначений, когда они связаны не только с изображением реальной картины, а участвуют в развитии психологической семантики. Так, для А. Ахматовой в стихотворении из ее первой книги «Вечер», которое состоит из двух частей, объединенных одним названием «Два стихотворения» (А. Ахматова «Два стихотворения»), именно цвет стал основным признаком

авторского выражения состояния души. Части этого стихотворения написаны в разные годы: 1 – весной 1910 года; 2 – в 1909 году. По содержанию они являются продолжением описываемой ситуации, хотя в них на первый взгляд, трудно определить ключевые компоненты. Кажется, что речь идет об утрате, на что указывают и *крик ворон, свеча гаснет, штора на белом окне*, но не это создает чувство нарастающей тревоги, потому что есть слово *нестерпимо*. Необходимо рассмотреть обе части текста в единстве:

Два стихотворения

1

*Подушка уже горяча
С обеих сторон.
Вот и вторая свеча
Гаснет, и крик ворон
Становится все слышней.
Я в эту ночь не спала,
Поздно думать о сне...
Как нестерпимо бела
Штора на белом окне.
Здравствуй!*

Весна 1910

2

*Тот же голос, тот же взгляд,
Те же волосы льняные.
Все как год тому назад.
Сквозь стекло лучи дневные
Известь белых стен пестрят...
Свежих лилий аромат
И слова твои простые.*

1909

Своеобразие этого произведения состоит в том, что его можно рассматривать как сюжет, который получает каждый раз новое смысловое развитие, если воспринимать его следующим образом: 1 часть + 2 часть; 2 часть + 1 часть; конец 2 части + конец 1 части. Отражается на формировании психологического состояния и то, что обе части введены в текст стихотворения с нарушением хронологии. Возможно, бессонница вызвана воспоминанием, которое стало надеждой на встречу. И тогда они образуют один текст, в котором особым средством выражения психологической семантики является цвет, т.е. цвет приобретает ещё и основную текстообразующую роль.

Восприятие цвета, как отмечает Г.Э. Бреслав, является одним из особенностей человека и связано с комбинированием нескольких составляющих: спектральное излучение цветового потока из источника света; физические или химические свойства всех материалов; нервные импульсы зрительного нерва; переработка этих сигналов мозгом в сочетании с сигналами других органов восприятия – слуха, вкуса, обоняния, осязания, а также с памятью [Бреслав 2000: 15-16, 212]. Именно такие признаки, присутствующие в тексте А. Ахматовой, названы автором: *подушка* (традиционно белого цвета); *горяча* (допустим красный); *свеча* (белый, желтый, красный, серый с оттенками черного при сгорании); *ночь* (черный и петербургский серо-белый); *не спала* (состояние); *нестерпимо бела* (пронзительный, ярко, ослепительно белый); *штора* (предположительно белого или светлого тона); *белом окне* (дважды белый) и т.д. Далее получает развитие данная семантика текста при употреблении прилагательных белого цвета: *волосы льняные*; *сквозь стекло лучи дневные*; *известь белых стен*; *свежих лилий*. Значение белого цвета допустимо в словах *льняные*, ассоциативно связано с тканью из льна, *дневные* – белый свет, *известь стен* – традиционно белого цвета, *лилий* – *любимые* цветы

поэта, не случайно позднее при подготовке нового издания «Вечера» А. Ахматова использовала от имени Н. Гумилева эпиграф (А. Ахматова 1990):

*Лилия ты, лебедь или дева.
Я твоей поверил красоте, –
Профиль Твой Господь в минуту гнева
Начертал на ангельском щите.*

(Н. Гумилев К «Вечеру» (1910))

Известно, что во многих национальных культурах исторически сформировалась традиционная символика цвета, но существует индивидуальное отношение к нему, которое дополняет общепринятое представление, что способствует также уточнению понятия. Ассоциации, рождаемые на уровне цветовосприятия, как известно, формировались у человека бессознательно, но закреплялись уже осознанно, т.к. многие цвета связаны с реальностью, отражаются на *цветовом типе поведения* (по терминологии М. Люшера) [Люшер 1995: 22] или *хронотипе* поведения [Бонде 1997: 60]. Например, семантическое поле белого цвета, преобладающее в стихотворении А. Ахматовой, получает свое развитие за счет его символики, связанной с традиционными знаниями: I. чистота – целомудрие – радость – ясность – мудрость – духовность – святость; II. освобождение – бесстрашие – старость – покой – холод – смерть; III. – пустота – бесстрашие [Бонде 1997: 67; Мартинович 1993: 93-99; Миронова Л.Н., Иванов Д.Г. <http://mironovacolor.org/theory/m/symbolism/#5>]. Кроме того, за белым цветом закреплена постоянная, по мнению Л. Бонде, символика: девственная чистота, нетронутость, полнота, самоотдача, открытость, легкость, многогранность, выявление скрытого и ложного – *позитивный психологический* признак; изоляция, бесплодность, окоченение, разочарование, чопорность, скука – *негативный психологический* признак [Бонде 1997: 245-250].

В поэтическом тексте цветообозначение может быть связано с графемами и фонемами. Компьютерные данные по соотношению гласных звуков и их графем [Жаркынбекова 2003: 109-116] позволяют также предположить преобладание в стихотворении *желто-белого цвета*. Психологические особенности восприятия этого цвета таковы, что избыток его приводит к раздражению, разочарованию, отрешенности, опустошенности, поэтому данное стихотворение приобретает многоаспектный смысл. По мнению Л.Н. Собчик, «выбор цветового ряда зависит как от набора устойчивых личностных характеристик, связанных с конституциональным типом индивида, так и от актуального состояния, обусловленного конкретной ситуацией» [Собчик 1990]. Не случайно в стихотворении, а их два в одном тексте с общим названием, присутствует реальное развитие сопутствующих и контрастных цветов, которые получили различные грамматические способы выражения: *крик ворон* (вороны – черный), *известь белых стен пестрят* (пестрят – чередование белого и черного под действием дневного света из окон на стене, графический эффект). Символика цвета присутствует в следующих словах: *ночь* – в истории человечества связана с синим цветом как символом покоя, расслабления, сна и одновременно с черным как отрицания всего яркого, живого; *свеча, лучи дневные* (солнце) – белый, желтый, красный как символы надежды, пробуждения, влечения, жизни.

В истории русских поэтических текстов накоплен опыт использования символического значения данных ключевых слов. Например: *свеча* – обрядовый компонент церковной службы, символ вероисповедания; элемент семейно-бытового пользования; единица фольклорного и лирического художественного текста; один из предметов в народной медицине и т.д. Многоаспектна семантика и слов *лучи, ночь, ворон, стены, дневной, крик*. Содержательная сторона этих слов сформировалась в системе языковой структуры на протяжении

исторического развития, изменялась в объеме на протяжении многих лет в зависимости от речевой ситуации – увеличение или сокращение семантики, символики, коммуникативной функции. Следовательно, для определения психологической семантики, порождаемой при восприятии символики цвета в текстовом общении, необходимы знания особенностей системы языка и законов текстообразования на уровне слова.

Текстовые единицы способны сохранить и передать информацию о времени, традициях, правилах сосуществования окружающего мира и человека. Это предполагает определенные интеллектуальные возможности носителей языка, жизнеспособность текста, его востребованность, перспективность использования в современном коммуникативном процессе. Индивидуальность, которая проявляется при порождении и восприятии текста, особенно поэтического, зависит от типа речевой деятельности языковой личности.

В прозаическом тексте действуют те же правила порождения данного типа семантики, только функция может быть основной, характеризовать поведение человека, иметь большое текстовое пространство, если нет жанровых ограничений. По-прежнему основная нагрузка в образовании семантического поля принадлежит словам, словосочетаниям, формирующим последовательность предложений.

В истории русской прозы получили развитие психологический сюжет, роман, образ, портрет, пейзаж и т.д. Литература XIX в. всегда выражала психологическое состояние героев произведения, а также была способна передать авторское отношение к психологическим особенностям человека, это также отражало историческое время.

Особую значимость психологическая семантика для коммуникантов приобретает при общении посредством художественного текста, который во многом передает известное и новое о мире через оценку творческой личности, который становится понятным, реальным помощником в

решениях собственных проблем читателя. Например, к таким сложным моментам следует отнести повесть А.П. Чехова «Дама с собачкой». За кажущейся простотой происходящего события, читатель вынужден понять и, возможно, принять глубину человеческих отношений, их противоречивость в социуме. Для определения психологической семантики необходимо провести лингвистический анализ нескольких фрагментов:

1) – *Говорили, что на набережной появилось новое лицо: дама с собачкой* (А.П. Чехов «Дама с собачкой»).

В начале текста используется глагол в форме несовершенного длительного действия без указания на лицо, что связано с обозначением постоянного события: *говорили*. Неизвестно, кто были эти люди, но можно предположить, что появление *дамы* с собачкой было в центре внимания обывателей городской набережной и занимало их внимание не один день. Данная конструкция предложения, односоставного по структуре (можно предположить подлежащее *они, люди, соседи, курортники, прогуливающиеся / гуляющие / отдыхающие* и т.д. – неполное двусоставное предложение), создает с первых же строк психологическое напряжение, заинтересованность читателя, соучастие в разгадке: кто же эта дама.

Своеобразно соотношение *новое лицо – дама с собачкой*, а позднее *молодая дама*. Появление подробностей в описании правомерно, т.к. глагол *интересоваться* в сочетании со словом *тоже* подтверждает психологический признак, заложенный в форме глагола *говорили*.

2) – *Дмитрий Дмитрич Гуров, проживший в Ялте уже две недели и привыкший тут, тоже стал интересоваться новыми лицами* (А.П. Чехов «Дама с собачкой»).

В тексте появляются подробности в описании главного героя: имя, отчество, фамилия, место пребывания, времяпрепровождение. Это приобрело в упрощенной форме художественного произведения официально-деловую окрашенность, что оправдывает употребление в ряду

просторечий *тут, тоже, стал, уже две недели* официально-делового сочетания *новое лицо* и в повторе формы *новыми лицами*. При этом множественное число подтверждает психологическое содержание в словах *говорили, проживавший, уже две недели, привыкший тут, тоже стал интересоваться*. Семантика монотонности, скуки, обыденности получает авторское выражение как признак последующего конфликта, особых психологических положений героев, глубоких чувств, страданий, невозможности решения сложившейся ситуации и т.п.

Поэтому происходит усложнение описания за счет детализации:

3) – *Сидя в павильоне у Верне, он видел как по набережной прошла молодая дама, невысокого роста блондинка в берете; за нею бежал белый шпиц* (А.П. Чехов «Дама с собачкой»).

Герой *видел* и уже обратил внимание на внешность молодой дамы и даже рассмотрел собачку, о которой ранее читателю сообщили, что это была маленькая собака.

4) – *И потом он встречал ее в городском саду и на сквере по несколько раз в день* (А.П. Чехов «Дама с собачкой»).

Усложнение психологического восприятия и напряжения создается за счет слов: *потом, встречал, по несколько раз в день*.

Еще нет определенности, не названа заинтересованность героя, поэтому А.П. Чехов вводит конкретику в сюжет, хотя остается неоднозначность события. Произошло изменение и в семантике глагола *встречал* от традиционного (увидеть, наткнуться) до текстового (случайно или целенаправленно в ожидании встречи, заинтересованно обращать внимание), что может в случае постоянства служить поводом к знакомству.

5) – *Она гуляла одна, все в том же берете, с белым шпицем; никто не знал, кто она, и называл ее просто так: дама с собачкой* (А.П. Чехов «Дама с собачкой»).

Героиня – *одна, все в том же, дама с собачкой. О ней еще никто не знал, кто она.* Гуров же называл ее **пока** просто так: *дама с собачкой.* И в этой неопределенности также присутствует психологическая характеристика, предположение дальнейших поступков.

б) – *«Если она здесь без мужа и без знакомых», – соображал Гуров, – то было бы не лишнее познакомиться с ней»* (А.П. Чехов «Дама с собачкой»).

Растет напряжение: *она здесь без мужа и без знакомых.* Гуров соображал и, наконец, решает, что *было бы не лишнее познакомиться.*

Упрощенная форма текста на уровне употребления просторечной лексики передает в начале текста простоту, поверхностность чувств, стремление к развлечению из-за скуки, для разнообразия в надоевшем проживании и постоянного *времяпровождения на набережной.* И только появление нового лица, дамы с собачкой – молодой дамы порождает интригу, т.е. психологическую ситуацию, объясняющую действия героя, который еще не знает, зачем ему это все нужно.

Художественная образность приобретает функциональную значимость в процессе актуализации психологической семантики не только за счет дополнительных текстовых смыслов, развития информационного объема слова и его поля, изменения грамматических форм, т.е. взаимодействия единиц системы языка, внутрисистемных отношений. Как уже отмечалось, ликвидация лексических и грамматических противопоставлений по стилистическому признаку приводит к значительному наращению психологического содержания общего и индивидуального характера. В связи с этим интересен прием, который использовал М. Булгаков: *«О гляньте на меня, я погибаю. Вьюга в подворотне ревет мне отходную, и я вою с ней. Пропал я, пропал. Негодяй в грязном колпаке – повар столовой нормального питания служащих*

центрального совета народного хозяйства – плеснул кипятком и обварил мне левый бок» (М. Булгаков «Собачье сердце»).

Исходная психологическая семантика присутствует в словосочетании названия «Собачье сердце» (традиционно – друг, верность, преданная служба, привязанность и т.п.), в словах *погибаю, ревет, отходную, негодяй, кипятком, обварил*. Примером использования в образе одного из главных героев животного, рассказывающего об истории собачьей жизни, через которого автор передает свое представление и отношение к миру людей, достаточно хорошо известно русской литературе: А.П. Чехов «Каштанка», Л.Н. Толстой «Холстомер», В.Г. Короленко «Белый пудель», Д.Н. Мамин-Сибиряк «Серая шейка», С.Н. Сергеев-Ценский «Старый полоз» и др. Происходит авторская адаптация к окружающей среде и одновременно психологическая реализация именно своего мира мыслей, оценок, сопереживаний, поиска решений, формирование отношений и т.п. Так, для С.Н. Сергеева-Ценского такой прием стал ведущим в его творчестве, когда он через описание животных передавал свое отношение к происходящим социальным переменам в стране и, по мнению Л.Е. Хворовой, находился в поиске всеединства, защиты от зла в мире добрых и умных зверей [Хворова 2000].

Традиционное сравнение вьюги с завыванием животного (Пушкин А.С. – «то как зверь она завоет...») М. Булгаковым передается через восприятие собакой природного явления: *вьюга – ... ревет*. Поэтому она естественным образом сама воет не только от вьюги, но и от того, что ей повар кипятком обварил бок. Сострадание, которое должно появиться у читателя, еще не получает своего развития потому, что собака слишком разумно оценивает *повара столовой нормального питания служащих центрального совета народного хозяйства, негодяя в грязном колпаке*. Сочетание просторечной лексики с терминологией создает дополнительный психологический признак языковой игры, реальности и

вымысла, сатиры. Не случайно стилистика заголовочного компонента резко контрастирует с лексикой первых строк текста.

Данный способ порождения особого скрытого смысла, психологического влияния за счет комбинаторики слов и их форм использован писателем в романе «Мастер и Маргарита». Например:

Глава I. Никогда не разговаривайте с неизвестными.

«Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина. Первый из них, одетый в летнюю серенькую пару, был маленького роста, упитан, лыс, свою приличную шляпу пирожком нес в руке, а на хорошо выбритом лице его помещались сверхъестественных размеров очки в черной роговой оправе. Второй – плечистый, рыжеватый, вихрастый молодой человек в заломленной на затылок клетчатой кепке – был в ковбойке, жеваных белых брюках и в черных тапочках» (М. Булгаков «Мастер и Маргарита»).

Примечательно то, что эпиграфом взяты строки из поэмы Гёте «Фауст»:

...Так, кто ж ты наконец?

– Я – часть той силы,

Что вечно хочет

Зла и вечно совершает благо (И.В. Гёте «Фауст»).

Вновь дается противопоставление, что обусловлено активной текстовой ролью психологической семантики на лексическом уровне. Это связано с расширением значения в слове *мастер*: от бытового и терминологического до высокого смысла (художник, поэт, музыкант, творчество). Тайна таланта всегда остается до конца не принятой, не понятой, не осознанной человеком и большинством окружающих людей, поэтому ими отвергается, их настораживает и т.д. Все перечисленные признаки порой осознаются на грани добра и зла, носят психологический характер. Данное отношение людей закреплено в информационном поле

определенной тематической групп лексикой, о чем уже было сказано ранее (Глава I «Актуализация психологической семантики в структуре слова и текста»). Об этом же свидетельствует эпиграф этого произведения.

Начало романа передает точное описание внешности двух персонажей, для чего автором используются возможности различных языковых средств, которые в совокупности порождают психологическую оценку ситуации, действий героев, приобщают читателя к особой стилистике произведения, а вместе с ней и к семантике текста.

Реальность невероятных событий обусловлена точным адресом и временем: *весною, однажды, в час ... заката; в Москве, на Патриарших прудах.*

Психологически комфортно, с доверием, воспринимается конкретность описания героев, которые *появились* (возникли неизвестно как, откуда), но известно, что они *два гражданина*. Все о них сказано будет дальше в тексте, но то, что они заслуживают внимания, подтверждается детализацией их внешности. Первый – одет в летний костюм (пара), но серенький, что затем подчеркивает его небольшой рост: *был маленького роста*. Морфемика этих определений вносит дополнительный смысл. Поэтому в данном ряду эпитетов уместно и то, что гражданин был *упитан*, да еще и *лыс*. Хотя эти признаки не взаимосвязаны, но хорошо запоминаются. Затем автору захотелось придать своему герою и положительные характеристики (у него приличная шляпа, хорошо выбритое лицо, внушительные *очки в черной роговой оправе, шляпу пирожком нес в руке*), что позволило ему обозначить социальное положение Михаила Александровича Берлиоза: председатель правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций, сокращенно именуемой МАССОЛИТ, и редактор толстого художественного журнала.

Второй – *молодой человек* (нейтральная лексика, внешний вид которого настораживал: *вихрастый, в заломленной на затылок ... кепке, в*

жеванных ... брюках, в черных тапочках. Особенно и своеобразно сочетается его одежда, ее цвет на плечистом молодом человеке с рыжеватыми волосами: *клетчатой кепке, в ковбойке, в жеванных белых брюках и в черных тапочках.* Одежда того времени могла иметь отношение к различным социальным слоям населения и свидетельствовала об особом образе жизни и сложностях в судьбе героя. Поэтому правомерна авторская характеристика: *молодой спутник – поэт Иван Николаевич Поньрев, пишущий под псевдонимом Бездомный.* Этого достаточно для того, чтобы два гражданина, которые однажды появились, привлекли внимание и активизировали для читательского восприятия в тексте психологическую оценочную семантику, их дальнейшие действия в качестве героев романа были правомерны.

Об одном из сложных по психологическому восприятию произведений русской литературы поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» современники говорили, что оно «вовлекает в размышления о природе национального мышления и культурного сознания, о настоящем и будущем России» [Гоголь. Т. 5. 1967]. Вновь обращает на себя внимание сочетание слов в заголовке: *мертвые души* (термин и художественный образ). Информационное пространство психологического содержания, которое прогнозируется названием, сохраняется в использовании нейтральной и конкретной по своему значению лексики: *«В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки: отставные подполковники, штабс-капитаны, помещики, имеющие около сотни душ крестьян, – словом, все те, которых называют господами средней руки»* (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

И далее та же неопределенность и свобода для читателя в выборе своих оценок: *«господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни*

слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако же и не так, чтобы молод» (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

Поэтому, как пишет автор, *«въезд его не произвел в городе совершенно никакого шума и не был сопровожден ничем особенным»* (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

Но в отличие от появления дамы с собачкой у А.П. Чехова и авторского отношения к своим двум гражданам у М. Булгакова, здесь в романе *«только два русские мужика, стоявшие у дверей кабака против гостиницы, сделали кое-какие замечания, относившиеся, впрочем, более к экипажу, чем к сидевшему в нем»* (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

А затем идет подробнейшее описание гостиницы, трактирного слуги, убранства комнаты, кучера, лакея, вещей, темной конурки для лакея, общей залы, обычных трактирных блюд для обеда, и того, что, по мнению писателя, должно называться рассказом о всяком вздоре: *«о том, кто содержал прежде трактир и кто теперь, и много ли дает дохода, и большой ли подлец их хозяин»* (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

Но вопросы эти не были пустыми, как пишет сам Н.В. Гоголь, потому что *«приезжий господин с чрезвычайною точностию расспросил, кто в городе губернатор, кто председатель палаты, кто прокурор, – словом, не пропустил ни одного значительного чиновника, но еще с большею точностию, если даже не с участием, расспросил обо всех значительных помещиках: сколько кто имеет душ крестьян...»* Чичиков, а речь идет о нем, расспросил *«всё так обстоятельно и с такою точностию, которая показывала более чем одно простое любопытство»* (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

Психологическое информационное пространство от заглавия, начала описания к первым признакам характера и действий героя замкнулось на первом уровне своего развития в структуре текста поэмы Н.В. Гоголя. За кажущейся простотой, обыденностью номинаций того времени,

семантикой слов в их исходном значении скрыта сложная социальная сущность событий, в дальнейшем порождающая психологическое содержание всего произведения.

В романе И.А. Гончарова «Обломов», несмотря на то, что фамилия главного героя актуализирована в заголовке, психологическая семантика достаточно сложного сюжета формируется на фоне нейтрального, а затем ироничного описания. Так, история начинается с представления Ильи Ильича Обломова, который *«лежал утром в постели на своей квартире»*, которая находилась на улице Гороховой *«в одном из больших домов, народонаселения которого стало бы на целый уездный город»*. Но уже здесь вызывает настороженность то, что не известно, почему Обломов лежал (ночью естественно, как и ранним утром, поздним вечером; болен; что-то произошло), т.к. сразу же заявлено, что в большом доме, оказывается, были не соседи, а народонаселение. А далее идет подробное описание ситуации: *«Это был человек лет тридцати двух-трех от роду, среднего роста, приятной наружности, с темно-серыми глазами, но с отсутствием всякой определенной идеи, всякой сосредоточенности в чертах лица. Мысль гуляла вольной птицей по лицу, порхала в глазах, садилась на полуотворенные губы, пряталась в складках лба, потом совсем пропадала, и тогда во всем лице теплился ровный свет беспечности. С лица беспечность переходила в позы всего тела, даже в складки шлафрока»* (И.А. Гончаров «Обломов»).

Оказывается, ничего не случилось, хотя *мысль* пыталась найти свое место, а *ровный свет* имел отношение к *беспечности*. И только позднее в четырех частях романа происходит развитие сложной судьбы героя от этой беспечности через попытку радостной жизни с людьми до ухода из мира людей, когда больное сердце не выдержало.

В повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» использован иной прием организации текстообразующей роли психологической семантики.

Заголовочный компонент как рематическая часть текста носит неопределенный характер, т.е. не ясно, кто такая капитанская дочка, почему именно подчеркивается статус ее отца, не ясно его положение и причастность к роду войск и т.п. Для читателя, хорошо знающего это произведение еще со школы, это не вызывает сомнений. Следует обратить внимание на то, что история, которая рассказана в повести, начинается с описания природного явления – буря в степи. Сложное погодное противостояние людям служит определенной моделью, в которой распределены социальные, психологические позиции героев произведения, их поступки и предсказания судеб, определены основные черты характеров, которые связаны с мотивацией поступков, обусловленных сложным положением.

Наличие психологической семантики в художественном тексте – явление естественное и одновременно являющееся формой выражения основных типов значений, которые традиционно освещаются в психологических науках. Это обусловлено тем, что художественный текст отражает языковое творчество человека и сохраняет знания о нем.

Современные прозаические произведения сохраняют традиции, но они порой не так ярко выражены. Хотя появился особый жанр – психологический детектив. Лексика с исходной психологической семантикой, передающая не только эмоционально напряженное состояние персонажа в таких текстах, но по воле автора способна стать ключевым словом, прямо воздействующим на читателя. Одним из продуктивных способов формирования данной функции является повтор единицы текста. Александра Маринина при всем многообразии своих стилистических возможностей для создания психологической картины часто прибегает к такому способу описания. Например в романе Марининой «Воюющие псы одиночества»: *«Господи, если бы знать, что на самом деле это так страшно, так невозможно страшно. Или не Господи, а дьявол? Или кто*

*там еще искушает нас, обещая, что один раз будет очень **тяжело**, зато потом все наладится, и в следующий раз уже не так **страшно**, а потом **легче**, и **легче**, и **легче**. А главное – после этого первого раза сразу же все встанет на свои места, **тяжесть** упадет с плеч, и ты поймешь, что все было не зря, не напрасно. В первый раз так и случилось, **тяжесть** упала, и стало легко дышать, и можно было снова поднять голову и жить дальше, и казалось, что второй раз будет **легче**. Но во второй раз все равно **страшно**» (А. Маринина «Воюющие псы одиночества»).*

Кроме того, здесь дополнительную психологическую нагрузку выполняют противопоставления *тяжело, тяжесть – легко, легче*, которые взаимодействуют со словом *страшно* как его смысловые оттенки. Повтор нейтральной по отношению к психологическому признаку лексики создает эффект ритма, напряженного ритма сердца, пульсации, нервного состояния.

Лексема *страхи* ее производные глагольного происхождения *страшный, страшно, страшиться* непосредственно связаны с психологической семантикой, о чем свидетельствует словарная статья: *страх* – «очень сильный испуг, сильная боязнь» [Ожегов 1984: 671]. С этим понятием связывают реакцию человека на события и предметы, вызывающие эти чувства. Именно разговорный стиль закрепил данное значение в словарях, а также использование этого слова при обозначении превосходной формы качества, оценки чего или кого-либо, что отразилось и на семантике слова *тяжесть* и его форм *тяжело, тяжелый*: *тяжелый* – имеющий большой вес; трудный, требующий большого труда, усилий; грузный, лишенный легкости; напряженный, затруднительный, доставляющий беспокойство, неприятность; опасный, горестный [Ожегов 1984: 711]. Чем дальше слово в его употреблении уходило от исходного значения, тем больше в нем получала развитие психологическая семантика.

Правомерность данного решения подтверждается анализом следующего фрагмента текста:

1) *«Она любила **ночной город**. Так было не всегда, росла она **правильной городской девочкой**, которую родители оберегали и запрещали возвращаться домой за **полночь**. Любовь к **ночному городу** возникла во время первой длительной заграничной командировки, когда ей пришлось три года прожить с мужем в Индии. **Днем** в **многолюдном и заполненном** звуками и запахами Дели она задыхалась и глохла, и только **ночь** приносила некоторое **облегчение**. Тогда она и привыкла строить свою **жизнь** так, чтобы **днем** спать, а **ночью** **работать**»* (А. Маринина «Воюющие псы одиночества»).

Здесь актуально словосочетание *ночной город*, с которым семантически связаны *облегчение, строить, жизнь, ночью работать*. Любовь к *ночному городу* порождается тем, что *днем в многолюдном и заполненном городе* героине было некомфортно. Одновременно происходит наращение, развитие темы одиночества, что подтверждает сюжет произведения. Противопоставление (день – ночь) становится знаком психологической опасности ночью и признаком психологической и физической безопасности дневного существования: *росла она правильной городской девочкой; родители оберегали и запрещали возвращаться домой за полночь*. Тема одиночества заявлена А. Марининой и в названии произведения.

В современном русском языке слова *страх* и *тяжесть* широко используются в различных стилях речи, художественной прозе особенно, сочетаясь со многими понятиями. Отмечается, например, слово *тяжесть* как отношение к таким обозначениям как вес, груз, положение физических тел относительно чего-либо и т.п. Порождение психологической семантики в информационном поле данной лексики обусловлено исходным

значением, а расширение ее содержания – коммуникативными потребностями.

В этом ряду семантических наращений, актуализации одной из информационных частей общей семантики находятся многие единицы лексической системы русского языка. К их числу можно отнести следующие слова, которые автор использует в тексте. Например:

2) *«Ком в груди налил **тяжестью** и стал разрастаться, **распирая** грудную клетку»* (А. Маринина «Воющие псы одиночества»).

3) *«Как, каким **двадцать седьмым** чувством она угадала и **плохие мысли**, и **тяжесть** на душе?»* (А. Маринина «Воющие псы одиночества»).

4) *«Але стало **страшно**. Так **страшно**, как не было никогда в жизни. Надо что-то говорить, что-то нейтральное, ерунду какую-нибудь, **судорожно** законопачивая щели, чтобы не давать **страху** вырваться наружу»* (А. Маринина «Воющие псы одиночества»).

5) *«И **холодный чугунный ком** внутри все продолжал **разрастаться**, **леденеть** и **тяжелеть**, **сокрушая** хрупкие ребра и **разрывая** тонкую кожу. Але захотелось завывать»* (А. Маринина «Воющие псы одиночества»).

6) *«**Страх** перед возвращением **ненавистных** килограммов диктовал ей свои условия жизни, одним из которых было “**ничего не есть после восьми**”. А уже **десять минут девятого**»* (А. Маринина «Воющие псы одиночества»).

7) *«От **страха** и **напряжения** она **ничего не видела** и **не смогла понять**, стоит на улице машина с шашечками или нет»* (А. Маринина «Воющие псы одиночества»).

В системе русского языка слово *страх* последовательно от наименования естественной реакции живого существа на опасность, угрозу окружающей природной среды, позднее от семантики вражды приобрело значение, связанное с описанием мыслей, настроения, душевного состояния человека. Новые условия порождения этих чувств,

продиктованных знаниями, опытом самого человека и традиций мира, в котором он живет, отразились на иных сочетаниях лексики в тексте. В русской литературе обычно использовалась мотивация таких ощущений страха, как положительный момент в сопереживаниях героев, что свидетельствовало и проявлялось в тревоге о близких людях, а также необходимостью их защитить от опасности, в ответственности перед людьми и для верующего человека перед Богом.

Интересен прием стилистической замены лексики в описании одного события, который использует автор, что является своеобразным способом создания психологической семантики в дополнительной характеристике персонажа. Например:

8) *«На этом **перекрестке**, к которому она всегда **подъезжала** со стороны **второстепенной дороги**, **подолгу горел красный свет**, отдавая **преимущество** тем, кто **двигался по проспекту**»* (А. Маринина «Воюющие псы одиночества»).

9) *«**Светофор милостливо мигнул**, дескать, ладно, так и быть, проезжайте, **второстепенные водилы**, только **быстренько-шустренько**, **не спите на ходу**, **благосклонность** моя ненадолго, **давайте шуруйте** по своим **второстепенным делам** и не **задерживайте главных**»* (А. Маринина «Воюющие псы одиночества»).

Во втором фрагменте сохраняются атрибуты городской картины, но от реальности описание ее отличает то, что в нем передаются реакция и внутреннее состояние героини, не связанное с данным местом, что уже появляется в следующем фрагменте.

10) *«После таких вечеров, как сегодня, у нее **всегда внутри** что-то **замерзало**, или **каменело**, или **сжелезивалось**, как она сама определяла это **неприятное состояние**, в котором присутствовали и **чувство вины**, и **брезгливость** к себе самой, и **отчаянные попытки** найти себе*

оправдание, и горькая очевидность бессмысленности и бесплодности этих попыток» (А. Маринина «Воюющие псы одиночества»).

Здесь преобладают наименования с психологической семантикой в их исходном состоянии. А. Маринина отстраняется от авторской оценки, сохраняет объективность, используя нетрадиционное словообразование *сжелезивалось*, что указывает на авторство: *она сама определила это неприятное состояние*. Указание на самооценку делает субъективный признак содержания слово реальным, объективным.

Наличие психологической семантики в данном тексте подтверждается самим названием произведения «Воюющие псы одиночества». В каждом слове именно психологический признак составляет основную часть содержания, что подтверждается зафиксированными в словарях значениями. Так, в словаре С.И. Ожегова к середине XX в. сохранены следующие толкования: *выть* – «издавать вой»; *вой* – «протяжный крик некоторых животных (волка, собаки и др.)»; «протяжный громкий плач, *вопл*»; «шум от протяжных звуков»; «шумный *протест, злобная брань*» [Ожегов 1984: 106, 80]; *пес* – «то же, что собака, а также самец собаки, кобель»; «о человеке, готовом на любые низкие поступки, дела (презр., бран.)» [Ожегов 1984: 443]; *одиночество* – «состояние одинокого человека»; *одинокий* – «отделенный от других подобных, без других, себе подобных»; «не имеющий семьи, близких»; «происходящий в отсутствии других» [Ожегов 1984: 381].

В трех словах названия романа А. Марининой сосредоточена однотипная психологическая семантика, что создает эффект трехкратного повтора с наращением нового смысла: *пес* воющий, несмотря на естественность его существования, обычно ассоциируется с негативным событием, предсказанием беды, тоской и одиночеством. Если само понятие *одиночество* может вызвать философские размышления, социальные мотивации, морально-этические причины появления данного состояния для

человека, то в сочетании с другими двумя словами в названии оно приобретает иной смысл – зло, ненависть, неадекватность поведения, психическое нездоровье и т.п. Не случайно в русской языковой культуре такое состояние человека ассоциировалось с поведением хищного животного, т.е. волка.

Новые коммуникативные условия создают дополнительное текстовое значение, которое носит отрицательную характеристику, когда чувство страха связано с нарушением внутреннего психологического состояния человека: потребность в благополучии материального свойства, физического комфорта, нежелания переживать о чем-либо или о ком-либо, зависеть от окружающих или собственного душевного состояния и т.п. Реальные или надуманные ощущения становятся причиной страха. Данная семантика является одним из основных компонентов текстов детективного жанра, а также многих сюжетных линий русской прозы. Не случайно к числу произведений детективного направления критика относила и роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «интеллектуальный детектив», «ранний постмодернизм», «лучшее из произведений о загадочной русской душе». Психологизм романа заложен в посвящении Анне Григорьевне Достоевской: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода (Евангелие от Иоанна, гл. XII, ст. 24)» (Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»).

В романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевский с первых же строк «от автора» использует лексические компоненты с психологической семантикой, которые можно отнести к словам с исходным, потенциальным и приращенным типом семантики в текстовом употреблении. Они представляют различные тематические группы и подгруппы, имеющие отношение к выражению оценочных, эмоциональных признаков. Например: *нахожусь в некотором недоумении* – «состояние сомнения,

колебания вследствие невозможности понять, в чем дело» [Ожегов 1984: 345]; *человек он отнюдь не великий* – «совсем, никоим образом» и «превосходящий общий уровень», выдающийся [Ожегов 1984: 408, 63]; *вопрос самый роковой* – «приносящий горе, как бы predetermined судьбой, роком», «решающий, определяющий дальнейшее», «имеющий тяжелые или гибельные последствия» [Ожегов 1984: 594]; *с прискорбием это предвижу* – «к крайнему сожалению или с большим сожалением, печалью» [Ожегов 1984: 517]; *примечателен, но решительно сомневаюсь* – «твердо, непреклонно», «без исключения», «вовсе, совсем» и «испытывать сомнение относительно чего-кого-нибудь» [Ожегов 1984: 590, 649]; *странно бы требовать* – «необычный, непонятный, вызывающий недоумение» и «просить в категорической форме, будучи убежденным в своем праве на то, чтобы эта просьба была выполнена», «иметь потребность, нуждаться в ком-, чем-нибудь», «заставлять» [Ожегов 1984: 670, 701-702]; *довольно несомненно* – «не вызывающий никаких сомнений, бесспорный» [Ожегов 1984: 352]; *человек странный, даже чудака, – странность и чудачество скорее вредят* – «необычный, непонятный, вызывающий недоумение» [Ожегов 1984: 670]; *право на внимание* – «охраняемая государством возможность, свобода что-либо делать действительно» [Ожегов 1984: 498]; *найти хоть какой-нибудь общий толк во всеобщей бестолочи* – «ясность, понятность, объяснение» и «беспорядок, неразбериха»; «о человеке – как бестолковым» [Ожегов 1984: 695, 42]; *чудака же в большинстве случаев частность и обособление* – «странный, со странностями, чудной человек» и «не типичное обстоятельство, подробность»; «стоящий отдельно (о человеке)» [Ожегов 1984: 771, 762, 371]; *я, пожалуй, и ободрюсь духом насчет значения героя* – «внушить что-либо, поднять настроение» [Ожегов 1984: 370]; *нелюбопытные и смутные объяснения* – «не отличаться стремлением что-либо узнать, неинтересный» [Ожегов 1984: 286]; *понравиться* – «быть

по вкусу, располагать к себе» [Ожегов 1984: 360]; *невозможно* – «неосуществимость, невыполнимость, крайность в моем проявлении [Ожегов 1984: 343]; *усложняется первоначальное мое затруднение* – «сделать более сложным» и «препятствие, помеха, трудное положение» [Ожегов 1984: 343, 193]; *чем объяснить такую с моей стороны заносчивость?* – «растолковать другому или осмыслить для самого себя, сделать ясным, понятным» и «высокомерный, чванный» [Ожегов 1984: 377, 184]; *теряясь в разрешении сих вопросов, решаюсь их обойти безо всякого разрешения* – «пропадать, утрачиваться, становиться слабее, лишаться самообладания, уверенности» и «избрать какой-то способ действия, отважиться»; «пройти, минуя кого-либо, что-либо [Ожегов 1984: 691, 590, 370]; *досадовал* – «чувствовать досаду» [Ожегов 1984: 151]; *из вежливости* – «соблюдение правил приличия, учтивость» [Ожегов 1984: 62]; *из хитрости* – «хитрый поступок» [Ожегов 1984: 749]; *заране в чем-то предупредил* – «заранее известить, уведомить, принять меры, опередить» [Ожегов 1984: 503]; *я даже рад тому, что роман мой разбился сам собою на два рассказа* – «испытывать радость и доставлять радость» и «разделить на части, группы» [Ожегов 1984: 555]; *есть такие деликатные читатели* – «вежливый, мягкий в обращении»; «затруднительный, требующий чуткого, тактичного отношения» [Ожегов 1984: 136]; *не ошибиться в беспристрастном суждении* – «справедливый, не обнаруживающий пристрастия» [Ожегов 1984: 41]; *сердцу легче: несмотря на всю их аккуратность и добросовестность* – «достигаемый, преодолеваемый»; «исполнительность, тщательность»; «честность выполнения, обязательность» [Ожегов 1984: 274, 21, 145]; *все-таки даю им самый законный предлог бросить рассказ на первом эпизоде романа* – «вполне понятный, допустимый, обоснованный»; «повод к чему-либо»; «направить, отпустить» [Ожегов 1984: 179, 501, 53]; *я совершенно согласен, что оно лишнее, но так как оно уже написано, то пусть и останется* –

«разрешение, утвердительный ответ на просьбу»; «общность точек зрения»; «единодушие»; «дружественные отношения»; «дать чему-нибудь свободу, привести в движение»; «продолжить пребывание»; «сохранить» [Ожегов 1984: 498].

Лексикографический анализ показал, что, несмотря на разнообразные способы выражения слов, словосочетаний и предложений, текстовые единицы с психологической семантикой взаимодействуют в данном фрагменте романа, относятся или близки к одному информационному полю, отражающему внутреннее состояние человека.

Выявление особенностей и функциональной значимости психологической семантики в художественном тексте как одного из ведущих компонентов коммуникации позволили В.Н. Левиной, вслед за С.В. Пискуновой [Пискунова 2002] выделить по данному признаку отдельную классификационную группу текстовых пейзажных единиц, передающих психологический портрет человека. В качестве примера автор правомерно использует фрагмент текста, в котором на небольшом пространстве «осуществилась тематическая связь и произошло структурирование пейзажной единицы, передающей внутреннее состояние человека, зависящее от природной стихии» [Левина 2012: 82]:

Становилось ужасно холодно и едва я высовывался из воротника, как морозный сухой снег, крутясь, набивался в ресницы, нос, рот и заскакивал за шею; посмотреть, кругом – все бело, светло, нигде ничего, кроме мутного света и снега. Мне стало серьезно страшно (Л.Н. Толстой «Метель»).

Способы выражения психосемантики в художественном тексте приобретают системный характер не только для данного типа произведений, но являются характерным признаком многих вариантов текстовой коммуникации. Актуализация данного содержания получает дополнительное значение за счет собственно лексических возможностей

языка, что в свою очередь привело к нарушению границ между литературными жанрами, в том числе к появлению художественно-публицистических очерков. Признаком таких текстов является наличие одного из сложных структурных образных смыслов, связанных с процессом поэтизации [Пискунова 2002]. Изменение стилистики текстов русской прозы XX в., их формата и жанровых форм привело к тому, что многие семантические характеристики, свойственные произведениям XIX в., стали исчезать, трансформироваться.

Поэтому интересны именно те случаи сохранения и дальнейшего развития многообразных информационных тем в новых типах текстов.

Данное преобразование можно проследить в произведении А.И. Солженицына из цикла «Крохотки», в котором участвуют лексика, грамматические формы; наиболее сложным, но четко организованным за счет актуального членения текста [Пискунова 2002: 306-308], стало психологическое семантическое противопоставление.

Отражение в воде

В поверхности быстрого потока не различить отражений ни близких, ни далеких: даже если не мутен он, даже если свободен от пены – в постоянной струйчатой ряби, в неугомной смене воды отраженья неверны, неотчетливы, невероятны.

Лишь когда поток через реки и реки доходит до спокойного широкого устья, или в заводи остановившиеся, или в озерке, где вода не продрогнет, – лишь там мы видим в зеркальной глади и каждый листик прибрежного дерева, и каждое перышко тонкого облака, и налитую голубую глубь неба.

Так и ты, так и я. Если до сих пор всё никак не увидим, всё никак не отразим бессмертную чеканную истину, – не потому ли, значит, что еще движется куда-то? Еще живем? (А.И. Солженицын «Отражение в воде»).

Выделение ключевых компонентов еще не позволяет увидеть семантическую сложность текста, поэтому целесообразно распределить его лексический состав по тематическим группам с указанием исходного и потенциально-текстового психологического содержания. Результаты анализа отражены в таблице 2.12 «Семантическое преобразование слова в тексте» (Приложение 21).

Из этого следует, что текст состоит из трех компонентов, грамматически выраженных, т.е. актуализированных лексем, словосочетаний, групп синтаксических членов предложений, семантика которых распределена на схеме 2.2. по модели *троичной оппозиции* [Пискунова 2002] (Приложение 22).

Символика воды в художественном тексте всегда имела особое функциональное значение. Об этом неоднократно писали многие исследователи, рассматривая исходное, социальное, философское, а также психологическое содержание различных способов ее выражения. Способность воды быть отражающей поверхностью является чисто физическим свойством, но в семантической структуре текста она приобретает особый смысл. Текстовые единицы вступают в новые отношения, и тогда содержание слова меняется под влиянием взаимодействия лексики. Так, свойство воды ассоциируется с действиями человека, его психофизиологическим состоянием, когда человеку подвластно заметить состояние природы и в связи с этим понять суть вещей, окружающего мира и самого себя.

Языковая форма данного текста представляет собой сочетание стилей: содержание предполагает наличие художественной образности, описание пейзажа; обобщение в рематической части – философское обобщение; цель – публицистическое научение, получившее развитие в жанре художественно-публицистического очерка.

Центральное место в семантической структуре «отражение в воде», когда в заголовочном компоненте текста глагольное слово *отражение* грамматически связано с формой *в воде* (что говорит о действии природы), занимает оппозиция (я – ты). Единство в противопоставлении передается формой 1-го лица множественного числа глаголов *не увидим, не отразим, живем*. То, что присуще природе, еще, по мнению или предположению А.И. Солженицына, не подвластно человеку, но возможно. Ответ на этот вопрос он ищет в своем цикле «Крохотки».

Подобное семантическое моделирование текста известно в русской поэзии. Одним из вариантов тестообразования, близком по организации содержания, можно считать стихотворение А.С. Пушкина «Эхо».

В основе исходной информации находится описание физической природы возникновения, развития и завершения природного явления – эхо. Последовательно, в деталях за счет ритмической организации фонем, семантики слов, построения предложений передается сущность данного звукового эффекта. При этом лексема *эхо* употреблена только в названии произведения. Основной смысл текста передают заключительные строки, которые, как отмечает С.В. Пискунова, представляют собой рематическую часть при актуальном членении текста [Пискунова 2002: 307-308]. Из этого следует, что именно в этой части сконцентрировано содержание, которое получило свое развитие, приобрело дополнительное значение, в семантический объем которого может войти психологический смысл, связанный с противопоставлением (поэт / я – эхо / ты).

Модель стихотворения по способу testoобразования имеет следующее выражение (выделены повторы фонем, ключевые слова, обозначено актуальное членение как Т (тема) и R(рема)):

Эхо / R

Ревет ли зверь в лесу глухом, / T

Трубит ли рог, *гремит* ли гром, / T

Поет ли дева за холмом – / Т
На всякий звук / Т
Свой отклик в воздухе пустом / Т
Родишь ты вдруг. / Т
Ты внемлешь грохоту громов, / Т
И гласу бури и валов, / Т
И крику сельских пастухов – / Т
И шлешь ответ; / Т
Тебе ж нет отзыва... Таков / R
И ты, поэт! / R
 (А.С. Пушкин «Эхо», 1831 г.)

Развитие психологического эффекта в семантическом поле текста обусловлено повторами фонем, которые связаны с физическим процессом, т.е. образованием эха, но приобретают признак усиленного воздействия (*р, з, т, г, тр, гр, зв, вдр, кр*), угасания звучания (*гл, м, х, фс, п, ст, ш, шл*). Семантика ключевых слов также формируется за счет противопоставлений, передающих образование звукового отражения: зарождение звука (*ревет, зверь, трубит, рог, гремит, гром, поет, звук, в воздухе пустом, родишь, грохоту громов, гласу бури и валов, крику*); угасание звука и образование преграды для отражения (*в лесу глухом, за холмом, свой отклик, внемлешь, шлешь ответ*).

Заявленная в заголовочном компоненте тема «ЭХО» полностью реализована. Рематическая часть («Эхо» – R) перешла в толкование (первая и вторая части текста без последних двух строк – T), а затем на фоне темы (T) получила развитие рема (R): *Тебе ж нет отзыва... Таков и ты, поэт!*

Следует обратить внимание на форму личного местоимения в качестве обращения и собственно обращения «поэт». Звуковая волна сохранена, вновь минимум звуков (*т, з, в, к, п*). Орфоэпическая норма старомосковского произношения и культура актерской и филологической

речи до настоящего времени требует произношения безударного звука в слове *поэт* как *о*, что вновь восстанавливает в памяти слово *эхо*. Поэтому происходит дальнейшее развитие текстовой семантики со значительным по функции психологическим признаком: *поэт – эхо*; *поэт – нет отзыва*; *поэт – таков и ты*; *эхо = таков и ты (поэт)*. За кажущейся простотой формы, содержания слов скрыт сложный философский смысл и обостренное чувство, размышление, поэтическое наблюдение, психологическое содержание.

Таким образом, в процессе формирования психологической семантики при порождении поэтического и прозаического текстов могут участвовать все единицы, которые уже приобрели в ходе коммуникации данное значение или получают его в творческой деятельности языковой личности. Ведущую роль в организации психологической семантики в поэтическом и прозаическом художественном текстах выполняют:

1. лексемы с исходным и приращенным содержанием по замыслу автора и дополнительному восприятию читателем;
2. грамматические формы слов и предложений способствуют дальнейшему развитию данного смысла;
3. особую связующую функцию в создании подобного типа информационного поля выполняют графемы в письменной форме и звуки в устной форме текстов, которые действуют в творческом процессе создания текстовой семантики по правилам своей подсистемы языка;
4. нестандартные авторские единицы в структуре текста придают форме произведения индивидуальный дифференциальный признак психосемантики, что является одной из типичных характеристик произведений и образует систему текстовых единиц, в число которых входят элементы с психологическим содержанием.

Именно это в наибольшей степени способствует развитию языка, о чем свидетельствует история русской литературы и ее значение в формировании семантики лексической системы.

Поэтому особую функциональную значимость и индивидуально-авторские способы ее выражения приобретает психологическая семантика в художественном творческом отображении современной картины реального и воображаемого мира, что должно усиливать поэтизацию речи.

Выводы к главе II

Основную нагрузку в процессе формирования психологического типа сложной семантики выполняют лексические единицы системы языка. Слово, обладая данным видом содержания, способно участвовать в создании информационного поля текста, передавая различные состояния человека, оценку его поступков с позиции автора, а также порождать у получателя информации дополнительный психологический смысл. Сочетание слов в их различной грамматической выраженности способствует развитию данной семантики в условиях общения в диалектной среде, взаимодействия диалектной и литературной форм русского языка, для которых эти смыслы могут быть сходными в пределах исторической номинации знаний и новыми в качестве диалектического развития средств языковой коммуникации.

Особая роль в существовании данной информации, исходной и приращенной, принадлежит тематическим текстovým единицам, связанным с описанием человека, природы, предметов окружающего мира, исторических событий, которые по-разному и одновременно

функционально сходно для коммуникантов играют основную и фоновую роль в текстах.

Исходная психологическая семантика закреплена за классами слов в зависимости от их использования в различных типах текстов, функциональных стилях, речевых ситуациях. Наиболее продуктивна роль существительных, сочетания существительных с актуализированными глаголами, а также словосочетаний существительных и прилагательных. Данный семантический признак в слове, а затем в тексте достаточно статичен и связан с номинацией, зафиксированной в системе языка. Наречные компоненты предложения и текста передают или актуализируют психологическую семантику, что зависит от их индивидуального использования автором текста.

Если обстоятельства в структуре предложения приобретают ключевую роль при обозначении времени и места действий человека, природных явлений, традиционных обрядовых событий, то лексические единицы, одиночные и участвующие в словосочетаниях, образуют данные компоненты простых и сложных синтаксических конструкций в новом качестве. Это связано с концентрацией информации, перспективой развития коммуникативной значимости предложения и текста. Это свойственно художественным, публицистическим и обрядовым фольклорным произведениям.

Упрощенная форма вербального текста в Интернете дополнительно актуализирует данный тип семантики в семантической структуре слова, в том числе в никнеймах, что обусловлено именно краткостью большинства сообщений, особенно диалогов.

Психологическая семантика получает свое развитие в диалектной среде не только между носителями говоров, но при взаимодействии с другой, городской средой, что является свидетельством современного преобразования системы говоров. Это влияет на нормы литературного

языка в положительном (художественный текст) и отрицательном (официально-деловой, научный, публицистический тексты) смыслах, т.к. функциональная значимость диалектизмов в этих стилях различна.

В художественном тексте наличие, формирование и дальнейшее развитие психологической семантики приобретает особое текстообразующее значение, которое проявляется во взаимодействии всех структурных, актуализированных и фоновых, единиц, имеет традиционные и авторские способы выражения, что отражает состояние и перспективу действия языковой системы. Одновременно такое преобразование свидетельствует о роли языковой личности в творческом процессе текстовой коммуникации, о знаниях культуры, философии, мировых и национальных традициях, этических и эстетических нормах, что составляет многоаспектное содержание художественного произведения.

На основе единства действия психологической семантики в творческой картине мира русских авторов можно говорить не только о наличии традиций, но и создании психологической модели художественного текста, хотя бы в рамках одной языковой культуры.

Свобода языкового творчества наиболее ярко проявилась в конце XX в. и начале XXI в., что отразилось на появлении тенденции свободного употребления лексики и построения предложений. Наибольшие изменения произошли в публицистическом стиле, снижении норм в сторону просторечия и допустимости использования сниженной лексики. Это повлияло на преобладание психологической агрессии во многих публикациях современных СМИ, программах телевидения.

Условия современного общения во многом влияют на психологическое и функциональное состояния коммуникантов, их речевую деятельность. Интернет, популярные средства массовой информации, в т.ч. и телевидение стали основными источниками и формами коммуникации для многих пользователей. Сфера социального существования человека

находит своё отражение в оценке полученных сведений при помощи публицистических текстов, т.е. может повлиять на качество адекватной или неадекватной исходной и приращённой психологической семантики. Это проявляется уже в выборе разделов, источников информации, что связано с авторскими предпочтениями, и имеет психологический признак речевой деятельности языковой личности. Обращение к одним и тем же информационным блокам приводит к формированию устойчивых речевых навыков, отражается на состоянии индивидуальной подсистемы языка. Происходит это за счет следующих преобразований: актуализация психологического признака; появление отрицательной семантики в структуре текста, развитие речевой агрессии, снижение стилистических норм и т.д.

Восприятие и дальнейшее использование коммуникантами психологической семантики в процессе общения зависит от их лингвистической эрудиции, способствует дальнейшему развитию системы текстовых форм, сохранению исторической памяти, зафиксированной в слове. Это свойственно не только диалектизмам, лексике художественных произведений русской литературы, но и современной публицистике, текстам СМИ и Интернета, телевидения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Соотношение исходных данных о состоянии языка и его потенциальных возможностей с учетом индивидуальной речевой деятельности приводит к динамическим процессам в формировании текстовой семантики. К числу таких признаков, актуальных дифференциальных, коммуникативно значимых в современных условиях общения, следует отнести психологический семантический признак, во многом исторически связанный со знаниями человека о природе и символике картины мира, обусловленной традиционной и современной культурой. Поэтому семантический объем слова и текста зависит от коммуникативной ситуации, которая может быть в отношениях между коммуникантами следующего характера: противопоставление, сотрудничество, опережение, отставание, отсутствие знаний и опыта, наличие передового опыта и т.п. Это одновременно является основанием для развития или утраты исторических значений, а также появления новых значений.

Определение семантического объема слова, в структуре которого одно из ведущих мест может занимать психологическое содержание, зависит от многообразия знаний коммуникантов.

Современные исследования текстовой коммуникации непосредственно связаны с изучением семантической структуры, средств и способов ее языкового выражения, с анализом процессов порождения и восприятия, взаимодействия единиц системы языка в различных речевых ситуациях.

Коммуникативная функция текста определяется реально существующими речевыми условиями и зависит от психологии речи и

особенностей психики языковой личности, а также от избранной ею формы получения, обмена информацией.

Для современной речевой практики характерно употребление различных типов текстов, которые непосредственно связаны с наличием исходной психологической семантики. Прямым обозначением такого смысла являются лексические оппозиции, содержание которых многообразно отражает исторические условия существования социума. Многие из них порождаются личными и общественными отношениями людей, носят характер традиционного и индивидуального признака. Среди них наиболее естественными принято считать отношения в малых социальных группах с учетом гендерной принадлежности и возрастных особенностей участников, их статуса, роли в коллективе, семье и т.д.

Психологическая семантика в структуре слова и текста имеет следующие свойства:

1. основная (исходная), естественным образом закрепленная в коммуникативном процессе;
2. приращенная к любому типу содержания на базе взаимодействия с другими компонентами текста;
3. целенаправленная (функциональная), связанная с индивидуальными задачами коммуникантов (отправитель и получатель информации).

Для психологической семантики в динамическом процессе общения характерны ограничения в коммуникативном пространстве, обусловленные стремлением к самосохранению, безопасности человека при наличии здравого смысла, актуализации исходного, философского, эстетического содержания и других типов информации, отражающих аналитические способности в восприятии окружающей действительности и личностного отношения к миру.

Единицы языковой системы имеют в своем исходном состоянии различный объем психологической семантики, которая в тексте может актуализироваться и изменять свой иерархический статус. Сочетаемость слов, их позиция в предложении, участие в рематическом положении при актуальном членении текста связаны с особенностями функции. Развитие психологического смысла обусловлено характером речевых ситуаций, способностями к речевой деятельности языковой личности.

Грамматический строй русского языка в своем историческом развитии по-разному реагировал на наличие и раскрытие психологического признака в структуре текста. Это связано с возможностями представителей грамматических классов слов, строением предложений, физической природой звуков для устной речи и графем для письменного текста отражать или передавать представление человека о данном явлении.

Функциональная нагрузка текстовых компонентов различна при порождении и восприятии психологической семантики. Существительные и субстантивные формы различных частей речи в зависимости от синтаксической позиции обладают достаточно большими возможностями в плане формирования и сохранения психосемантики: исходная, потенциальная, текстовая, ситуативная, приобретенная и т.п.; статичная и динамичная; объективная и субъективная; реальная и вымышленная; актуализированная и фоновая; формально выраженная и нулевая и т.д. Глаголы и глагольные формы по своей грамматической сущности обладают способностью к отражению психологической картины мира в наибольшем объеме. Оценочные характеристики, обладающие психологическим признаком, закреплены за адъективными и адverbальными единицами языковой системы. Семантика количества, счета может также формировать психологический смысл.

Проявление психосемантики зависит от речевых ситуаций, которые в основе своей закреплены, прежде всего, за системой функционально-

стилистических разновидностей речевого действия языковой личности. При этом предполагается, что языковая личность знакома с особенностями стилистических разновидностей речевого поведения и хорошо владеет их нормами, нарушение которых может привести к психологическому дискомфорту в общении, к развитию лингвистической опасности.

Жанровые разновидности текстов, получившие оценку в филологической науке, определенные классификационные признаки в семантическом плане обладают различным объемом психологической семантики, которая во многом зависит от роли коммуникантов в данном процессе.

Диалектные единицы в системе языка, общение диалектоносителей обладают в значительной мере статичной психологической семантикой, которая способна актуализироваться и быть экзотичной при общении информанта и исследователя в процессе языкового творчества при создании публицистических, очерковых, художественных текстов. Кроме того, лексика говоров, связанная с обрядовыми текстами и обладающая символическим смыслом, может уходить в пассивный состав, скрывать свою психологическую функцию в текстообразовании.

Естественным признаком психосемантики в русской речи можно считать его наличие в диалектах как первооснове литературного языка, который позднее приобретает дополнительную функциональную смысловую и эстетическую значимость. Такую же роль приобретают диалектизмы, в семантической структуре которых присутствует психологическая семантика в устной разговорной речи, эпистолярном стиле, юридических и политических текстах.

В XXI в. высокую функциональную нагрузку приняли на себя лексические и синтаксические единицы текста в организации основной и фоновой информации в телевизионном и интернет-общении, которое создает особые условия порождения конфликтной зоны, часто

возникающей при нарушении норм культуры речи, что приводит к возникновению проблемы лингвистической безопасности в коммуникативном процессе.

Особенность художественного текста по отношению к психосемантике состоит в том, что ее наличие является одним из ведущих признаков в его информационном поле. Развитие данного типа содержания увеличивает функциональную значимость системы языка в текстовой коммуникации. Этим художественное произведение отличается от других видов общения посредством публицистического, официально-делового, научного стилей. Несколько отличается разговорно-бытовая речевая деятельность человека, которая может обладать повышенной эмоциональностью и, следовательно, психологической семантикой на лексическом, синтаксическом, текстовом уровне с учетом морфемки и фонетической структуры. Все это обусловлено индивидуальным выбором языковой личности, взаимодействующей и влияющей на систему языка, коммуникативные ситуации.

В XX-XXI вв. языковая система достаточно прочно укрепила свои позиции и влияние на социальное развитие общества, язык охватил все сферы общения, стал в значительной степени публичным, увеличилась скорость передачи информации, в которой во многом актуализировалась психологическая семантика и форма ее выражения.

Актуализация, развитие и затем закрепление психологической семантики в структуре слова и текста являются одним из художественных приемов в индивидуальном творчестве, но одновременно продуктивным способом формирования сюжета, его функции в коммуникативном пространстве порождения и восприятия информации.

Формирование, развитие и функционирование психологической семантики в структуре слова и текста происходило и по-прежнему зависит

от коммуникативных ситуаций, которые имеют исторический и современный характер. Это позволяет выделить следующие аспекты:

1. В системе русских народных говоров: 1) естественно распределенная лексика нейтрального и интенционального характера по дифференциальному психологическому признаку; 2) ключевые слова с мифологическим содержанием в структуре обрядового текста; 3) актуализированные диалектизмы в системе русского литературного языка.

2. В публицистическом стиле: 1) закрепленная лексика и синтаксические единицы текста с оценочной семантикой в качестве компонентов с психологическим признаком; 2) слова с исходным и потенциальным смыслами в различных типах публицистики, СМИ, телевидении и позднее Интернете с психологической семантикой; 3) дополнительная психологическая семантика в стандартных речевых оборотах для создания продуктивных форм передачи информации;

3. Художественный стиль – наиболее эффективное формирование и развитие психологического содержания в структуре слов и текста, что связано с использованием возможностей языковой системы в сочетании с авторской индивидуальностью как способа отражения художественного восприятия мира: 1) особенность использования фонемной организации поэтического текста, а также отдельных форм поэтизированной прозы; 2) возрастание функциональной значимости порождаемых тематических текстовых единиц в различных грамматических формах; 3) текстообразующая роль психологической семантики при синтаксическом и актуальном членении текста, в формировании которых принимают активное участие заголовочные компоненты по аналогии с публицистическими текстами.

Отличительной чертой современного общения в XX-XXI вв. является языковое упрощение во всех стилях речи, что обусловлено увеличением скорости передачи информации, ее публичностью, появлением

электронных средств, с достаточно свободным к ним доступом. Упрощенная языковая форма в речи политиков, политологов, журналистов и писателей порой напоминает, особенно в телевизионных вербальных текстах, спортивные репортажи.

Происходит семантическое, стилистическое упрощение слова, которое по своей природе состоит из нескольких информационных аспектов. Изменение объема содержания, отсутствие знаний приводит к перераспределению семантических пластов, и тогда происходит актуализация одного значения над другим. К их числу относится и психологическая семантика, которая способна стать ведущей, т.к. всегда присутствует или получает свое развитие в речевой деятельности человека. Поэтому все чаще коммуниканты создают или сами оказываются в оскорбительной или конфликтной речевой ситуации, что позволяет говорить о необходимости сохранения лингвистической безопасности.

Лингвистическая безопасность речевой деятельности коммуникантов непосредственно связана со следующими факторами:

1. сохранение семантического объема лексики и возможность ее дальнейшего смыслового и функционального развития в условиях современного общения с учетом новых форм передачи информации о языковой структуре;
2. продуктивное использование единиц системы языка для формирования, динамических процессов речевых навыков и интеллектуальных способностей коммуникантов;
3. сохранение прав пользователей языка и создание психологии речевого комфорта на основе соблюдения норм вербального общения, знания основных правил употребления единиц языковой системы и проявления индивидуального речевого творчества при передаче информации;

4. влияние внешних языковых и информационных систем в связи с увеличением количества средств общения на глобальном коммуникативном пространстве.

Особенности порождения и восприятия психологической семантики в структуре слова и текста как отражение условий современной языковой коммуникации, преобразование содержания многих лексем отражается на состоянии системы языка, способах передачи информации, развитии речевой деятельности. Функциональная нагрузка ключевых слов в тексте обусловлена наличием в них основного исходного и актуализированного приращенного содержания, о чем свидетельствует лингвистический и лексикографический анализы. Нарращение психологической семантики в процессе текстообразования может носить положительные и отрицательные значения для современного языкового общения.

Системное описание психологически мотивированной, зависимой от специфики вербальной формы речевой коммуникации должно проводиться с привлечением методов, приемов, методик многих научных направлений с использованием большого фактического материала. Это связано с тем, что по своей природе общение людей не может или почти не может быть нейтральным, всегда присутствует определенная сила эмоций, даже при соблюдении этики и такта, отсутствии конфликтности, так, уже согласие несет в себе психологический признак. Языковая форма любого типа речевого общения не застрахована от присутствия в ней информации о системе и участниках процесса коммуникации в плане психологического содержания. Поэтому невозможно рассмотрение всех аспектов данной проблемы в пределах одной диссертационной работы. Приходится делать выбор при постановке вопросов, отбора материалов, способов их описания и подачи. Целесообразно для последующего научного поиска наметить основную проблематику, описать наиболее общие актуальные признаки развития психологической стороны деятельности коммуникантов через

анализ эффективных способов общения в системе языковой культуры. На новом уровне научного поиска потребуется более детальное изучение отдельных видов речевых ситуаций, анализ конкретных речевых произведений как компонентов системы вербальных форм, связанных с проявлением психологической семантики в различных функционально значимых коммуникативных процессах.

Решение проблем соотношения причин, условий и форм развития психологической семантики в различных типах текстовой коммуникации актуально для современной лингвистики. Оно является существенным дополнением в различных научных направлениях, позволяет изучить такие сложные явления речевой коммуникации, которые приобретают новое содержание и функции в обмене информацией и во многом влияет на речевую деятельность языковой личности и систему языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Список использованной научной литературы

1. Адмони, В.Г. Основы теории грамматики / В.Г. Адмони. – М.; Л.: Наука, 1964. – 340 с.
2. Акулинина, Е.П. Система флористических текстовых единиц в творческой картине мира Б.Л. Пастернака: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Екатерина Петровна Акулинина. – Тамбов, 2009. – 24 с.
3. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Academia 2002. – 394 с.
4. Алефиренко, Н.Ф. Проблемы вербализации концепта. Теоретическое исследование / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград, 2003. – 96 с.
5. Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики: монография / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 1999. – 274 с.
6. Алефиренко, Н.Ф., Семенов, Н.Н. Русская ментальность и паремическая семантика: когнитивно-прагматический аспект проблемы / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов // Вестник московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2011. – № 1. – С. 5-10.
7. Алтабаева, Е.В. Замятинский текст как явление культуры // Язык и социум: материалы IX Международной научной конференции, 3-4 декабря 2010 г. Минск: в 3 ч. Ч. 2 / отв. ред. Л.Ф. Гербик. – Минск: БГУ, 2011. – С. 4-7.
8. Алтабаева, Е.В. Интерпретация национально-культурного концепта «желание» в лирико-философской прозе В.В. Розанова // Славянские языки и культуры в современном мире: Международный научный

- симпозиум (Москва, МГУ имени Ломоносова, филологический факультет, 24-26 марта 2009 г.): труды и материалы / под общ. рук. М.Л. Ремневой. – М.: МАКС Пресс, 2009. – С. 256.
9. Алтабаева, Е.В. Концептуальные основания и системная организация категории оптативности в современном русском языке: монография / Е.В. Алтабаева. – Мичуринск: МГПИ, 2007. – 191 с.
 10. Алтабаева, Е.В. Замятинский текст как явление национальной культуры и духовности: монография / Е.В. Алтабаева, В.Е. Маясов, Е.А. Лебедева, Ю.Ю. Фотинова; под ред. Е.В. Алтабаевой. – Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2011. – 290 с.
 11. Апресян, Ю.Д. О состоянии русского языка / Ю.Д. Апресян // Русская речь. – 1992. – № 2. – С. 51-52.
 12. Арапов, М. Наш великий и могучий / М. Арапов // Знамя. – 2006. – № 2. – С. 163-176.
 13. Арнаудов, М.П. Психология литературного творчества / М.П. Арнаудов. – М.: Прогресс, 1970. – 656 с.
 14. Арнольд, И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста / И.В. Арнольд // Иностранные языки в школе. – 1978. – №4. – С.6-13.
 15. Арнольд, И.В. Стилистика декодирования. Курс лекций / И.В. Арнольд. – Л., 1974. – 70 с.
 16. Арсеньева, Т.Е. Коммуникативные стратегии и тактики просветительского радиодискурса (на материале программы «Говорим по-русски»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Арсеньева Татьяна Евгеньевна. – Томск, 2013. – 24 с.
 17. Афанасьева, Н.А. Авторский символ и его роль в смысловой организации художественного текста (на материале языковой модели мира М. Цветаевой) / Н.А. Афанасьева // Принципы и методы исследования в филологии: Конец XX в.: сборник статей научно-

- методического семинара «TEXTUS». – СПб. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – Вып. 6. – С. 380-384.
- 18.Бабенко, Н.Г, Васильев, И.К., Казарин, Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста: Учебник для вузов по специальности «Филология» / Н.Г. Бабенко, И.К. Васильев, Ю.В. Казарин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 534 с.
- 19.Бабенко, Н.Г. Когнитивная структура текста (модель анализа) / Н.Г. Бабенко // Русский язык на рубеже тысячелетий: материалы Всероссийской конференции 26-27 октября 2000 г. В 3 т. Т. 1. Актуальные проблемы лингвистической теории и практики преподавания русского языка и культуры речи. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – С 24-35.
- 20.Бабенко, Н.Г. Язык русской прозы постмодернизма: динамика лингвопоэтической нормы: автореферат дис... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Бабенко Наталья Григорьевна. – СПб., 2008. – 45 с.
- 21.Базылев, В.М. Российский политический дискурс (от официального до обыденного) / В.М. Базылев // Политический дискурс в России. – М.: Диалог – МГУ, 1997. – С. 7-9.
- 22.Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка: монография / Ш. Балли. – М.: Иностранная литература, 1955. – 416 с.
- 23.Белянин, В.П. Психологические аспекты художественного текста / В.П. Белянин. – М.: Московский государственный университет, 1988. – 120 с.
- 24.Бергельсон, М.Б. Принципы коммуникации, коммуникативные функции языка и фактор адресата / М.Б. Бергельсон // Материалы 4-й Международной конференции РКА "Коммуникация-2008": Коммуникация в современной парадигме социального и гуманитарного знания. – М., 2008. – С. 128-131.

25. Берестова, О.Г. Репрезентация эмотивного смысла в структуре образа персонажа / О.Г. Берестова // Рациональное и эмоциональное в русском языке: Международный сборник научных трудов. – М.: МГОУ, 2012. – С. 41-43.
26. Беспалова, Т.А. Система текстовых единиц с семантикой *солнце* в структуре текста (на материале прозы и поэзии М. Цветаевой): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Беспалова Татьяна Анатольевна. – Тамбов, 2006. – 25 с.
27. Бехтерев, В.М. Личность художника в рефлексологическом изучении // Театральный альманах «Арена» / В.М. Бехтерев; под ред. Е. Кузнецова. – Пг.: Время, 1924. – С. 25-44.
28. Блакар, Р.М. Язык как инструмент социальной власти / Р.М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 88-120.
29. Боас, Ф. Ум первобытного человека / Ф. Боас. – М.: 1-я образц. типография в М., 1926. – С. 8.
30. Богин, Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику / Г.И. Богин. – М.: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. – 516 с.
31. Богин, Г.И. Типология понимания текста / Г.И. Богин. – Калинин: Изд-во КГУ, 1986. – 86 с.
32. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2001. – 123 с.
33. Болдырев, Н.Н. Категориальная система языка / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. X: Категоризация мира в языке: коллективная монография / гл. ред. серии Н.Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – С. 17-120.

34. Болдырев, Н.Н. Концептуальная основа языка / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллективная монография / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 25-77.
35. Болотнова, Н.С. Коммуникативная стилистика текста: Словарь-тезаурус / Н.С. Болотнова. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. – 384 с.
36. Болотнова, Н.С. Об изучении ассоциативно-семантических полей слов в художественном тексте / Н.С. Болотнова // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века: сб. ст. в честь проф. С.Г. Ильенко. – СПб., 1998. – С. 242-247.
37. Болотнова, Н.С. О трёх направлениях коммуникативной стилистики художественного текста и изучении текстового слова / Н.С. Болотнова // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте: научн. тр. каф. совр. рус. яз. и стилистики Томского гос. пед. ун-та / Под ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск: Изд-во ЦНТИ, 2000. – С. 4-8.
38. Болотнова, Н.С. Смысловое развертывание художественного текста / Н.С. Болотнова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка; под ред. М.Н. Кожинной. Члены ред. Коллегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, Д.П. Сковородников. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 392-396.
39. Болотнова, Н.С. Текст как явление культуры и его лингвокультурологические коды / Н.С. Болотнова // Русская речевая культура и текст: материалы VI Международной конференции (25-27 марта 2010 г.) / под ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2010. – С. 65-73.
40. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста / Н.С. Болотнова. – Изд. 3-е, доп. – М., 2007. – 520 с.

- 41.Бондарко, А.В. О грамматике функционально-семантических полей А.В. Бондарко // Известия АН СССР. – 1984. – № 6. – С. 492-503.
- 42.Бондарко, А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии / А.В. Бондарко. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – 219 с.
- 43.Бондарко, А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка / А.В. Бондарко. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
- 44.Бонде, Л. Магия цвета. Цветотерапия на каждый день / Л. Бонде. – СПб: Питер, 1997. – 384 с.
- 45.Борисова, И.Н. Категория цели и аспекты текстового анализа / И.Н. Борисова // Жанры речи: сб. науч. статей. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 81-97.
- 46.Борисова, И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И.Н. Борисова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 408 с.
- 47.Бреслав, Г.Э. Цветопсихология и цветолечение для всех / Г.Э. Бреслав. – СПб: Б.&К., 2000. – 214 с.
- 48.Бушканец, Л.Е. Ночь и день в художественной картине мира А.П. Чехова / Л.Е. Бушканец // Природа в художественной литературе: материальное и духовное: сборник научных статей. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2004. – С. 45-55.
- 49.Валгина, Н.С. Теория текста. Учебное пособие / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
- 50.Васильев, С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста / С.А. Васильев. – Киев: Наук. думка, 1988.– 237 с.
- 51.Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание/ А. Вежбицкая; пер. с англ., отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

52. Вепрева, И.Г. О кодифицированной норме в современной культурно-речевой ситуации: норма и мода / И.Г. Вепрева // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. – М., 2006. – С. 116-117.
53. Веретёнкина, Л.Ю. Стратегия, тактика и приемы манипулирования / Л.Ю. Веретёнкина // Лингвокультурологические проблемы толерантности: тезисы докладов Международной научной конференции (Екатеринбург, 24-26 октября 2001 г.) – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – С. 177-179.
54. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963. – 251 с.
55. Виноградов, В.В. Язык художественного произведения / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1954. – № 5. – С. 19-24.
56. Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. – М.: Наука, 1993. – 172 с.
57. Винокур, Г.О. Избранные работы по русскому языку / Г.О. Винокур. – М.: Учпедгиз, 1959. – 492 с.
58. Винокур, Г.О. Филологические исследования / Г.О. Винокур. – М., 1990. – 452 с.
59. Волошинова, Т.Ю. Эстетика тождества: назад в будущее? Читатель художественного текста как субъект коммуникации в современном обществе / Т.Ю. Волошинова // Актуальные проблемы теории коммуникации: сб. науч. тр. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 186-192.
60. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф; вступ.ст. Н.Д. Арутюновой, И.И. Чельшевой. – М.: КомКнига, 2006 (Лингвистическое наследие XX века). – 280 с.
61. Воробьев, В.В. Культурологическая парадигма русского языка: теория описания языка и культуры во взаимодействии / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во Ин-та рус. яз., 1994. – 76 с.

62. Воробьев, В.В. Лингвокультурологическая парадигма личности / В.В. Воробьев. – М., 1996. – 170 с.
63. Воробьев, В.В. Лингвокультурология (теория и методы): монография / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
64. Воробьев, В.В. Языковая личность и национальная идея / В.В. Воробьев // Народное образование. – 1998. – № 5. – С. 25-30.
65. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
66. Выготский, Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский. – Изд. 2-е, исправленное и дополненное. – М.: Искусство, 1968. – 576 с.
67. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – Изд. 6-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 144 с.
68. Гиппенрейтер, Ю.Б. Введение в общую психологию. Курс лекций / Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: «ЧеРо», при участии издательства «Юрайт», 2001. – 336 с.
69. Глухов, В.П. Основы психолингвистики: учеб. пособие для студентов педвузов / В.П. Глухов. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 351 с.
70. Голев, Н.Д. Юридический аспект в лингвистическом освещении / Н.Д. Голев // Юрислингвистика-1: Проблемы и перспективы. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 11-58.
71. Гольдин, В.Е., Сиротина, О.Б., Ягубова, М.А. Русский язык и культура речи: учебник для нефилологов / В.Е. Гольдин, О.Б. Сиротина, М.А. Ягубова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – 211 с.
72. Горбов, Д.А. Поиски Галатеи. Статьи о литературе / Д.А. Горбов. – М.: Федерация, 1929. – 238 с.
73. Григорьев, В.П. Поэтика слова (На материале русской советской поэзии) / В.П. Григорьев. – М.: Наука, 1979. – 344 с.

74. Губарев, В.В., Пискунова, С.В. Норма и антинорма вербального текста в Интернете / В.В. Губарев, С.В. Пискунова // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сборник материалов Международной научной конференции) М-во обр. и науки РФ. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. – С. 268-275.
75. Губарева, В.В. Лексика питания в говорах Тамбовской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Губарева вера Владимировна. – Тамбов, 2002. – 24 с.
76. Гулыга, Е.В., Шендельс, Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс. – М.: Просвещение, 1969. – 184 с.
77. Гусейнов, Г.Ч. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей [Электронный ресурс] / Г.Ч. Гусейнов // НЛО, 2000, № 43. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html>.
78. Давлетова, Я.А. Психологическое исследование особенностей понимания библейских текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Давлетова Ярослава Александровна. – Уфа, 2012. – 19 с.
79. Данилевская, Н.В. Метод(ы) лингвистического анализа / Н.В. Данилевская // Стилистический энциклопедический словарь русского языка; под ред. М.Н. Кожинной. Члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 221-230.
80. Даренский, В. Смех в диалоге: феномен семантического коллапса / В. Даренский. // Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології – Вип. 9. Семантичні й герменевтичні виміри сміху. – Одеса, 2006 – С. 94-102. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ua/lib/14darenskyj-doxa-9-2006.pdf>.

81. Демьянков, В.З. Лингвистическая интерпретация текста: Универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии / В.З. Демьянков // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / отв. редакторы: Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С.309-323.
82. Дридзе, Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации / Т.М. Дридзе. – М.: Наука, 1984. – 268 с.
83. Дридзе, Т.М. Язык и социальная психология / Т.М. Дридзе. – М.: Высшая школа, 1980. – 224 с.
84. Дускаева, Л.Р. Диалогичность речи (письменной) / Л.Р. Дускаева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка; под ред. М.Н. Кожин. Члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 312-315.
85. Дымарский, М.Я. Речевая культура и речевая манера / М.Я. Дымарский // Русская языковая ситуация в синхронии и диахронии: Сб. науч. ст., посв. проф. В.Д. Черняк / отв. ред. К.П. Сидоренко. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – С. 136-144.
86. Едличка, А. Типы норм языковой коммуникации / А. Едличка // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. 20. – С. 135-150.
87. Елина, Е.А. Этапы декодирования эстетического сообщения и его помехи / Е.А. Елина // Теория коммуникации и прикладная коммуникация: сборник научных трудов. Вестник Российской коммуникативной ассоциации, выпуск 1; Под общей редакцией И.Н. Рогозиной. – Ростов-на-Дону: ИУБиП, 2002. – С. 57-63.
88. Елистратов, В.С. Современный человек между «языковой личностью» и речевыми «форматами» / В.С. Елистратов. // XVI Шешуковские чтения. Воздействие литератур на формирование личности читателя. – МПГУ, 2011. – Режим доступа:

- <http://sheshuki.ru/sheshukovskie-chtenija/reports/21-sovremennyj-chelovek-mezhdu-jazykovoj-lichnostju-i-rechevymi-formatami>.
89. Елькина, О.М. Самопрезентация автора текста в компьютерно-опосредованной коммуникации [Электронный ресурс] / О.М. Елькина. – Режим доступа: <http://lib.mkgtu.ru/images/stories/journal-vmgtu/2011-02/017.pdf>.
90. Ермакова, О.П., Земская, Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) / О.П. Ермакова, Е.А. Земская // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – С. 90-157.
91. Жаркынбекова, Ж.К. Ассоциативные признаки цветообозначений и языковое сознание / Ж.К. Жаркынбекова // Вестник Моск. унив. Серия 9, Филология. 2003. – №1. – С. 109-116.
92. Журавлев, А.П. Звук и смысл: Кн. для внеклас. чтения учащихся ст. классов / А.П. Журавлев. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1991. – 160 с: ил.
93. Журавлев, В.К. Экология русского языка и культуры / В.К. Журавлев // Русский язык и современность: проблемы и перспективы развития русистики: доклады. Ч. I. – М., 1998. – С. 70-76.
94. Залевская, А.А. Специфика интегративного подхода к пониманию текста / А.А. Залевская // Языковое бытие человека и этноса. Вып. 6. – М.; Барнаул: Алтайск. гос. ун-т, 2003. – С. 97-105.
95. Залевская, А.А. Текст и его понимание / А.А. Залевская. – Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2001. – 177 с.
96. Залевская, А.А., Каминская, Э.Е., Медведева, И.Л., Рафикова, Н.В. Психологические аспекты взаимодействия слова и текста: монография / А.А. Залевская, Э.Е. Каминская, И.Л. Медведева, Н.В.

- Рафикова. – Тверь: Изд-во Тверского государственного университета, 1998. – 206 с.
97. Зимняя, И.А. Психологическая схема смыслового восприятия / И.А. Зимняя // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – М., 1976. – С. 5-33.
98. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
99. Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. – Изд. 2-ое, испр. – М.: КомКнига, 2005. – 352 с.
100. Ильенко, С.Г. К поискам ориентиров речевой конфликтологии / С.Г. Ильенко // Аспекты речевой конфликтологии: сб. ст. / под ред. чл.-корр. Российской академии образования, проф. С.Г. Ильенко. – СПб., 1996. – С. 3-12.
101. Ильенко, С.Г. Стратегия и тактика педагога-русиста в свете сегодняшней языковой ситуации в России / С.Г. Ильенко // Языковое образование и воспитание языковой личности в школе и вузе: материалы межвуз. семинара. – СПб., 1995. – С. 5.
102. Казарцева, О.М. Культура речевого общения: теория и практика общения / О.М. Казарцева. – М.: Флинта, 2001. – 496 с.
103. Каменская, О.Л. Текст и коммуникация / О.Л. Каменская. – М.: Высш. шк., 1992. – 152 с.
104. Капленко, В.Н. Инвективность открытая и скрытая / В.Н. Капленко // Юрислингвистика-3. – Барнаул, 2002. – С. 112-123.
105. Карасик, В.И. Аспекты языковой личности / В.И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сб. научн. тр. посв. 80-летию проф. О.Б. Сиротининой. Вып. 3. – Саратов, 2003. – С. 96-106.
106. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

107. Караулов, Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Ю.Н. Караулов. – М.: Ин-т рус. яз., 1999. – 180 с.
108. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., 1987. – 263 с.
109. Караулов, Ю.Н. Языковая личность / Ю.Н. Караулов // Русский язык: Энциклопедия. – М.: Дрофа, 1997. – С. 671-672.
110. Козлова, Р.П. Системные отношения в глагольной лексике современного русского языка: Дис. . д-ра филол. наук.: 10.02.01. / Козлова Раиса Петровна. – Тамбов, 1994. – 387 с.
111. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история. Проблема языкового изменения / Э. Косериу. – М.: Эдиториал УРСС, 2010. – 208 с.
112. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи / В.Г. Костомаров. – М.: Педагогика-пресс, 1994. – 247 с.
113. Кроул, М. Культурно-историческая психология: наука будущего / М. Кроул. – М.: Наука, 1997. – 208 с.
114. Крысин, Л.П. О переключении кодов при речевом общении / Л.П. Крысин // «Русистика и современность»: материалы VII Международной научно-практической конференции. Т. 1. – СПб., 2005. – 432 с.
115. Кубрякова, Е.С. Проблемы представления о языке / Е.С. Кубрякова // Структуры представления знаний в языке: сборник научно-аналитических обзоров. – М., 1994. – С. 5-31.
116. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигматического анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С. 144-238.
117. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М., 2004. – 560 с.

118. Кубрякова, Е.С., Александрова, О.В. О контурах парадигмы знания в лингвистике / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Структура и семантика художественного текста. Докл. VII-ой Междунар. конф. – М., 1999. – С. 186-197.
119. Кузнецова, А.И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования / А.И. Кузнецова. – М.: МГУ, 1963. – С. 29.
120. Культура русской речи. Учебник для вузов / под ред. проф. Л. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. – М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА М, 1999. – 560 с.
121. Лаптева, О.А. Узус как арена языкового измерения / О.А. Лаптева // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: сб. статей. – М., 2002. – С. 351.
122. Левина, В.Н. Пейзажная картина мира в системе русской языковой культуры: монография / В.Н. Левина. – Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес – Наука – Общество», 2012. – 260 с.
123. Левина, В.Н. Пейзажная картина мира: функционально-семантический и грамматический анализ прозаического текста: монография / В.Н. Левина. – Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес – Наука – Общество», 2012. – 180 с.
124. Левина, В.Н., Пискунова, С.В. Иллюстративное моделирование семантики в структуре текстовых пейзажных единиц / В.Н. Левина, С.В. Пискунова // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – № 2. – С. 176-179.
125. Леденева, В.В. Черты идиолекта Н. Лескова / В.В. Леденева // Структура и семантика художественного текста: доклады VII Международной конференции. – М.: СпортАкадемПресс, 1999. – С. 220-231.
126. Леонтович, О.А. Методы коммуникативных исследований / О.А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2011. – 224 с.

127. Леонтьев, А.А. Психология общения / А.А. Леонтьев. – 2-ое изд., испр. и доп. – М.: Смысл, 1997. – 365 с.
128. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев // Избранные психологические сочинения: В 2 т. – М.: Педагогика, 1983. Т. 2. – 304с.
129. Лилов, А.Л. Природа художественного творчества / А.Л. Лилов. – М.: Искусство, 1981. – 480 с.
130. Лисицкая, Л.Г. Коммуникативные нормы и лингвистическая безопасность современных медиатекстов [Электронный ресурс] / Л.Г. Лисицкая. – Режим доступа: <http://psibook.com/sociology/kommunikativnye-normy-i-lingvisticheskaya-bezopasnost-sovremennyh-mediatekstov.html>.
131. Лихачев, Д.С. Воспоминания / Д.С. Лихачев. – СПб.: Logos, 1995. – 519 с.
132. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность / под ред. проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 262-269.
133. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю.М. Лотман. – М.: Просвещение, 1972. – 271 с.
134. Лотман, Ю.М. Память в культурологическом освещении / Ю.М. Лотман // WienerSlawistischerAlmanach. Sonderband 16. – Wien, 1985.
135. Лурия, А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия. – М.: МГУ, 1979. – 408 с.
136. Лушина, Е.В. «Речевое поведение» как единица психолингвистики и фактор развития языковой личности / Е.В. Лушина // Предложение и слово: Международный сборник научных трудов / отв. ред. Э.П. Калькалова. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2002. – С. 728-731.

137. Люшер, М. Сигналы личности: ролевые игры и их мотивы / М. Люшер. – Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 176 с.
138. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
139. Малыгина, Э.В. Кризисная межперсонажная коммуникация в текстах рассказов В.М. Шукшина: лингвоэвокативное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Малыгина Элеонора Владимировна – Екатеринбург, 2013. – 24 с.
140. Маркелова, Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке / Т.В. Маркелова. – М.: Правда, 1996. – 87 с.
141. Маркелова, Т.В. Семантика и прагматика выражения оценки в русском языке / Т.В. Маркелова // Филологические науки, 1995. – № 3.
142. Мартинович, Г.А. Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента / Г.А. Мартинович // Вопросы психологии. – 1993. – №2. – С. 93-99.
143. Милославский, И.Г. Русский язык как культурная и интеллектуальная ценность и как школьный предмет / И.Г. Милославский // Знамя. – 2006. – № 3. – С. 151-164.
144. Мирзаева, Т.В. Семантический объем лексемы *вода* в поэзии Вячеслава Иванова («Кормчие звезды»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Мирзаева Татьяна Викторовна. – Тамбов, 2008. – 27 с.
145. Миронова, Л.Н., Иванов, Д.Г. Символика цвета. [Электронный ресурс] / Л.Н. Миронова, Д.Г. Иванов. – Режим доступа: <http://mironovacolor.org/theory/m/symbolism/#5>.
146. Михайлов, В.А., Михайлов, С.В. Особенность развития информационно-коммуникативной среды современного общества

- [Электронный ресурс] / В.А. Михайлов, С.В. Михайлов. Режим доступа: <http://russcomm.ru/vcabiblio/m/mihailov-mihailov/shme.html>.
147. Михальская, А.К. Основы риторики: мысль и слова / А.К. Михальская. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.
148. Михальская, А.К. Риторика и речевое поведение в массовой коммуникации: опыт обобщающей модели / А.К. Михальская // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. – Вып. 3. – С. 167-185.
149. Моисеева, С.А. Цветообозначения как носители лингвокультурологической информации / С.А. Моисеева // Филология и культура: Материалы IV Международной науч. конференции 16-18 мая. – Тамбов, 2001. – С. 111-113.
150. Муравская, И.А. Моделирование психологических механизмов восприятия текста (на примере анализа шуток/анекдотов) / И.А. Муравская // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Материалы Международной школы-семинара (VII Березинские чтения). – Вып. 18. – М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2011. – С. 148-153.
151. Мягкова, Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: вопросы теории: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Мягкова Елена Юрьевна; Ин-т языкознания РАН. – М., 2000. – 43 с.
152. Найдина, Д.С. Метафора в процессах манипулирования в современном медиадискурсе (на материале тематического субдискурса «Нефтегазовый бизнес»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Найдина Дарья Сергеевна. – Томск, 2013. – 24 с.
153. Немов, Р.С. Психология: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: В 3 кн. – 4-е изд. / Р.С. Немов – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – Кн. 1: Общие основы психологии. – 688 с.

154. Нецименко, Г.И. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития / Г.И. Нецименко // Вопросы языкознания. – 2001. – № 1. – С. 98-133.
155. Никандров Н.Д. Проблемы социализации в современной России // Бюллетень Ученого совета РГПУ им. А.И. Герцена. 2006. № 6. С. 21.
156. Новиков, А.И. Семантика текста и ее формализация / А.И. Новиков; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва: Наука, 1983 . – 215 с.
157. Очерки истории русской поэтики XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация / Н.А. Кожевникова, З.Ю. Петрова, М.А. Бакина, В.Н. Виноградова, Н.А. Фатеева. – М.: Наука, 1995. – 263 с.
158. Папина, А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. Изд. 2./ А.Ф. Папина. – Эдиториал УРСС, 2010.– 368 с.
159. Паршина, О.Н. Российская политическая речь: теория и практика / О.Н. Паршина; под ред. О.Б. Сиротининой. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 232 с.
160. Песина, С.А. Языковой знак и коммуникативные процессы в философском аспекте: монография [Электронный ресурс] / С.А. Песина. – 2-изд., стер. – М.: Флинта, 2013. – 152 с.
161. Петровский, А.В., Ярошевский, М.Г. Основы теоретической психологии / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 528 с.
162. Пилипчук, С.В. Язык как инструмент наведения мостов между Европой и Азией / С.В. Пилипчук // Мир науки, культуры, образования. – № 7 (19), 2009. – С. 254-256.

163. Пискунова, С.В. Грамматическая форма поэтического текста. Мелодия цвета В. Астафьева / С.В. Пискунова // Теория и практика преподавания русского языка: межвузовский сборник научных трудов. – Тамбов, 1991. – С. 128-142.
164. Пискунова, С.В. Диалектная лексика на территории Тамбовской области (материалы к словарю) / С.В. Пискунова // Диалектология и фольклор Тамбовского края. – Тамбов, 1989. – С. 61-94.
165. Пискунова, С.В. Лексика тамбовских говоров (материалы к словарю) / С.В. Пискунова // Опыт исследования южнорусских говоров Тамбовского края. – Тамбов, 1985. – С. 104-122.
166. Пискунова, С.В. Определение семантического объема слова в современных говорах / С.В. Пискунова // Современные говоры в системе языковой культуры: сб. ст. / отв. ред. С.В. Пискунова. – Тамбов, 2004. – 290 с.
167. Пискунова, С.В. Поэтическая семантика слова. Б. Пастернак «Близнецы» / С.В. Пискунова // Слово II: сборник научных трудов. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1997. – С. 160-179.
168. Пискунова, С.В. Тайны поэтической речи (грамматическая форма и семантика текста): Монография / С.В. Пискунова. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – 408 с.
169. Пискунова, С.В. Текст, его семантика, форма и функция в языковом общении / С.В. Пискунова // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы Всероссийской научной конференции (Пенза, 15-19 мая 2000 г.) / отв. ред. проф. А.В. Пузырев. – М., Пенза, 2001. – С. 58-65.
170. Пискунова, С.В., Губарев, В.В. Норма и антинорма вербального текста в Интернете / С.В. Пискунова, В.В. Губарев // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сборник материалов

- Международной научной конференции. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. – С. 268-275.
171. Пискунова, С.В., Хворова, Л.Е. Особенности языковых средств выражения портретных характеристик в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» / С.В. Пискунова, Л.Е. Хворова // Теория и практика преподавания русского языка. – Тамбов: Изд-во ТГПИ, 1991. – С. 108-118.
172. Пищальникова, В.А., Сорокин, Ю.А. Введение в психопэтику / В.А. Пищальникова, Ю.А. Сорокин. – Барнаул, 1993. – 209 с.
173. Плотникова, А.А. Лирическая миниатюра в интернет-коммуникации (лингвопрагматический и метаязыковой аспект жанра): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Плотникова Анна Алексеевна. – Томск, 2012. – 25 с.
174. Попова, Е.А. Человек как основополагающая величина современного языкознания / Е.А. Попова // Филологические науки. – 2002. – № 3. – С. 69-77.
175. Попова, И.В. Гуманистическая концепция прозы М.М. Пришвина 40-50-х годов: структурно-поэтический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Попова Ирина Викторовна. – Тамбов, 1998. – 26 с.
176. Поповичева, И.В. Народные представления о детях в языке и культуре диалектного социума: учебное пособие. Ч. 1. / И.В. Поповичева. – Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2013. – 106 с. – С. 29-30.
177. Потebня, А.А. Эстетика и поэтика / А.А. Потebня. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.
178. Поцепня, Д.М. Образ мира в слове писателя / Д. М. Поцепня; С.-Петербур. гос. ун-т, Межкаф. словарь. каб. им. Б.А. Ларина. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. – 259 с.

179. Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Л.: ЛГУ, 1946. – С. 7-20.
180. Пузырёв, А.В. Возможности субстратной методологии в комплексном подходе к взаимосвязи мышления, языка и человеческой судьбы / А.В. Пузырёв // Ежегодник Российского психологического общества: Психология и ее приложения. – Т. 9, вып. 2. Психология как система направлений. – М.: РПО, 2002. – С. 33-35.
181. Пузырёв, А.В. Языковая личность в плане субстратного подхода / А.В. Пузырёв // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М.: Наука, 1998. – С. 23-29.
182. Пузырёв, А.В. Анаграммы и ключевое слово текста / А.В. Пузырёв // Проблемы изучения анаграмм: Межвуз. сборник научных трудов. – М.: ИРЯ РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995. – С. 44-56.
183. Пузырёв, А.В. Язык, текст, культура, коммуникация в плане общелингвистической методологии / А.В. Пузырёв // Язык. Культура. Коммуникация: Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции (г. Ульяновск, март 2007 г.). – Ульяновск: УлГУ, 2007. – С. 24-30.
184. Рвачева, О.Ю. Текстовые единицы с семантикой оценки в структуре художественного текста (на материале русской прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Рвачева Оксана Юрьевна. – Тамбов, 2010. – 23 с.
185. Рейковский, Я. Экспериментальная психология эмоций / Я. Рейковский; Пер. с пол. и вступ. ст. В.К. Вилюнаса; Общ. ред. О.В. Овчинниковой. – Москва: Прогресс, 1979. – 391.
186. Риффатер, М. Критерии стилистического анализа / М. Риффатер // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. IX. – М., 1988. – С. 69-97.

187. Рогожникова, Т.М. Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова: Монография / Т.М. Рогожникова. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2000. – 242 с.
188. Рубакин, Н.А. Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию / Н.А. Рубакин. – М., 1977. – 264 с.
189. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.: ил. – (Серия «Мастера психологии»).
190. Руделев, В.Г. Принципы сегментации поэтической речи / В.Г. Руделев // Поэтика литературы и фольклора. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1979. – С. 71-78.
191. Рыбаков, М.Д. Общение как специфический вид активности (К проблеме дефиниции категории общения) / М.Д. Рыбаков // Научный и общественно-просветительский журнал «Инициативы XXI века». – № 3. – 2010. – С. 72-74.
192. Савельева, Л.В. Языковая экология: Русское слово в культурно-историческом освещении / Л.В. Савельева. – Петрозаводск, Изд-во Карельск. пед. ун-та, 1997. – 144 с.
193. Савруцкая, Е.П. Философский взгляд на проблемы коммуникации в современном мире / Е.П. Савруцкая // Актуальные проблемы социальной коммуникации. – Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. – Н. Новгород, 2008. – Вып. 2. – С. 140-151.
194. Седов, К.Ф. Речевая агрессия и агрессивность как черта речевого портрета / К.Ф. Седов // Социальная психолингвистика: Хрестоматия. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 250-277.
195. Сиротинина, О.Б. Основные критерии хорошей речи / О.Б. Сиротинина // Хорошая речь. Колл. моногр.; под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – С. 16-28.

196. Сиротинина, О.Б. Социолингвистический фактор в становлении языковой личности / О.Б. Сиротинина // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. – Волгоград – Саратов: Перемена, 1998. – С. 3-9.
197. Скворцов, Л.И. Норма / Л.И. Скворцов // Русский язык. Энциклопедия. Изд. 2-е, перераб. и доп. / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М., 1997. – С. 270-272.
198. Смирнова, Л.Г. Лексика русского языка с оценочным компонентом значения: системный и функциональный аспекты: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Смирнова Людмила Георгиевна. – Смоленск, 2013. – 50 с.
199. Собчик, Л.Н. Метод цветowych выборов. Модифицированный цветовой тест Люшера. / Л.Н. Собчик (Методическое руководство. Сер.2. Методы психологической диагностики). – М.: МКЦ, 1990. – 87 с.
200. Солганик, Г.Я. Публицистический стиль / Г.Я. Солганик // Стилистический энциклопедический словарь русского языка; под ред. М.Н. Кожиной. Члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 312-315.
201. Сорокин, Ю.А. Психологические аспекты изучения текста / Ю.А. Сорокин. – М.: Наука, 1985. – 168 с.
202. Стернин, И.А. Гуманитаризация российского общества как задача нового века / И.А. Стернин // Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сб. научн. тр., посв. 80-летию проф. О.Б. Сиротининой. – Вып. 3. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – С. 150-158.
203. Стернин, И.А. Социальные факторы и развитие современного русского языка / И.А. Стернин // Теоретическая и прикладная

- лингвистика. – Вып. 2. Язык и социальная среда. – Воронеж, 2000. – С. 4-16.
204. Стернин, И.А. Уровни описания языкового сознания / И.А. Стернин // Филология и культура: материалы IV Международной научной конференции; отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – С. 11-14.
205. Товт, А.М. Исходная и авторская семантика слова в современной прозе (на материале текстов Т. Толстой и Л. Улицкой): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Товт Анастасия Михайловна. – Тамбов, 2010. – 23 с.
206. Толстая, С.М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры / С.М. Толстая // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. – М.: Наука, 1989. – С. 215-229.
207. Толстой, Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – М.: Индрик. 1995. – С. 27-40, 64.
208. Трошева, Т.Б. Речевая агрессия / Т.Б. Трошева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка; под ред. М.Н. Кожинной. Члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 340-343.
209. Усачева, О.Ю. Конфликтный диалог в интернете (на материале политических форумов) [Электронный ресурс] / О.Ю. Усачева. – Режим доступа: URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/UsachevaO/UsachevaO.htm>.
210. Уфимцева, А.А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики / А.А. Уфимцева; под ред. Ю.С.

- Степанова. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.
211. Уфимцева, Н.В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян / Н.В. Уфимцева // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 65-71.
212. Ушакова, Т.Н. Речь: истоки и принципы развития / Т.Н. Ушакова. – М.: Пер Сэ, 2004. – 256 с.
213. Ушакова, Т.Н. Рождение слова: Проблемы психологии речи и психолингвистики / Т.Н. Ушакова. – М.: Институт психологии РАН, 2011. – 524 с. (серия «Достижения в психологии»).
214. Фащанова, С.В. Языковая игра в радиодискурсе: коммуникативно-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Фащанова Светлана Владимировна – Томск, 2012. – 24 с.
215. Федотова, Н.В. Семантика и структура диалогического текста в системе русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Федотова Наталия Владимировна. – Тамбов, 2006. – 25 с.
216. Филинский, А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Филинский Алексей Анатольевич. – Тверь, 2002. – 21 с.
217. Филиппова, О.А. Обучение эмоциональному речевому воздействию: учеб. пособие / О.А. Филиппова. – М.: Флинта, Наука, 2012. – 144 с.
218. Хворова, Л. Е. Эпопея С. Н. Сергеева-Ценского «Преображение России» в контексте русской: Дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01 / Хворова Людмила Евгеньевна. – М, 2000. – 364 с.

219. Червинский, П.П. Семантический язык фольклорной традиции / П.П. Червинский. – Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 1989. – 222 с.
220. Черняк, В.Д., Козырев, В.А. Современная языковая ситуация и речевая культура: учебное пособие / В.Д. Черняк, В.А. Козырев. – М.: Флинта, Наука, 2012. – 105 с.
221. Шабшин, И.И. Психологические феномены и особенности коммуникации в интернете / И.И. Шабшин // Моск. психотерапевтич. журн. – 2005. – № 1. – Режим доступа: URL: http://samlib.ru/s/shabshin_i_i/internet.shtml.
222. Шамне, Н.Л., Карякин, А.В. Речевая агрессия как нарушение экологичности политического дискурса / Н.Л. Шамне, А.В. Карякин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2011. – № 1 (13). – С. 204-208.
223. Шанский, Н.М. Художественный текст под лингвистическим микроскопом / Н.М. Шанский. – М.: Просвещение, 1988. – 160 с.
224. Шарандин, А.Л. Курс лекций по лексической грамматике русского языка: монография / А.Л. Шарандин. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. – 313 с.
225. Шарандин, А.Л. Ведь что-то значит слов сплетение. К вопросу о поэтическом языке / А.Л. Шарандин // Вестн. Тамб. ун-та. Сер. Гуманитарные науки, 2002. – Вып. 3 (27). – С. 125-130.
226. Шарифуллин, Б.Я. Языковая экспрессия, языковая агрессия, языковая демагогия / Б.Я. Шарифуллин // Проблемы развития речевой культуры. – Томск, 1997. – С. 134-142.
227. Шаров, К.С. Мужчины и женщины в вербальной коммуникации: проблема гендерлекта [Электронный ресурс] / К.С.

- Шаров // Вопросы филологии. – Режим доступа:URL:
http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=566.html.
228. Шахматов, А.А. Введение в курс истории русского языка / А.А. Шахматов. – Пг.: Научное дело, 1916. Ч.1. – С.3.
229. Шаховский, В.И. Эмоциональные проблемы речевых партнеров в межкультурном общении / В.И. Шаховский // «Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты». Материалы второй международной конференции «Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты» («Коммуникация - 2004»); под общей редакцией
 И.Н. Розиной. – Ростов-на-Дону: Изд-во ИУБиП, 2004. – С. 27-28.
230. Шаховский, В.И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность / В.И. Шаховский // Сб.: Коммуникативные аспекты значения. – Волгоград: Волгр. пед. ин-т, 1990. – 167 с.
231. Швецова, В.М. Индивидуально-авторские конструкции в системе расширения современного русского языка (на материале произведений А.И. Солженицына): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Швецова Виктория Михайловна. – Тамбов, 2000. – 26 с.
232. Швецова, В.М. Информационное поле голографической единицы текста: лингвокоммуникативный аспект: монография / В.М. Швецова. – Мичуринск: Изд-во Мичуринского госагроуниверситета, 2014. – 168 с.
233. Шилихина, К.М. Вербальная ирония: свойство текста или результат интерпретации? / К.М. Шилихина // Вестник Тверского ГУ. Серия «Филология». – 2011. – № 3. – С. 80–85.

234. Штрекер, Н.Ю. Русский язык и культура речи: учеб пособие для вузов / Н.Ю. Штрекер. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 383 с. (Серия «Cogitoergosum»).
235. Щерба, Л.В. Избранные работы по русскому языку / Л.В. Щерба. – М., 1957. – 187 с.
236. Щерба, Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Щерба Л.В // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. –С. 24-39.
237. Щербак, А.С. Еще одно свидетельство о жире / А.С. Щербак // Наш край Тамбовский. Тезисы докладов и сообщений II областной краеведческой конференции. – Тамбов, 1991. – 156 с.
238. Щербак, А.С. Старое и новое в тамбовских говорах / А.С. Щербак // Экология языка и речи. Слово в диалектном тексте. Слово IV: мат-лы науч.-практ. межвуз. лингв. конф. 27–29 мая 1999 г. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. – С. 31-38.
239. Юнг, К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного / Юнг К.Г // Архетип и символ. – М.: Ренессанс СП «ИВО-СиД», 1991. – 262 с.
240. Яньшин, П.В. Психосемантика цвета / П.В. Яньшин. – СПб.: Речь, 2006. – 369 с.
241. Berger, Charles R. Interpersonal communication: Theoretical Perspectives, Future Prospect / Charles R. Berger. – Journal of communication, September 2005, Vol.55. – No3. – P.415-447.
242. Quick, Brian L., Stephenson, Michael T. Examining the Role of Trait Reactance and Sensation Seeking on Perceived Threat, State Reactance, and Reactance Restoration. / Brian L. Quick, Michael T.

Stephenson // Human Communication Research. – July 2008. – Vol. 34, Number 3. – pp. 448 – 476.

Список использованных словарей

243. Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка / З.Е. Александрова. – М.: Русский язык-Медиа, Дрофа, 2010. – 576 с.
244. Апресян, Ю.Д., Богуславская, О.Ю., Левонтина, И.Б., Уринсон, Е.В. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Уринсон. Вып. 1-3; под общ. ред. акад. Ю.Д. Апресяна. – М., 1997-2003.
245. Большой словарь иностранных слов: 15 831 словар. статей [Электронный ресурс]. – М.: ИДДК, 2004. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
246. Большой психологический словарь под ред. Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко. – М.: Прайм-Еврознак, 2003. – 672 с.
247. Большой энциклопедический словарь / Ред. А. М. Прохоров . – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 1456 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/160762>.
248. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. / В.И. Даль. Репринтное воспроизведение издания М.О. Вольфа, 1880-1882 гг. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955-1956. – 2720 с.
249. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2003. – Т. 1: А-З. – 688 с.; Т. 2: И-О. – 688 с.

250. Ефремова, Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. / Т.Ф. Ефремова. – М.: Дрофа, Русский язык, 2000. – 1233 с.
251. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
252. Лопатин, В.В. Русский толковый словарь / В.В. Лопатин. – М.: Русский язык, 2001. – 878 с.
253. Новый словарь иностранных слов: более 60000 слов и выражений / В.В. Адамчик. – М.: АСТ, 2009. – 1152 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.dic.academic.ru/html>.
254. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / С.И. Ожегов. Под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. – 6-е изд. испр. – М.: Рус. яз., 1984. – 797 с.
255. Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Азъ, 1992. – 3166 с.
256. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др. – М., 2002. – 784 с.
257. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 2. От реакции к стимулу / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др. – М., 2002. – 992 с.
258. Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой – М.: Азбуковник, 2007. – 924 с.
259. Русский язык. Энциклопедия / Гл. редактор Ф.П. Филин. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1979. – 432 с.

260. Словарь русских народных говоров / Гл. редактор Ф.П. Сороколетов. Выпуск 22. – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1987. Обвивень – Одалбливать.
261. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти томах / под ред. В.И. Чернышева. Т. 1. Издательство Академии Наук СССР, 1950. – 767 с.
262. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти томах / под ред. В.И. Чернышева. Т. 2. Издательство Академии Наук СССР, 1951. – 842 с.
263. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти томах / под ред. В.И. Чернышева. Т. 4. Издательство Академии Наук СССР, 1955. – 1364 с.
264. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти томах / под ред. В.И. Чернышева. Т. 8. Издательство Академии Наук СССР, 1959. – 1840 с.
265. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти томах / под ред. В.И. Чернышева. Т. 11. Издательство Академии Наук СССР, 1961. – 1842 с.
266. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти томах / под ред. В.И. Чернышева. Т. 12. Издательство Академии Наук СССР, 1961. – 1676 с.
267. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти томах / под ред. В.И. Чернышева. Т. 13. Изд-во АН СССР, 1962. 1842 с.
268. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти томах / под ред. В.И. Чернышева. Т. 17. Изд-во «Наука», 1965. 1642 с.
269. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. Члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 696 с.

270. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 1578 с. (Серия: Словари Академии Российской).
271. Финансовый словарь. – ОАО «ИК Нева-Инвест», 2006. – 698 с.– [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/24002.
272. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1999.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. БСИС – Большой словарь иностранных слов: 15 831 словар. статей [Электронный ресурс]. – М.: ИДДК, 2004. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
2. БПС – Большой психологический словарь / ред. Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко. – М.: Прайм-Еврознак, 2003. – 672 с.
3. БЭС – Большой энциклопедический словарь / ред. А. М. Прохоров . – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 1456 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/160762>.
4. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
5. НСИС – Новый словарь иностранных слов: более 60000 слов и выражений / В.В. Адамчик. – М.: АСТ, 2009. – 1152 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.dic.academic.ru/.html>.
6. РАС – Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др. – М., 2002. – 784 с.; Т. 2. От реакции к стимулу / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др. – М., 2002. – 992 с.
7. РСС – Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой – М.: Азбуковник, 2007. – 924 с.
8. СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. редактор Ф.П. Сороколетов. Выпуск 22. – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1987. Обвивень – Одалбливать.

9. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти томах / под ред. В.И. Чернышева. Издательство Академии Наук СССР, «Наука», 1950-1965.
10. СЭСРЯ – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. Члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 696 с.
11. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 1578 с. (Серия: Словари Академии Российской).
12. ФС – Финансовый словарь. – ОАО «ИК Нева-Инвест», 2006. – 698 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/24002

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Аксенов, В. Ожег / В. Аксенов. – М.: Изогриф, «ЭКСМО-Пресс», 2000. – 495 с.
2. Алёшин, О. Отобрал пенсии [Электронный ресурс] / О. Алёшин // Еженедельник «Аргументы и Факты». № 52. АиФ-Тамбов. 25 декабря 2013 г. – 8 января 2014 г. – Режим доступа: <http://www.chr.aif.ru/gazeta/number/15632>.
3. Альперина, С.«Бесы» и хоккей [Электронный ресурс] / И. Невинная // Газета «Российская газета. Неделя», № 120 (6392) от 29 мая 2014 г., с. 34 – Режим доступа:<http://www.rg.ru/2014/05/29/hotinenko.html>.
4. Андреев, Л.Н. Иуда Искариот. Дни нашей жизни. Повести. Рассказы / Л.Н. Андреев. – М.: Эксмо, 2012. – 768 с.
5. Апухтин, А.Н. Между смертью и жизнью / А.Н. Апухтин // Профессор бессмертия. Мистические произведения русских писателей. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. – 256 с.
6. Астафьев, В.П. Собрание сочинений: в 15 т. / В.П. Астафьев. Т. 4: Последний поклон: повесть в рассказах: кн. 1-2. – Красноярск: Офсет, 1997. – 459 с.
7. Ахматова, А. Сочинения в 2-х т. Т. 1 / А. Ахматова. – М.: Правда, 1990. – 480 с.
8. Блок, А. Стихотворения / А. Блок. – М: Советский писатель, 1955. – 824 с.
9. Бондарев, Ю.В. Мгновения: [литературно-философские эссе] / Ю.В. Бондарев. – М.: ИТРК, 2009. – 719 с.
10. Булгаков, М.А. Собачье сердце. Повести и рассказы / М.А. Булгаков. Сост., послесл. и прим. В.И. Сахарова; ил. И.Н. Мельникова. – М.: Правда, 1990. – 464 с.

- 11.Булгаков, М.А. Собрание сочинений / М.А. Булгаков. – М.: Азбука, Азбука Аттикус, 2011. – 5760 с.
- 12.Васильева, Т. Вдохнуть и выдохнуть свободу / Т. Васильева // Газета «Российская газета» № 275 (6251), 5 декабря 2013 г. – С. 28, 30. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/12/05/ottepel.html>.
- 13.Васянин, А. Чуковские без цензуры [Электронный ресурс] / А. Васянин // Газета «Российская газета» (№ 88 (6360), 18 апреля 2014 г. – С. 35. – Режим доступа:<http://www.rg.ru/2014/04/18/chukovskij.html>.
- 14.В неоплатном долгу [Электронный ресурс] // Еженедельник «Аргументы и факты» № 19 (1748), 7-12 мая 2014 г. – Режим доступа:<http://www.aif.ru/politics/russia/1150818>.
- 15.Газета «Аргументы и факты» [Электронный ресурс] № 47 (1724), 20-26 ноября 2013 г. – Режим доступа: <http://www.chr.aif.ru/gazeta/number/15383>
- 16.Газета «Аргументы и факты» [Электронный ресурс] № 26 (1755) от 25 июня – 1 июля 2014 г. – Режим доступа: <http://www.aif.ru/gazeta/number/16882>.
- 17.Гладков, Ф.В. Собрание сочинений в 5 томах / Ф.В. Гладков. – М.: Гос. изд. худ. лит., 1950. – 2054 с.
- 18.Гоголь, Н.В. Собрание сочинений в семи томах. Т. 5 [Электронный ресурс] / Н.В. Гоголь. – М.: Художественная литература, 1967. – Режим доступа:<http://lib.coolparty.ru/index.pl>.
- 19.Гончаров, И.А. Собрание сочинений в 6 томах / И.А. Гончаров. – М.: Правда, 1972. – 2744 с.
- 20.Грачёв, С. Признаки войны. Карен Шахназаров – о памяти, санкциях и пропаганде [Электронный ресурс]/ С. Грачёв // Еженедельник «Аргументы и факты». № 33 (1762), 13-19 августа 2014 г. – С. 8.– Режим доступа:<http://www.aif.ru/society/people/1314713>.

- 21.Грин, А.С. Собрание сочинений в шести томах. Т. 4 / А. Грин, В. Сандлер. – М.: Правда, 1965. – 398 с.
- 22.Дашкова, П. Вечная ночь / П. Дашкова. – М.: Астрель, АСТ, 2007. – 608 с.
- 23.Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений в 12 томах / Ф.М. Достоевский. – М.: Правда, 1982. – 4608 с.
- 24.Есенин, С. Стихотворения. Поэмы / С. Есенин. – М.: Эксмо, 2014. – 1008 с.
- 25.Завгородняя, Д. 45 – примеряй фату опять? [Электронный ресурс] / Д. Завгородняя // Газета «Комсомольская правда». 13 февр. 2014 г. – Режим доступа:<http://www.kp.ru/daily/26194.3/3081310.html>.
- 26.Завгородняя, Д. Осторожно, психопат! Я влюбилась невпопад! [Электронный ресурс] / Д. Завгородняя // Газета «Комсомольская правда». 6 февр. 2014 г. – Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/26191.3/3078750.html>.
- 27.Зятков, Н. Иллюзия будущей пенсии. – [Электронный ресурс] / Н. Зятков // Еженедельник «Аргументы и факты». № 51 (1728) от 18-24 декабря 2013 г. – Режим доступа: <http://www.aif.ru/gazeta/number/15553.html>.
- 28.Иванов, А. Географ глобус пропил / А. Иванов. – М.: АСТ, 2013. – 448 с.
- 29.Инин, А. Новый фильм о коррупции «Миссия невыполнима». – [Электронный ресурс] / А. Инин // Еженедельник «Аргументы и Факты». № 52. АиФ-Тамбов. 25 декабря 2013 г. – 8 января 2014 г. – Режим доступа: <http://www.chr.aif.ru/gazeta/number/15632>.
- 30.Инин, А. Букварь иронии – 2013. – [Электронный ресурс] / А. Инин // Еженедельник «Аргументы и Факты». № 52. АиФ-Тамбов. 25 декабря 2013 г. – 8 января 2014 г. – Режим доступа: <http://www.aif.ru/society/opinion/1072914>.

- 31.Кафтан, Л. Не переборщить [Электронный ресурс] / Л. Кафтан // Российская газета. № 275 (6251), 5 декабря 2013 г. – С. 28, 30. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/12/05/putin-mgu.html>.
- 32.Комсомольская правда / Еженедельник. Тамбов. № 37 (26281), 11-17 сентября 2014 г. – 44 с.
- 33.Кузнецов, Ю. До последнего края: Стихотворения и поэмы / Ю. Кузнецов // Серия – Библиотека лирической поэзии «Золотой жираф».– М., Молодая гвардия, 2001. – 463 с.
- 34.Лермонтов, М.Ю. Собрание сочинений в 4 томах / М.Ю. Лермонтов. – М.: АН СССР, 1958. – 3024 с.
- 35.Лесков, Н.С. Собрание сочинений в 12 томах / Н.С. Лесков. – М.: Правда, 1989. – 5760 с.
- 36.Маринина, А. Воюющие псы одиночества / А. Маринина. – М.: Эксмо, 2007. – 448 с.
- 37.Невинная, И. Болезни холостяков. (Почему неженатые мужчины живут на 7 лет меньше женатых) / И. Невинная // Газета «Российская газета», № 207 (6479) 11-17 сентября 2014 г., с. 31.
- 38.Невинная, И. Опять 55. (Пенсионный возраст не будут повышать еще минимум 10 лет) [Электронный ресурс] / И. Невинная // Газета «Российская газета. Неделя», № 20 (6292) 30 января – 5 февраля 2014 г. – Режим доступа:<http://www.rg.ru/2014/01/30/pensi1i.html>.
- 39.Ненавижу ГИБДД... Политика и общество – [Электронный ресурс] // Неофициальный форум МВД РФ, <http://forummvd.ru/viewtopic.php?f=6&t=514&start=10>.
- 40.Окуджава, Б. Стихотворения / Б. Окуджава. – СПб.; Академический проект, 2001. – 623 с. – С. 305.
- 41.Пастернак, Б. Люди и положения. Автобиографический очерк / Б. Пастернак // Избранное: в 2-х т. Т. 2. – М.: Худ. лит., 1985. – 559 с.

42. Пастернак, Б. Стихи и поэмы / Б. Пастернак. – М., Л. Сов. писатель, 1965. – 732 с.
43. Пахомов, П., Туркова, К. Нехватка простоты. 2013 год оставил нам не реальные слова, а быстро исчезающие мемы и игрушки [Электронный ресурс] / П. Пахомов, К. Туркова // Газета «Московские новости». – Режим доступа: <http://www.mn.ru/opinions/20131231/366522253.html>.
44. Первые жертвы в жерновах ЕГЭ [Электронный ресурс] // Еженедельник «Аргументы и факты» № 23 (1752), 4-10 июля 2014 г. – Режим доступа: <http://www.aif.ru/society/education/1182237>.
45. Писарев, Е. Дрова нужны? ». – [Электронный ресурс] / Е. Писарев // Еженедельник «Аргументы и Факты». АиФ-Тамбов, № 12 (978). 19-25 марта 2014 г. – С. 4. – Режим доступа: <http://d.pressa.ru/ru/reader/#/magazines/argumentyi-i-faktyi-tambov/issues/12-2014/pages/3/>.
46. Писарев, Е. Топорная работа ». – [Электронный ресурс] / Е. Писарев // Еженедельник «Аргументы и Факты». АиФ-Тамбов, № 24 (990), 11-17 июня 2014 г. – С. 4. – Режим доступа: <http://d.pressa.ru/ru/reader/#/magazines/argumentyi-i-faktyi-tambov/issues/24-2014/pages/3/>.
47. Пушкин, А.С. Собрание сочинений в 10 т. / А.С. Пушкин. – М.: Книговек, 2012.
48. Пушкин, А.С. Сочинения в трех томах / А.С. Пушкин. Т. 1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила; Поэма. – М.: Худож. лит., 1985. – 735 с.
49. Салтыкова, М. Некая тревога, которая висит в воздухе, – это ключевое определение сегодняшнего дня. Режиссер Владимир Хотиненко об оскудении русского языка и еде руками [Электронный

- ресурс] / М. Салтыкова // Газета «Московские новости». – Режим доступа: <http://www.mn.ru/society/20140110/367162551.html>.
- 50.Сергеев-Ценский, С.Н. Лесная топь / С.Н. Сергеев-Ценский. – М.: Книга по требованию, 2011. – 50 с.
- 51.Солженицын, А.И. Рассказы / А.И. Солженицын. – М.: ИНКОМ НВ, 1991. – 228 с.
- 52.Солженицын, А.И. Раковый корпус / А.И. Солженицын. – М.: ИНКОМ НВ, 1991. – 464 с.
- 53.Солженицын, А.И. Угодило зернышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания. Ч. 1 (1974-1978) / А.И. Солженицын // Новый мир. – 1998. – № 9. – С. 47-125.
- 54.Солженицын, А.И. Что нам по силам? / А.И. Солженицын // Газета «Аргументы и Факты». № 5, 2008 г.
- 55.Солоухин. В. Владимирские проселки / В. Солоухин // Роман-газета. – № 6 (162). – М.: Гослитиздат, 1958. – 79 с.
- 56.Стенограмма 17-ой Церемонии вручения премии за самые сомнительные достижения «Серебряная Калоша» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (<http://www.silver.ru/air/events/2013/59875/?Page=0#comments>).
- 57.Стенограммы «Суд времени». Беловежское соглашение. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kurginyan.ru/.html>.
- 58.Стенограмма «Суд присяжных» [Электронный ресурс] / Телепрограмма канала НТВ от 7 августа 2014 г. – Режим доступа: http://www.ntv.ru/peredacha/sud_prisyagnih/m18160/o284196/.
- 59.Толстой, Л.Н. Собрание сочинений в 12 томах / Л.Н. Толстой. – М.: Мир книги, Литература, 2006. – 5568 с.
- 60.Толстой, А.Н. Полное собрание сочинений в 15 томах / А.Н. Толстой. – М.: Гос. изд. худ. лит., 1951. – 10140 с.

- 61.Тургенев, И.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. / И.С. Тургенев. – М., 1979.
- 62.Туркова, К. Слово «патриотизм» возглавило список антислов 2013 года. «Свобода», «скрепы» и ценность мата: итоги года в рубрике «Слово и антислово» [Электронный ресурс] / К. Туркова // газета «Московские новости». – Режим доступа: http://www.mn.ru/society_edu/20131227/366230044.html.
- 63.Тыркин, С. Режиссер Дэвид О. Рассел: Пессимизм – это роскошь, которая может убить [Электронный ресурс] / С. Тыркин // Еженедельник «Комсомольская правда» (8-т (26197-т), 20-27 февраля 2014 г.). – Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/26196.2/3083400/.html>.
- 64.Тютчев, Ф.И. Стихотворения / Ф.И. Тютчев. – М.: Совет. Россия, 1986. – 336 с.
- 65.Чехов, А.П. Рассказы и повести / А.П. Чехов. – М.: Владос, 2009. – 319 с.
- 66.Цветаева, М. Слова и смыслы / М. Цветаева. – М.: Фолио, 2013. – 185 с.
- 67.Шеваров, Д. За эти два слова поэту Евгению Маркину сломали жизнь / Д. Шеваров // Газета «Российская газета» № 275 (6251), 5 декабря 2013 г. – С. 28, 30. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/12/05/markin.html>.
- 68.Gala. Биография // Ежемесячный журнал. № 13 (109), декабрь 2013 г. Издательство: Axel Springer Russia – с. 124. – С. 3.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Публикация газеты «Аргументы и факты».

№ 26 (1755) от 25 июня-1 июля 2014 г.

«День рождения – день, когда человек рождается физически. День именин – день духовного рождения, когда человек принимает таинство святого крещения и нарекается именем (отсюда и происходит слово “именины”) определенного святого, который становится его небесным покровителем. ... Наши православные предки не задавали вопрос: “Как вас зовут?”, а спрашивали: “Как ваше святое имя?”. После крещения у человека появляется как святой покровитель – допустим, благоверный князь Александр Невский или великомученица Татьяна, – так и ангел-хранитель. Поэтому именины еще называют днём ангела. Именины празднуют в день памяти святого, чьё имя человек носит.

У многих именины и день рождения либо совпадают, либо их разделяет небольшой отрезок времени. Это объясняется тем, что по традиции при крещении ребёнка выбирают имя того святого, чей день памяти отстоит на несколько дней до или после дня рождения младенца. Хотя, если родители, например, хотят назвать сына в честь святого князя Даниила Московского, а ребёнок появился на свет на полгода раньше дня памяти святого, не возбраняется назвать мальчика Даниилом и крестить его с этим именем.

Бывает, что паспортные данные отличаются от имени, данного при крещении. Так, ко мне в храм пришёл креститься Эдуард – этого имени в святцах нет. Узнав об этом, он застенчиво улыбнулся и сказал, что всю жизнь хотел, чтобы его звали Ваней. И я его покрестил с именем Иоанн».

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Таблица 1.1. Лексема *уровень* и особенности ассоциативных реакций

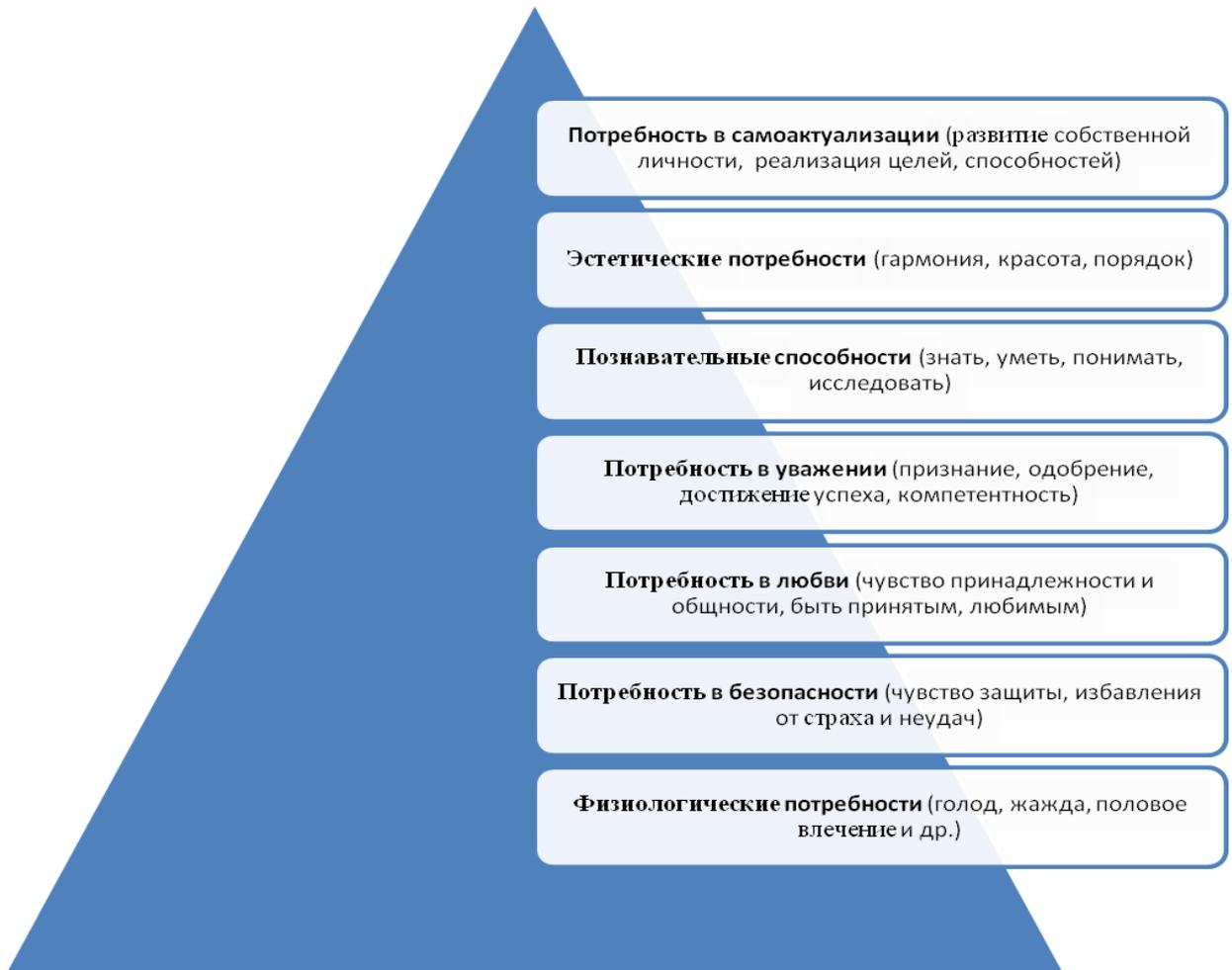
№ п/п	значение	функция	пример
1.	Горизонтальная плоскость, являющаяся границей высоты чего-нибудь	Специальные тексты, научное, профессиональное направление.	<i>Уровень воды в реке. Выше уровня моря.</i>
2.	Степень величины, развития, значимости чего-нибудь	Общественно-политическое, социальное, культурное, профессиональное, научное значения, термин.	<i>Высокий культурный уровень советского народа. На уровне современных научных требований. Уровень заработной платы. Встреча на высшем уровне (встреча глав правительств). Переговоры на уровне послов.</i>
3.	На одной высоте, на одном уровне с чем-нибудь	Практическое, бытовое	<i>Вода в ведре в уровень с краями.</i>
4.	Предлог	В значении предлога (в полном соответствии с какими-нибудь требованиями, нормами).	<i>Жить в уровень с веком (вполне современно)</i>
5.	Сказуемое	Разговорное (соответствует требуемому, вполне удовлетворителен)	<i>Доклад был не на уровне.</i>
6.	Термин	Специальное. То же, что и ватерпас.	

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

Таблица 1.2. Развитие информационного поля лексемы *тишина*

слово	исходное значение	Потенциальное психологическое значение
тишина (с. 603)	-отсутствие шума, тихая обстановка	душевное состояние, умиротворение,
тихий	-небольшой звучности, находящийся в безмолвии, спокойный, смирный, не оживленный, небольшой скорости, не быстрый	отсутствие угрозы и предостережение, угроза и т.п.
тихомолком	-совсем тихо, незаметно	
тихоня	-тихий, смирный человек	
тишком	-незаметно, потихоньку	
тишь	-тоже, что тишина	

Схема 1.2. Пирамида потребностей А. Маслоу

ПРИЛОЖЕНИЕ 5.

Таблица 1.3. Актуализация различных психологических признаков содержания лексемы *страшный*

Наименование потребности в концепции А. Маслоу	Возможное значение лексемы <i>страшный</i>	Область, актуализирующая значение	Пример в тексте
Базовые потребности: Физиологические потребности (голод, жажда, половое влечение и др.) и потребность в безопасности (чувство защиты, избавления от страха и неудач)	опасный; угрожающий жизни;	- угроза, нападение, природное явление, стихия, животный мир, катастрофы и т.п.	ВСевернойКорее родители едят своих детей из-за страшногоголода, пока власти тратят средства на запуски ракет. Страшная катастрофа в московском метро.
Потребность в любви (чувство принадлежности и общности, быть принятым, любимым)	одинокий; нелюбимый; непринятый	-область человеческих взаимоотношений, семейный статус и т.п.	Страшная одинокая старость. Страшный Одиночка. Страшно нелюбимые книги. Страшный взгляд.
Потребность в уважении (признание, одобрение, достижение успеха, компетентность)	неодобряемый; некомпетентный	- область достижений, эффективной деятельности в заданной области	Творят законы тоже страшнокомпетентные люди, выдающегося ума и образования- Валувев и Кожевникова. Такой же "страшный специалист", как простая кассирша из банка, что

			стала Председателем Жилищной Инспекции.
Познавательные способности (знать, уметь, понимать, исследовать)	неумелый, незнающий	- область владения знаниями, умениями, навыками	И поскольку речь идет о нереально крутом войне Рейзо, бросившему вызов своему прежнему «клану», то еще будет замешан страшноумелый учитель.
Эстетические потребности (гармония, красота, порядок)	некрасивый, беспорядочный	- область эстетического восприятия	Страшная красавица. Страшный порядок. Страшная пропорция.
Потребность в самоактуализации (развитие собственной личности, реализация целей, способностей)	неудачный, неспособный	- развитие и реализация способностей человека	Страшно везучий.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6.

Лингвистический анализ текста деловой коммуникации

*«Вы сегодня собрались, потому что **Вы** – лучшие. Но ответственность – на Вас. Любой провал – камень на Вас. Делаю себе имя. А имя мне делает свита. А свита – это **Вы**. Нам еще много учиться. ...начиная с языка. Надо учить. Как только **выйдем отсюда, прошу подумать**: «А как я выгляжу?» Какие **мои** ожидания?»*

Обращают на себя внимание авторские повторы в самом начале речи. И далее: *Прежде всего «сближение». Кто-то должен доказывать, что он одной с нами крови, кто-то уже поработал с нами. Мне приходилось увольнять, но никто сам не сказал: «Я ухожу!». К нам люди тянутся! Хорошее будет тянуться к хорошему.*

Автор переходит к рекомендациям:

*Если каждый из **Вас** будет каждый день добросовестно работать, то результат будет.*

Затем речь снова идет о самом выступающем:

*Топ 3. **Лидерство** в стране – шанс получить имя в машиностроительной отрасли. **Компания** – это смысл моей жизни. Это слова изнутри. Я пытаюсь построить всё правильно. Я готов тратить на **Ваше** обучение.*

Продуктивно включение противопоставлений:

***Никто** не будет сдерживать развитие компании. Если **кто-то** остановился в развитии... «Отряду нужно идти всё вперёд, А **кто-то** не может нести пулемет...» Всё наворачивается как снежный ком... **Самое моё страшное оружие** – это общение. Я не сказал: «Пойдем ко мне на работу!», я сказал: «Пойдём со мной по жизни!».*

Руководитель возвращается к основной мысли о единстве, используя при этом актуализацию местоимений, а также повторы:

***Нас** может сближать одно – общечеловеческие ценности. Я хочу в каждом видеть свое отражение. Человек должен быть интересен. Мне*

серая масса не нужна. Ночью просыпаюсь и думаю, почему они поссорились!.. Должно всё идти изнутри. То, что компания моя жизнь, должно подтверждаться каждый день. Это не у «них», а у «нас». Вы – это мой мир. Прошу Вас создавать свои мирки. Чтобы мои слова без искажений передавались им и далее... Тело должно быть твёрдым, чтобы никто не мог проткнуть сбоку. В чём сила компании? Сила в атмосфере. Железо ничего не стоит сегодня. Заводов, лежащих на боку, сколько угодно. Понимание – доверие – уважение. Моё оружие – общение. Тот, кто даёт, богаче того, кто берёт.

Я абсолютно счастливый человек. Сегодняшний день пусть будет для Вас кусочком счастья. Хочу, чтобы Вы не теряли планки, которую я задал. Очень рад, что мне есть кому сказать это. Мы собрались в первый раз, новые лица. Мне важно, чтобы в Вас всё бурлило, кипело!» (по материалам стенограммы речи главы группы промышленных компаний на совете директоров в 2012 году).

Таблица 2.1. Ключевые лексические компоненты диалектного текста

Ключевые лексемы	Вспомогательные лексемы	Фоновая лексика; слова – грамматическая связка
<p><i>[ТъварОх, свЕжай, ни кИслай, разьбивАишяИчку, мАслу вальЁш, дабАвиш съхаркУ, изЮм, вьнилИна, стирАиш, мяшАиш, дъбавлЯють слИвъчкаф, смятАны. КладУть, ацЕжъвыють: гнёт кладУть, вада фсЯ вЪшыла.</i></p>	<p><i>БирЁш, рътъплЁнью в нявО долъ, стёртъй тъварОх, чИстью марлю, нь нявО гнёт.</i></p>	<p><i>ТудЫ, чудОк, и фсё, хтО хочить, иль, этъ Штоп, фся.</i></p>

Схема 2.1. Модель взаимодействия текстовых единиц в диалектном фразеологизме *пошли ходенем*

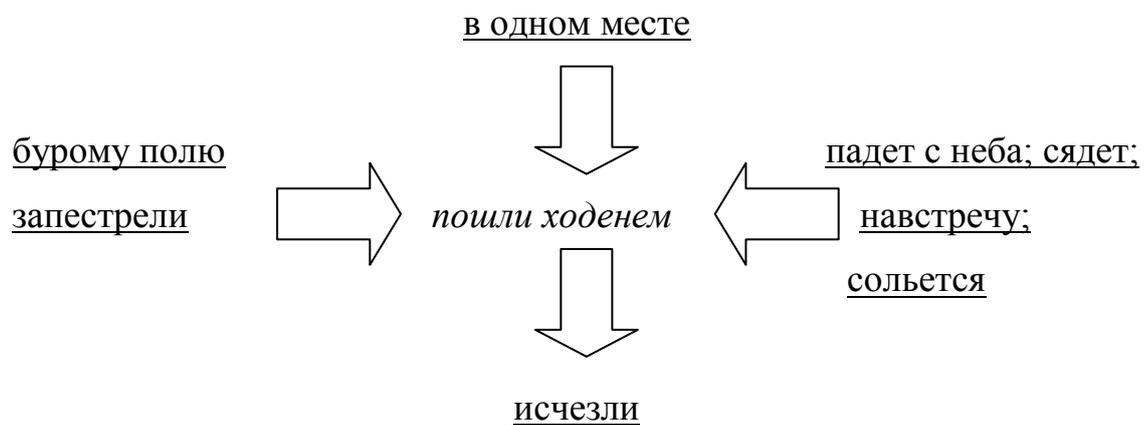

Таблица 2.2. Статистика лексем текста

Наименование показателя	Значение
Количество символов	1793
Количество символов без пробелов	1544
Количество слов	247
Количество уникальных слов	152
Количество значимых слов	63
Количество стоп-слов	110
«Вода» (нулевая информация)	74.5 %

Таблица 2.3. Семантическое ядро текста

Фраза/слово	Количество	Частота, %
государство	6	2.43
империя	4	1.62
оно	4	1.62
безоговорочный	3	1.21
все	3	1.21
миллион	3	1.21
посмотреть	3	1.21
развалиться	3	1.21
тут	3	1.21
будущий	2	0.81
ваш	2	0.81
вдруг	2	0.81
группы государств	2	0.81\1.62
злой	2	0.81
империей зла	2	0.81\1.62
капитулировать	2	0.81
капитуляция	2	0.81
капитуляция безоговорочная	2	0.81\1.62
многие миллионы	2	0.81\1.62
оказаться	2	0.81
перестает субъектом	2	0.81\1.62
разваливаться	2	0.81
смысл	2	0.81
субъект	2	0.81

ПРИЛОЖЕНИЕ 11.

Таблица 2.4. Особенности лексического оформления заголовков газеты

заголовок	Подзаголовок
– Кто от кого <i>недополучает</i> ? – Что <i>задумал</i> Янукович?	– Украина снова развернулась лицом к России. Вопрос – надолго ли?
– <i>Разруха в головах</i> никуда не делась?	– Владимир Бортко – о <i>вранье</i> и <i>опасных</i> экспериментах
– Работа молодит	<i>Возможен</i> ли прорыв в отношениях с Ватиканом?
– <i>Национальная гордость</i> России	– Названы <i>именалауреатов</i> премии «Аргументов и фактов». Их <i>выбирали</i> вы – наши читатели!
– Станица <i>на крови</i>	– Самое <i>жуткое преступление</i> в России совершили... <i>по ошибке</i>
– Кто кого <i>притесняет</i>	– Как бизнесмены из бывшего СССР чувствуют себя в РФ, а русские – в странах СНГ
– <i>Вспомнить</i> всех <i>поимённо</i>	– Первый канал создаёт единую базу <i>всех погибших на войне людей</i>
– <i>Время потепления</i>	– Температура повысилась, а <i>тарифы</i> остались <i>прежними</i>
– Мастерски <i>кинули</i>	– В «Мастер-банке» за год <i>отмыли</i> 200 млрд. руб.
– Контроль спецназначения	– Кто и как <i>гарантирует</i> сохранность средств на <i>капремонт</i> ?
– <i>Сопли</i> – круглый год	– Почему <i>не помогают</i> лекарства от простуды

– Обмани меня?	– Детское <i>вранье</i> – признак интеллекта и креативности?
– Без лица	– Вике <i>сделали</i> операцию и <i>покрестили</i>
– <i>Неизвестный</i> Гайдай	– 20 лет назад, 19 ноября, не стало <i>гения</i> комедии
– «Мой инглиш мен»	– 20 лет назад <i>англичанин</i> Майкл поселился в <i>глухой сибирской деревне</i>
– Париж <i>близко</i>	– Читатели «АиФ» <i>выиграли</i> поездку во Францию
– В поисках Дракулы	– Российские <i>учёные</i> отправились в логово кровавого графа
– В чём сила России?	– Конкурс <i>сценариев и фильмов о войне</i> поставил немало вопросов
– <i>1300 слов</i> про любовь и футбол	– «Любая <i>премьера</i> , любой <i>ресторан</i> ... Они же были <i>баловни судьбы</i> . Жили, как в <i>футляре</i> ».
– Как <i>похудеть</i> ?	– Без денег, голоданий и фитнеса
– Девочка в красном	– История портрета длиной в жизнь

Таблица 2.6. Редакционная статья «Иллюзия будущей пенсии»

газеты «Аргументы и факты»

ПЕРВО-НАПЕРВО	
<p>«Существует иллюзия, что средства пенсионных накоплений – это средства самих граждан. Это средства, которые платит работодатель», – такое заявление сделал замминистра труда А. Пудов. Хочется спросить: а у работодателя они из воздуха появляются? Разве не мы эти деньги заработали?</p> <p>Но оказывается, даже наши пенсионные накопления в негосударственных пенсионных фондах – всё равно «не собственность граждан»! А чья же тогда, простите?</p> <p>Пенсионный фонд годами слал миллионам россиян «письма счастья», показывая, сколько они «заработали» на свою старость. Будущим пенсионерам наглядно демонстрировали – вы не будете такими бедными, как нынешние. Вы сами можете заработать достойную пенсию.</p>	<p>Например, банковская система: откуда брать деньги, чтобы потушить «пожар» в кредитных учреждениях (см. с. 29)? Или регионы, в которых местная власть не ломает голову, где заработать (см. с. 26). Зачем? И так деньги из центра дадут.</p> <p>А в центре скажут, что «пенсионные накопления гражданам не принадлежат», и спокойно отдадут их под нужды регионов или банкиров.</p> <p>Пенсионная реформа постоянно подвергается критике. Эксперты «Аргументов и фактов» на наших страницах раскладывали по полочкам мудрёную формулу, по которой рассчитывается будущая пенсия. И получилось, что простой честный человек в любом случае в проигрыше. В редакцию потом звонили из Пенсионного фонда разъярённые чиновники и кричали: «Вы нас не так поняли!!!»</p> <p>Сейчас маски сброшены: чиновники чётко нам сказали, что это не наши деньги. Мы правильно поняли?</p>

Таблица 2.7. Тематическое объединение ключевой лексики
и психологической семантики

Тематическая группа	Ключевое слово	Функция в тексте
Финансовое обеспечение	<p><i>пенсия</i></p> <p><i>деньги</i></p> <p><i>работодатель</i></p> <p><i>министр труда</i></p> <p><i>накопления</i></p> <p><i>в негосударственных фондах</i></p> <p><i>«письма счастья»</i></p> <p><i>заработать</i></p> <p><i>банковская система</i></p> <p><i>в кредитных учреждениях</i></p>	Информационно-психологическая
Социальная сфера	<p><i>министр труда</i></p> <p><i>работодатель</i></p> <p><i>местная власть</i></p> <p><i>центр</i></p> <p><i>граждане</i></p>	Информационно-психологическая
Пенсионная реформа (пенсионная реформа постоянно подвергается критике)	<p><i>Согласованное определение</i></p> <p><i>в составе</i></p> <p><i>терминологического словосочетания</i></p>	<p>Функция в предложении – подлежащее в составе простого двусоставного предложения</p>

ПРИЛОЖЕНИЕ 14.

Таблица 2.7. Грамматические формы ключевых слов и их функциональная нагрузка

Ключевое слово	Существительное	Глагол, глагольное слово	Прилагательное	Наречие
Иллюзия	+	-	-	-
будущей	-	-	+	-
пенсия	+	-	-	-
накопленный	-	+	-	-
работодатель	+	-	-	-
министр	+	-	-	-
деньги	+	-	-	-
накопления	+	-	-	-
негосударственных	-	-	+	-
фондах	+	-	-	-
письма	+	-	-	-
старость	(+)	-	+	-
кредитных	-	-	+	-
учреждениях	+	-	-	-
наглядно	-	-	-	+

Таблица 2.8. Синтаксические позиции лексемы *пенсия* в предложении

Ключевое слово	Синтаксическая позиция	Предложение в тексте
<p>Пенсии (в предложении «иллюзия будущей пенсии»)</p>	<p>Несогласованное определение (в постпозиции к определяемому слову)</p>	<p>Заголовочное предложение (односоставное / неполное двусоставное)</p>
<p>Пенсионных накоплений (Существует иллюзия, что средства пенсионных накоплений – это средства самих граждан)</p>	<p>Согласованное определение в составе терминологического словосочетания</p>	<p>Группа подлежащего в подчинительной части сложноподчинённого предложения</p>
<p>Пенсионный фонд (Пенсионный фонд годами слал миллионам граждан «письма счастья»...)</p>	<p>Согласованное определение в составе терминологического словосочетания</p>	<p>Подлежащее в двусоставном простом предложении</p>
<p>Пенсионерам (Будущим пенсионерам наглядно демонстрировали...)</p>	<p>Дополнение (объект действия)</p>	<p>Приглагольное дополнение в односоставном неопределённо-личном (неполном двусоставном)</p>

Таблица 2.9. Сравнительный анализ лексических компонентов по тематическим рубрикам

Заголовки	Подзаголовки
<i>Чиновникам на заметки</i>	<i>В Кремле создано Управление по противодействию коррупции</i>
<i>Не переборщить</i>	<i>Владимир Путин пообещал студентам не вводить новых ограничений в Интернете</i>
<i>Как удвоить свою пенсию?</i>	<i>Кошелёк</i>
<i>Все в сад!</i>	<i>Премьер обещает «детских» очередей не будет в 2016 году</i>
<i>За бедного студента</i>	<i>Медведев требует унифицировать оплату в общежитиях вузов</i>
<i>Каток вместо сундука</i>	<i>Событие</i>
<i>Где сегодня лучше хранить деньги? По курсу Улюкаева</i>	<i>Министр экономического развития рассказал, когда повысится до миллиона рублей страховка по вкладам, о росте пенсий и о госзакупках</i>
<i>От видеокамер до глушилок</i>	<i>Как будут бороться за честный ЕГЭ-2014</i>
<i>Без паники</i>	<i>Как получить вклад и вернуть кредит, если банк разорится?</i>
<i>Потерпевшим зачтётся</i>	<i>Предлагается выплачивать компенсации жертвам преступлений</i>
<i>Законная премия</i>	<i>Юристы разработают учебник по основам права для школ</i>

<i>«Я выстрелил ему прямо в сердце»</i>	<i>Тихий пенсионер убил соседа за шумный ремонт</i>
<i>За гранью</i>	<i>Внук утопил в ванне бабушку, читавшую ему мораль</i>
<i>Чья хата в краю?</i>	<i>Украина пытается сесть разом на два стула</i>
<i>«Нет» однополым бракам</i>	<i>Хорваты отказались быть «как все» в Евросоюзе</i>
<i>Некомплект</i>	<i>В воронежских «скорых» недосчитались врачей и лекарств</i>
<i>Оправдать средства</i>	<i>Орловские власти предложили ужесточить систему целевого обучения медиков</i>
<i>Город без пригляда</i>	<i>Почему власти не берут под видеонаблюдение городские улицы</i>
<i>Матронин двор</i>	<i>На родине святой старицы появится дом-музей</i>
<i>На фасаде храма</i>	<i>В Орле увековечили память о последнем императоре</i>
<i>Вожидании факела</i>	<i>В Белгороде прочертили олимпийский маршрут</i>
<i>Сняли погоны</i>	<i>Приговор</i>
<i>Сказки Шехерезады</i>	<i>Воронежцы увидели эскизы костюмов к балетам Дягилева</i>
<i>Токио – всему десятая часть</i>	<i>Столица Японии занимает первое место по остроте проблем, присущих метрополисам</i>
<i>Не кис-кис!</i>	<i>Японские ученые объяснили, почему</i>

	<i>коты игнорируют хозяев</i>
<i>Солнечный комбат</i>	<i>Майор Солнечников закрыл собой новобранцев от гранаты</i>
<i>Спас</i>	<i>Судебный пристав накрыл собой гранату, брошенную преступником</i>
<i>«Лимонка» на остановке</i>	<i>Именем героя Охрименко назвали турнир по рукопашному бою</i>
<i>Экспонаты трогать разрешается</i>	<i>В Ростове открылся необычный музей для школьников</i>
<i>Последний маршал</i>	<i>Дмитрий Язов о первом расстреле, Сталине, Ельцине и Горбачёве</i>
<i>Вдохнуть и выдохнуть свободу</i>	<i>Режиссёр Андрей Смирнов и сценарист Наталья Рязанцева – о том, как началась и закончилась реальная оттепель советского кино</i>
<i>Стюарды для «Зенита» Новое наказание для клубов</i>	<i>Впервые в России футбольный клуб начал готовить добровольных помощников службы безопасности РФС утвердил частичное закрытие секторов на стадионах</i>
<i>19 тысяч 200 рублей на подарки</i>	<i>Социологи утверждают: траты россиян на Новый год возрастут</i>
<i>Салют, Исаич</i>	<i>За эти два слова поэту Евгению Маркину сломали жизнь</i>

ПРИЛОЖЕНИЕ 17.

Лексическое оформление статьи «Первые жертвы в жерновах ЕГЭ»
газеты «Аргументы и факты»

*«Результаты ЕГЭ еще даже не обнародованы, а многие предметы и вовсе пока не сданы, но школьная экзаменационная пора уже **унесла первые жизни**. В Свердловской области 11-классник **повесился**, потому что его из-за итоговой двойки **не допустили** к ЕГЭ по математике, в Волгоградской области другой **свел счеты с жизнью**, потому что **плохо сдал** ЕГЭ по русскому языку. **Убил себя**, даже не дождавшись оценки! Какое же количество **потенциальных самоубийц** еще ждет приговора, то есть низких баллов? Кстати, прокуратура Волгоградской области, подсчитав, что только в их регионе в прошлом году было 22 попытки суицида по причине экзаменов, еще до **страшного ЧП** обращалась с призывом: “Не ругайте детей, даже если они завалят ЕГЭ”. А в масштабах страны количество потенциальных **жертв** госэкзамена ежегодно **измеряется сотнями** и из года в год растет. Представляете, до какой степени **отчаяния доведены** дети, если они, нормальные, психически здоровые, готовы **лезть в петлю** из-за отметки! А что удивительного, если школярам постоянно твердят: не сдашь ЕГЭ – никуда не поступишь. **Завалил экзамен?** Значит, ты **неудачник** и т.д.*

*Между тем остановить эту волну **чудовищных** самоубийств можно простым способом – разрешить сдавать ЕГЭ несколько раз в год. Тогда перенервничал ли ребенок, **испугался** ли или что-то забыл – у него **будет выход**. А пока дети, не сдавшие экзамен, видят для себя лишь один выход – **покончить с собой**» (Еженедельник «Аргументы и факты» № 23 (1752), 4-10 июля 2014 г., <http://www.aif.ru/society/education/1182237>).*

ПРИЛОЖЕНИЕ 18.

Лексическое оформление статьи «В неоплатном долгу» газеты

«Аргументы и факты»

«На днях в Госдуме возникла идея учредить должность омбудсмена (защитника прав) ветеранов войны. Мол, даже у бизнесменов такой защитник есть, то ветеранам, которых у нас больше 3 миллионов, он тоже нужен.

Зачем? В стране издано достаточно законов, чтобы наши уважаемые ветераны не нуждались вообще ни в чем. Но они почему-то нуждаются.

В квартирах, обещанных президентом, – потому что чиновники на местах придумывают любые причины, чтобы погонять стариков по очередям, покормить их обещаниями, но не выделить человеческое жилье.

В лекарствах – потому что аптекам не выгодно продавать то, что положено по рецептам, а купить дорогие таблетки те, кто пролил свою кровь за нас, за нашу страну, не могут – дорого.

В хороших качественных продуктах – их вообще у нас в стране мало кто себе может позволить.

В конце концов, во внимании – о ветеранах снова вспомнили только накануне праздника Победы. В том числе и политики, выступившие с идеей насчет омбудсмена. Получается, что нам надо защищать права ветеранов...от нас самих?! Но ведь помнить о том, что мы все – вся страна! – в неоплатном долгу перед этими людьми, мы должны каждый день. Их осталось немного. И им осталось недолго пожить на этой земле. Так почему же не сделать жизнь каждого из них наполненной заботой и вниманием государства, окружающих их людей? Хорошую жизнь ветеранов – в законе!» (Еженедельник «Аргументы и факты» № 19 (1748), 7-12 мая 2014 г., <http://www.aif.ru/politics/russia/1150818>).

Таблица 2.10. Распределение по стилистическому признаку лексики статьи «В неоплатном долгу» газеты «Аргументы и факты»

Высокий	Нейтральный	Низкий
<p><i>учредить;</i> <i>защитника права;</i> <i>ветеранов войны;</i> <i>уважаемые ветераны;</i> <i>пролил свою кровь за нас, за нашу страну;</i> <i>праздника Победы;</i> <i>вся страна! – в неоплатном долгу перед этими людьми;</i> <i>мы должны каждый день;</i> <i>их осталось немного;</i> <i>им осталось недолго пожить на этой земле;</i> <i>так почему же не сделать жизнь каждого из них наполненной заботой и вниманием государства, окружающих их людей;</i> <i>хорошую жизнь ветеранов – в законе!</i></p>	<p><i>в Госдуме;</i> <i>должность омбудсмена;</i> <i>у бизнесменов;</i> <i>защитник;</i> <i>ветеранам;</i> <i>у нас больше 3 миллионов;</i> <i>он;</i> <i>в стране;</i> <i>издано достаточно законов;</i> <i>наши;</i> <i>они;</i> <i>в квартирах;</i> <i>обещанных президентом;</i> <i>чиновники;</i> <i>причины;</i> <i>не выделить;</i> <i>в лекарствах;</i> <i>аптекаам;</i> <i>не выгодно;</i> <i>продавать;</i> <i>положено по рецептам;</i> <i>купить;</i> <i>не могут;</i></p>	<p><i>на днях;</i> <i>возникла идея;</i> <i>мол, даже такой;</i> <i>тоже нужен;</i> <i>зачем;</i> <i>не нуждались;</i> <i>вообще ни в чем;</i> <i>почему-то;</i> <i>нуждаются;</i> <i>обещанных;</i> <i>на местах;</i> <i>придумывают;</i> <i>любые;</i> <i>погонять;</i> <i>стариков;</i> <i>по очередям;</i> <i>покормить обещаниями;</i> <i>человеческое жильё;</i> <i>дорогие таблетки;</i> <i>их вообще у нас в стране;</i></p>

	<p><i>дорого;</i> <i>в хороших</i> <i>качественных</i> <i>продуктах;</i> <i>во внимании;</i> <i>о ветеранах;</i> <i>вспомнили;</i> <i>накануне;</i> <i>праздника;</i> <i>политики; выступившие;</i> <i>омбудсмена;</i> <i>надо защищать;</i> <i>помнить</i></p>	<p><i>мало кто себе</i> <i>может</i> <i>позволить;</i> <i>в конце концов;</i> <i>снова;</i> <i>только;</i> <i>с идеей насчет;</i> <i>получается;</i> <i>от нас самих</i></p>
--	---	--

ПРИЛОЖЕНИЕ 20.

Таблица 2.11. Исходное значение слов и их коммуникативная роль в тексте

Единицы текста	Грамматическая форма	Значение слова в словаре	Семантика слова в тексте
<i>я</i>	личное местоимение, 1 л., ед. ч	обозначение говорящим самого себя; в значении сущ. – личность	личное отношение к происходящим событиям
<i>дарю</i>	личный глагол в форме 1 л., ед. ч., несов. в., наст. вр.	давать в качестве подарка, оказать знаки внимания	действие, совершаемое в настоящее время, длительное, постоянное или неоднократное
<i>тебе</i>	местоимение	употребляется при обращении к какому-либо лицу, обычно близкому	личное признание коммуниканта
<i>к светлому празднику</i>	сущ., д. п., ед. ч., словосочетание с качественным прилагательным в положительной степени	излучающий много света, яркий, ясный, радостный; день торжества, особо отмечаемый обычаем и церковью, день радости, развлечений	неконкретное обозначение события, предполагает множественность и личную причастность, эффект психологического признака радости, веселья, торжества и т.д., совместного действия
<i>множество</i>	субстантивная форма количественного числительного	большое количество	ощущение положительного психологического признака
<i>всяких</i>	определенное местоимение	каждый, разный, всевозможный	неограниченный, свободный выбор
<i>странных</i>	прилагательное в положительной степени	необычный, непонятный, вызывающий	эмоциональное напряжение по несоответствию

		недоумение	обычному, естественному, нормированному
<i>вещей</i>	сущ., мн. ч., р. п.	предмет, имущество, произведение, обстоятельство, явление	прямое значение всех обозначений
<i>звон нежданных звонков</i>	словосочетание субстантивных форм глагола с адъективной формой	звук неожиданный, случайный	удивление, тревога, радость или разочарование
<i>запах блюд, не сготовленных вовсе</i>	словосочетание существительных с причастием в функции прилагательного и наречием	свойство кушанья	память о радости праздника, дома и ожидание, неожиданность
<i>и мужество ни о чем не жалеть</i>	словосочетание субстантивной формы прилагательного и глагола с местоимением	храбрость, присутствие духа	сложное психологическое состояние с гендерным признаком
<i>и охапки цветов, не проросших еще ароматных и бархатных</i>	сложная текстовая единица в форме словосочетания существительных и прилагательных	ноша в количестве, которое сложно охватить и унести руками	надежда на радость, счастье, праздник, знание о значимости данной символики и ощущений, гендерный признак
<i>удивление, надежду на добрую весть</i>	словосочетание субстантивных форм глагола и прилагательного	известие, сообщение	прямое выражение психологической семантики

<i>вид из окон (еще до сих пор не распахнутых)</i>	сложная синтаксическая конструкция (вставочный компонент как часть другого текста)	местность, видимая взором	надежда, обещание, ожидание
<i>на дорогу (которая, может быть, есть)</i>	текстовая единица в форме сложного синтаксического компонента текста	путь сообщения, узкая полоска земли для прохода или проезда	ожидание расставания или встречи, неуверенность

ПРИЛОЖЕНИЕ 21.

Таблица 2.12. Семантическое преобразование слова в тексте

вода		отражение		человек	
Исходное значение	Психологическое значение	Исходное значение	Психологическое значение	Исходное значение	Психологическое значение
2. в воде		1. отражение			
3. в поверхность и быстрого потока	6. даже если не мутен он, даже если свободе от пены – в постоянной струйчатой ряби	4. не различить отражений	7. в неугомонной смене воды отраженья неверны, неотчетливы, непонятны		5. ни близких, ни далеких
9. лишь когда поток через реки и реки доходит	10. до спокойного широкого устья,			13. лишь там	мы видим
11. или в заводи остановившись воды, или в озерке,	12. где вода не продрогнет,	14. в зеркальной глади	15. и каждый листик прибрежного дерева, и каждое перышко тонкого облака, и налитую голубую глубь неба.		

				<p>16.<i>так и ты, так и я.</i></p>	<p>17.<i>Если до сих пор всё никак не увидим, всё никак не отразим бессмертную чеканную истину, – не потому ли, значит, что еще движется куда-то? Еще живем?</i></p>

Схема 2.2. Модель семантической оппозиции

